P1
JC 23

КП-20578

ОХ 393К-223-27

~~Инв. Ш~~
~~№ 162~~

БИБЛИОТЕКА
42224
25/84

Р1
С23

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

3-Z3

I.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1903 ГОДЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. Андреевъ. Жизнь Василія Ѳивейскаго.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.
Ив. Бунинъ. Черноземъ.
В. Вересаевъ. Передъ завѣсой.
Н. Гаринъ. Деревенская драма.
М. Горькій. Человѣкъ.
С. Гусевъ. Въ приходѣ.
А. Серафимовичъ. Въ пути.
Н. Телешовъ. Между двухъ береговъ.

Музей-читальня
И. Н. Ульянова
Инв, № 4976

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1904.

1986 г.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.

Изъ прибыли съ настоящаго сборника отчисляется: тысяча рублей—въ распоряженіе Литературнаго Фонда, тысяча рублей—въ распоряженіе Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, тысяча рублей—въ распоряженіе Общества для усиленія средствъ Женскаго Медицинскаго Института, тысяча рублей—въ распоряженіе Общества Взаимопомощи учителей и учительницъ Нижегородской губерніи на устройство общежитія для дѣтей, тысяча рублей—въ распоряженіе Нижегородскаго Отдѣла Общества Охраненія Народнаго Здравія, секція гигіены, воспитанія и образованія, на постройку Дѣтскаго Дома и пятьсотъ рублей—на Кемецкую народную читальню.

Товарищество „ЗНАНІЕ“.

Л. АНДРЕЕВЪ.

ЖИЗНЬ ВАСИЛІЯ ѲИВЕЙСКАГО.

Посвящается
Ѳедору Ивановичу Шаляпину.

№372

4224

I.

Надъ всей жизнью Василія Ѳивейскаго тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный, окружалъ его, какъ невидимое, прозрачное облако. Сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ, и долго не замѣчалъ той зловѣщей и таинственной преднамѣренности, съ какою стекались бѣдствія на его некрасивую, вихрастую голову. Быстро падалъ и медленно поднимался; снова падалъ и снова медленно поднимался,— и хворостинка за хворостинкой, песчинка за песчинкой трудолюбиво возстановлялъ онъ свой непрочный муравейникъ при большой дорогѣ жизни. И когда онъ сдѣлался священникомъ, женился на хорошей дѣвушкѣ и родилъ отъ нея сына и дочь, то подумалъ, что все у него стало хорошо и прочно, какъ у людей, и пребудетъ такимъ навсегда. И благословилъ Бога, такъ какъ вѣрилъ въ Него торжественно и просто: какъ іерей и какъ человѣкъ съ незлобливой душою.

И случилось это на седьмой годъ его благополучія, въ знойный іюльскій полдень: пошли деревенскіе ребята купаться и съ ними сынъ о. Василія, тоже Василій, и такой же, какъ онъ, черненькій и тихонькій. И утонулъ Василій. Молодая попадья, прибѣжавшая на бе-

регъ съ народомъ, навсегда запомнила простую и страшную картину человѣческой смерти: и тягучіе, глухіе стуки своего сердца, какъ будто каждый ударъ его былъ послѣднимъ; и необыкновенную прозрачность воздуха, въ которомъ двигались знакомыя, простыя, но теперь обособленныя и точно отодранныя отъ земли фигуры людей; и оборванность смутныхъ рѣчей, когда каждое сказанное слово круглится въ воздухѣ и медленно таетъ среди новыхъ нарождающихся словъ. И на всю жизнь почувствовала она страхъ къ яркимъ солнечнымъ днямъ. Ей чудятся тогда широкія спины, залитыя солнцемъ, босыя ноги, твердо стоящія среди поломанныхъ кочановъ капусты, и равномѣрные взмахи чего-то бѣлаго, яркаго, на днѣ котораго округло перекатывается легонькое тѣльце, страшно близкое, страшно далекое и навѣки чужое. И много времени спустя, когда Васю похоронили и трава выросла на его могилѣ, попадья все еще твердила молитву всѣхъ несчастныхъ матерей: „Господи, возьми мою жизнь, но отдай мое дитя!“

Скоро и всѣ въ домѣ о. Василія стали бояться яркихъ лѣтнихъ дней, когда слишкомъ свѣтло горитъ солнце и нестерпимо блеститъ зажженная имъ обманчивая рѣка. Въ такіе дни, когда кругомъ радовались люди, животныя и поля, всѣ домочадцы о. Василія со страхомъ глядѣли на попадью, умышленно громко разговаривали и смѣялись, а она вставала, лѣнивая и тусклая, смотрѣла въ глаза пристально и странно, такъ что отъ взгляда ея отворачивались, и вяло бродила по дому, отыскивая какія-нибудь вещи: ключи или ложку, или стаканъ. Всѣ вещи, какія нужно, старались класть на виду, но она продолжала искать, и искала все упорнѣе, все тревожнѣе по мѣрѣ того, какъ все выше поднималось на небѣ веселое яркое солнце. Она под-

ходила къ мужу, клала холодную руку на его плечо и вопросительно твердила:

— Вася! А Вася?

— Что, милая?—покорно и безнадежно отвѣчалъ о. Василій и дрожащими загорѣлыми пальцами съ грязными отъ земли, нестриженными ногтями, оправлялъ ея сбившіеся волосы. Была она еще молода и красива, и на плохонькой домашней рясѣ мужа рука ея лежала какъ мраморная: бѣлая и тяжелая.—Что, милая? Можетъ быть, чайку бы выпила—ты еще не пила?

— Вася, а Вася?—повторяла она вопросительно, снимала съ плеча словно лишнюю и ненужную руку, и снова искала, все нетерпѣливѣе, все безпокойнѣе. Изъ дома, обойдя всѣ его неприбранныя комнаты, она шла въ садъ, изъ сада во дворъ, потомъ опять въ домъ, а солнце поднималось все выше и видно было сквозь деревья, какъ блеститъ тихая и теплая рѣка. И шагъ за шагомъ, цѣпко держась рукой за платье, угрюмо таскалась за попадьей дочь Настя, серьезная и мрачная, какъ будто и на ея шестилѣтнее сердце уже легла черная тѣнь грядущаго. Она старательно подгоняла свои маленькіе шажки къ крупнымъ разсѣяннымъ шагамъ матери, исподлобья, съ тоскою оглядывала садъ, знакомый, но вѣчно таинственный и манящій; и свободная рука ея угрюмо тянулась къ кислому крыжовнику и незамѣтно рвала, царапаясь объ острыя колючки. И отъ этихъ острыхъ, какъ иглы, колючекъ, и отъ кислаго хрустящаго крыжовника становилось еще скучнѣе и хотѣлось скулить, какъ забронированному щенку.

Когда солнце поднималось къ зениту, попадья наглухо закрывала ставни въ своей комнатѣ и въ темнотѣ напивалась пьяная, въ каждой рюмкѣ черпая острую тоску и жгучее воспоминаніе о погибшемъ сынѣ. Она плакала и разсказывала тягучимъ неловкимъ голосомъ,

какимъ читаютъ трудную книгу неумѣлые чтецы, разсказывала все одно и то же, все одно и то же, о тихонькомъ, черненькомъ мальчикѣ, который жилъ, смѣялся и умеръ; и въ нѣвучихъ книжныхъ словахъ ея воскресали глаза его и улыбка, и старчески разумная рѣчь.

— Вася, говорю я ему, Вася, зачѣмъ ты обижаешь киску? Не нужно обижать, родненькій. Богъ всѣхъ велѣлъ жалѣть: и лошадокъ, и кошечекъ, и цыплятокъ. А онъ, миленькій, поднялъ на меня свои ясные глазки и говоритъ: а зачѣмъ кошка не жалѣетъ птичекъ? Вотъ голубки разныхъ тамъ птенчиковъ выводятъ, а кошка голубковъ съѣла, а птенчики все пищутъ, и-щутъ, пищутъ мамашу.

И о. Василій покорно и безнадежно слушалъ ее, а снаружи подъ закрытой ставней среди лопуха, репейника и глухой крапивы сидѣла на землѣ Настя и угрюмо играла въ куклы. И всегда игра ея состояла въ томъ, что кукла нарочно не слушалась, а она наказывала: больно вывертывала ей руки и ноги и сѣкла крапивой.

Когда о. Василій въ первый разъ увидалъ пьяную жену и по мятежно взволнованному, горько радостному лицу ея понялъ, что это навсегда—онъ весь сжался и захохоталъ тихимъ, безсмысленнымъ хохоткомъ, потирая сухія, горячія руки. Онъ долго смѣялся и долго потиралъ руки; крѣпился, пытаясь удержать неумѣстный смѣхъ и, отвернувшись въ сторону отъ горько плачущей жены, фыркалъ въ руку исподтишка, какъ школьникъ. Но потомъ онъ сразу сталъ серьезенъ и челюсти его замкнулись, какъ желѣзныя: ни слова утѣшенія не могъ онъ сказать метавшейся попадьѣ, ни слова ласки не могъ сказать ей. Когда попадья заснула, попъ трижды перекрестилъ ее, отыскалъ въ саду Настю, холодно погладилъ ее по головѣ и пошелъ въ поле.

Онъ долго шелъ тропинкою среди высоко поднявшейся ржи и смотрѣлъ внизъ на мягкую бѣлую пыль, сохранившую кое-гдѣ глубокіе слѣды каблуковъ и округлыя живыя очертанія чьихъ-то босыхъ ногъ. Ближайшіе къ дорожкѣ колосья были согнуты и поломаны, нѣкоторые лежали поперекъ тропинки и колосъ ихъ былъ раздавленный, темный и плоскій.

На поворотѣ тропинки о. Василій остановился. Впереди и кругомъ, далеко во всѣ стороны зыбились на тонкихъ стебляхъ тяжелые колосья, надъ головой было безбрежное, пламенное іюльское небо, побѣлѣвшее отъ жары,—и ничего больше: ни деревца, ни строенія, ни человѣка. Одинъ онъ былъ, затерянный среди частыхъ колосьевъ передъ лицомъ высокаго пламеннаго неба. О. Василій поднялъ глаза кверху—они были маленькіе, ввалившіеся, черные, какъ уголь, и яркимъ свѣтомъ горѣлъ въ нихъ отразившійся небесный пламень—приложилъ руки къ груди и хотѣлъ что-то сказать. Дрогнули, но не подались сомкнутыя желѣзныя челюсти: скрипнувъ зубами, онъ съ силою развелъ ихъ,—и съ этимъ движеніемъ устъ его, похожемъ на судорожную зѣвоту, прозвучали громкія, отчетливыя слова:

— Я—вѣрю.

Безъ отзвука потерялся въ пустынѣ неба и частыхъ колосьевъ этотъ молитвенный вопль, такъ безумно похожій на вызовъ. И точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая, онъ снова повторилъ:

— Я—вѣрю.

А вернувшись домой, снова хворостинка за хворостинкой принялся возстановлять свой разрушенный муравейникъ: наблюдалъ, какъ доили коровъ, самъ расчесалъ угрюмой Настѣ длинные жесткіе волосы и, несмотря на поздній часъ, поѣхалъ за десять верстъ къ

земскому врачу, посовѣтоваться о болѣзни жены. И докторъ далъ ему пузырекъ съ каплями.

II.

О. Василія не любилъ никто, ни прихожане, ни причтъ. Церковную службу отправлялъ онъ плохо, неблаголѣпно: былъ сухъ голосомъ, мямлилъ, то торопился такъ, что діаконъ едва успѣвалъ за нимъ, то непонятно медлилъ. Корыстолюбивъ онъ не былъ, но такъ неловко принималъ деньги и приношенія, что всѣ считали его очень жаднымъ и за глаза насмѣхались. И всѣ окрестъ знали, что онъ очень несчастливъ въ своей жизни и брезгливо сторонились отъ него, считая за дурную примѣту всякую съ нимъ встрѣчу и разговоръ. На свои именины, праздновавшіяся 28 ноября, онъ приглашалъ къ обѣду многихъ гостей и на его низкіе поклоны всѣ отвѣчали согласіемъ, но приходилъ только причтъ, а изъ почетныхъ прихожанъ не являлся никто. И было совѣстно передъ причтомъ, и обиднѣе всего было попадьѣ, у которой даромъ пропадали привезенныя изъ города закуски и вина.

— Никто и идти къ намъ не хочетъ,—говорила она, трезвая и печальная, когда расходились перешившіеся и развязные гости; не уважавшіе ни дорогихъ винъ, ни закусокъ, и все валившіе, какъ въ пропасть.

Хуже всѣхъ относился къ попу церковный староста Иванъ Порфирычъ Копровъ; онъ открыто презиралъ неудачника и послѣ того, какъ стали извѣстны селу страшные запои попадьи, отказался цѣловать у попа руку. И благодушный діаконъ тщетно убѣждалъ его:

— Постыдись! Не человѣку поклоняешься, а сану.

Но Иванъ Порфирычъ упрямо не хотѣлъ отдѣлить санъ отъ человѣка и возражалъ:

— Не стоющій онъ человѣкъ. Ни себя содержать онъ не умѣетъ, ни жену. Развѣ это порядокъ, чтобы у духовнаго лица жена запоемъ пила, безъ стыда, безъ совѣсти? Попробуй моя запить, я бъ ей прописалъ!

Діаконъ укоризненно покачивалъ головою и разсказывалъ про многострадальнаго Іова: какъ Богъ любилъ его и отдалъ Сатанѣ на испытаніе, а потомъ сторицею вознаградилъ за всѣ муки. Но Иванъ Порфирычъ насмѣшливо ухмылялся въ бороду и безъ стѣсненія перебивалъ неправившуюся рѣчь:

— Нечего разсказывать, и сами знаемъ. Такъ то Іовъ, праведникъ, святой человѣкъ, а это кто? какая у него праведность? Ты, діаконъ, лучше другое вспомни: Богъ шельму мѣтитъ. Тоже не безъ ума пословица сложена.

— Ну, погоди: задастъ тебѣ укотка попъ, какъ руки не поцѣлуешь. Изъ церкви выгонитъ.

— Посмотримъ.

— Посмотримъ.

И они поспорили на четверть вишневки, выгонитъ попъ, или не выгонитъ. Выигралъ староста: онъ дерзко отвернулся и протянутая рука, коричневая отъ загара, сиротливо осталась въ воздухѣ, а самъ о. Василій густо покраснѣлъ и не сказалъ ни слова.

И послѣ этого случая, о которомъ говорило все село, Иванъ Порфирычъ укрѣпился во мнѣніи, что попъ дурной и недостойный человѣкъ, и сталъ подбивать крестьянъ пожаловаться на о. Василія въ епархію и просить себѣ другого священника. Самъ Иванъ Порфирычъ былъ богатый, очень счастливый и всѣми уважаемый человѣкъ. У него было представительное лицо съ твердыми выпуклыми щеками и огромной черною бородою, и такіе же черные волосы шли по всему его тѣлу, особенно по ногамъ и груди,

и онъ вѣрилъ, что эти волоса приносятъ ему особенное счастье. Онъ вѣрилъ въ это такъ же крѣпко, какъ и въ Бога, считалъ себя избранникомъ среди людей, былъ гордъ, самонадѣянъ и постоянно веселъ. Въ одномъ страшномъ желѣзнодорожномъ крушеніи, гдѣ погибло много народу, онъ потерялъ только фуражку, засосанную глиной.

— Да и та была старая!—самодовольно добавлялъ онъ и ставилъ этотъ случай въ особенную себѣ заслугу.

Всѣхъ людей онъ искренно считалъ подлецами и дураками, не зналъ жалости ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и собственноручно вѣшалъ щенятъ, которыхъ ежегодно въ изобиліи приносила черная сучка Цыганка. Одного изъ щенятъ, который покрупнѣе, онъ оставлялъ для завода, и, если просили, охотно раздавалъ остальныхъ, такъ какъ считалъ собакъ животными полезными. Въ сужденіяхъ своихъ Иванъ Порфирычъ былъ быстръ и неоснователенъ и легко отступался отъ нихъ, часто самъ того не замѣчая, но поступки его были тверды, рѣшительны и почти всегда безошибочны.

И все это дѣлало старосту страшнымъ и необыкновеннымъ въ глазахъ запуганнаго попа. При встрѣчѣ онъ первый съ неприличной торопливостью снималъ широкополую шляпу, и уходя, чувствовалъ, какъ чаще и лотопливѣе становятся его шаги,—шаги человѣка, которому стыдно и страшно—и путаются въ длинной рясѣ жилистыя ноги. Точно вся жестокая, загадочная судьба его воплотилась въ этой огромной черной бородѣ, волосатыхъ рукахъ и прямой твердой поступи, и если о. Василій не сожмется весь, не посторонится, не спрячется за своими стѣнами, эта грозная туша раздавитъ его, какъ муравья. И все, что принадлежало Ивану Порфирычу Копрову и касалось его, интересо-

вало попа такъ, что иногда по цѣлымъ днямъ онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ старосты, его жены, его дѣтей и богатства. Работая въ полѣ вмѣстѣ съ крестьянами, самъ похожій на крестьянина въ своихъ грубыхъ смазныхъ сапогахъ и посконной рубахѣ, о. Василій часто оборачивался къ селу и первое, что онъ видѣлъ послѣ церкви, была красная желѣзная крыша старостина двухъэтажнаго дома. Потомъ среди завернувшейся отъ вѣтра сѣрой зелени ветелъ онъ съ трудомъ отыскивалъ деревянную потемнѣвшую крышу своего домика; и было въ двухъ этихъ непохожихъ крышахъ что-то такое, отчего жутко и безнадежно становилось на сердцѣ у попа.

Однажды на Воздвиженье попадья пришла изъ церкви вся въ слезахъ и разсказала, что Иванъ Порфирычъ оскорбилъ ее. Когда попадья проходила на свое мѣсто, онъ сказалъ изъ-за конторки такъ громко, что всѣ слышали:

— Эту пьяницу совсѣмъ бы въ церковь пускать не слѣдовало. Стыдъ!

Попадья разсказывала и плакала, и о. Василій видѣлъ съ безпощадною и ужасной ясностью, какъ постарѣла она и опустилась за четыре года со смерти Васи. Молода она еще была, а въ волосахъ у нея пролегали уже серебристыя нити, и бѣлые зубы почернѣли и запухли глаза. Теперь она курила, и странно и больно было видѣть въ рукахъ ея папироску, которую она держала неумѣло, по-женски, между двумя выпрямленными пальцами. Она курила и плакала и папироска дрожала въ ея опухшихъ отъ слезъ губахъ.

— Господи, за что? Господи!—тоскливо повторяла она и съ тупою пристальностью смотрѣла въ окно, за которымъ моросилъ сентябрьскій дождь. Стекла были мутны отъ воды и призрачной, расплывающейся тѣнью

колыхалась отяжелѣвшая береза. Въ домѣ еще не топили, жалѣя дровъ, и воздухъ былъ сырой, холодный и непріютный, какъ на дворѣ.

— Что жъ съ ними подѣлаешь, Настенька!—оправдывался онъ, потирая горячія, сухія руки.—Терпѣть надо.

— Господи! Господи! И защитить некому!—плакалась попадья; а въ углу сквозь жесткіе, спутанные волосы неподвижно и сухо горѣли волчьи глаза угрюмой Насти.

Къ ночи попадья напилась и тогда началось для о. Василія то самое страшное, омерзительное и жалкое, о чемъ онъ не могъ думать безъ цѣломудреннаго ужаса и нестерпимаго стыда. Въ болѣзненной темнотѣ закрытыхъ ставенъ, среди чудовищныхъ грезъ, рожденныхъ алкоголемъ, подъ тягучіе звуки упорныхъ рѣчей о погибшемъ первенцѣ,—у жены его явилась безумная мысль: родить новаго сына и въ немъ воскреснетъ безвременно погибшій. Воскреснетъ его милая улыбка, воскреснутъ его глаза, сіяющіе тихимъ свѣтомъ, и тихая разумная рѣчь его,—воскреснетъ весь онъ въ красотѣ своего непорочнаго дѣтства, какимъ былъ онъ въ тотъ ужасный іюльскій день, когда ярко горѣло солнце и ослѣпительно сверкала обманчивая рѣка. И сгорая въ безумной надеждѣ, вся красивая и безобразная отъ охватившаго ее огня, попадья требовала отъ мужа ласкъ, униженно молила о нихъ. Она прихорашивалась и заигрывала съ нимъ, но ужасъ не сходилъ съ его темнаго лица: она мучительно старалась снова стать той нѣжной и желанной, какой была десять лѣтъ назадъ, и дѣлала скромное, дѣвичье лицо и шептала давнія дѣвичьи рѣчи, но хмельной языкъ не слушался ея, сквозь опущенныя рѣсницы еще ярче и понятнѣе сверкалъ огонь страстнаго желанія,—и не сходилъ ужасъ съ тем-

наго лица ея мужа. Онъ закрывалъ руками горящую голову и безсильно шепталъ:

— Не надо! Не надо!

Тогда она становилась на колѣни и хрипло молила:

— Пожалѣй! Отдай мнѣ Васю! Отдай, попъ! Отдай, тебѣ я говорю, проклятый!

А въ наглухо закрытыя ставни упорно стучалъ осенній дождь и тяжко и глубоко вздыхала ненастная ночь. Отрѣзанные стѣнами и ночью отъ людей и жизни, они точно крутились въ вихрѣ дикаго и безысходнаго сна, и вмѣстѣ съ ними крутились, не умирая, дикія жалобы и проклятія. Само безуміе стояло у дверей: его дыханіемъ былъ жгучій воздухъ, его глазами — багровый огонь лампы, задыхавшійся въ глубинѣ чернаго закоптѣлаго стекла.

— Не хочешь! Не хочешь?—кричала попадья и въ яростной жаждѣ материнства рвала на себѣ одежды, безстыдно обнажаясь вся, жгучая и страшная, какъ вакханка, трогательная и жалкая, какъ мать, тоскующая о сынѣ.—Не хочешь? Такъ вотъ же передъ Богомъ говорю тебѣ: на улицу пойду! Голая пойду! Къ первому мужчинѣ на шею брошусь. Отдай мнѣ Васю, проклятый!

И страсть ея побѣждала цѣломудреннаго попа. Подъ долгіе стоны осенней ночи, подъ звуки безумныхъ рѣчей, когда сама вѣчно лгущая жизнь словно обнажала свои темныя, таинственныя нѣдра,—въ его помраченномъ сознаніи мелькала, какъ зарница, чудовищная мысль: о какомъ-то чудесномъ воскресеніи, о какой-то далекой и чудесной возможности. И на бѣшеную страсть попадьи онъ, цѣломудренный и стыдливый, отвѣчалъ такою же бѣшеной страстью, въ которой было все: и свѣтлая надежда, и молитва, и безмѣрное отчаяніе великаго преступника.

Поздней ночью, когда попадья уснула, о. Василій взялъ шляпу и палку, и, не одѣваясь, въ старенькой

панковой рясѣ, отправился въ поле. Тонкая водяная пыль влажнымъ и холоднымъ слоемъ лежала надъ размокшей землей; черно было небо, какъ земля, и великой безпріютностью дышала осенняя ночь. Во тьмѣ ея безслѣдно сгинулъ человѣкъ; стукнула палка о подвернувшійся камень, и все стихло, и наступило долгое молчаніе. Мертвая водяная пыль своими ледяными объятіями душила всякій робкій звукъ; и не колыхалась омертвѣвшая листва, и не было ни голоса, ни крика, ни стона. Была долгая и мертвая тишина.

И далеко за селомъ, за много верстъ отъ жилья, прозвучалъ во тьмѣ невидимый голосъ. Онъ былъ надломленный, придушенный и глухой, какъ стонъ самой великой безпріютности. Но слова, сказанныя имъ, были ярки, какъ небесный огонь.

— Я—вѣрю,—сказалъ невидимый голосъ. Угроза и молитва, предостереженіе и надежда были въ немъ.

III.

Весною попадья забеременѣла, цѣлое лѣто не пила и въ домѣ о. Василія воцарился тихій и радостный покой. Попрежнему незримый врагъ наносилъ удары: то сдохъ двѣнадцатипудовый боровъ, приготовленный для продажи; то у Насти пошли по всему тѣлу какіе-то лишаи и не поддавались лѣченію,—но все это выносилось легко и попадья въ тайникахъ души даже радовалась: она все еще сомнѣвалась въ своемъ великомъ счастьи, и всѣ эти непріятности казались ей платой за него. Казалось, что если сдохнетъ дорогой боровъ, поболѣетъ Настя и произойдетъ другое печальное, то будущаго сына ея никто не осмѣлится тронуть и обидѣть. А за него не только домъ и Настю, но и себя, и душу свою отдала бы она съ радостью тому невиди-

мому и безпощадному, кто требовалъ неустанныхъ жертвъ.

Она похорошѣла, перестала бояться Ивана Порфирыча и въ церкви, идя на свое мѣсто, гордо выпячивала округлившійся животъ и бросала на людей смѣлые, самоувѣренные взгляды. Чтобы какъ-нибудь не повредить ребенку, она перестала работать тяжелую домашнюю работу и цѣлые дни проводила въ сосѣднемъ казенномъ лѣсу, собирая грибы. Она очень боялась родовъ и по грибамъ загадывала, будутъ они благополучны, или нѣтъ; большею частью выходило, что будутъ благополучны. Иногда среди прошлогодней слежавшейся листвы, темной и пахучей, подъ непроницаемымъ зеленымъ сводомъ высокихъ вѣтвей, она отыскивала семейку бѣлыхъ грибковъ: они тѣсно прижимались другъ къ другу и темноголовые, наивные казались ей похожими на маленькихъ дѣтей и вызывали острую нѣжность и умиленіе. Съ той особенной, правдивой улыбкою, какая бываетъ у людей, когда у нихъ хорошія мысли и они одни, она осторожно раскапывала вокругъ корней волокнистую, сѣро-пепельную землю, садилась около грибковъ и долго любовалась ими, немного блѣдная отъ зеленыхъ тѣней лѣса, но красивая, спокойная и добрая. Потомъ опять шла развалистой и осторожною походкой беременной женщины и густой лѣсъ, въ которомъ прятались маленькіе грибки, казался ей живымъ, умнымъ и ласковымъ. Одинъ разъ она захватила съ собой Настю, но та прыгала, шумѣла, рыскала среди кустовъ, какъ развеселившійся волченокъ, и мѣшала попадьѣ думать; и больше она ее не брала.

И зима проходила хорошо и спокойно. По вечерамъ попадья шила маленькіе распашонки и свивальники, задумчиво расправляя матерію бѣлыми пальцами, озареннымъ яркимъ свѣтомъ лампы. Она расправляла и

разглаживала рукою мягкую ткань, точно ласкала ее, и думала что-то свое, особенное, материнское, и въ голубой тѣни абажура красивое лицо ея казалось попу освѣщеннымъ изнутри какимъ-то мягкимъ и нѣжнымъ свѣтомъ. Боясь неосторожнымъ движеніемъ спугнуть ея прекрасную и радостную думу, о. Василій тихо расхаживалъ по комнатѣ и ноги его въ мягкихъ туфляхъ ступали неслышно и нѣжно. Онъ посматривалъ то на уютную комнату, добрую и пріятную, какъ другъ, то на жену, и все было хорошо, какъ у людей, и отъ всего исходилъ радостный и глубокій покой. И душа его тихо улыбалась и онъ не замѣчалъ и не зналъ, что ко лбу его, гдѣ-то между бровями, безмолвно прилегаетъ прозрачная тѣнь великой скорби. Ибо и въ эти дни покоя и отдыха надъ жизнью его тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ.

На Крещеніе, ночью, попадья благополучно разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, и нарекли его Васильемъ. Была у него большая голова и тоненькія ножки, и что-то странно-тупое и безсмысленное въ неподвижномъ взглядѣ округлыхъ глазъ. Три года провели онъ и попадья въ страхѣ, сомнѣніяхъ и надеждѣ, и черезъ три года ясно стало, что новый Вася родился идіотомъ.

Въ безуміи зачатый, безумнымъ явился онъ на свѣтъ.

IV.

Пронесъ еще одинъ годъ въ тяжкомъ оцѣпенѣніи горя, и когда люди очнулись и взглянули вокругъ себя — надъ всѣми мыслями и жизнью ихъ господствовалъ страшный образъ идіота. Какъ прежде, топились печи, и велось хозяйство, и люди разговаривали о своихъ дѣлахъ, но было нѣчто новое и страшное: ни у кого не стало охоты жить и отъ этого все приходило въ раз-

стройство. Работники лѣнились, не дѣлали, что приказываютъ, и часто безъ причины уходили, а новыхъ черезъ два-три дня охватывала та же странная тоска и равнодушіе и они начинали грубить. Обѣдъ подавался то поздно, то рано, и всегда кого-нибудь не хватало за столомъ: или попадьи, или Насти, или самого о. Василія. Откуда-то появилось множество рванаго бѣлья и одежды, и попадья все время твердила, что нужно заштопать мужу носки, и какъ будто штопала, а вмѣстѣ съ тѣмъ носки всегда были рваные и о. Василій натиралъ ногу. И по ночамъ всѣ ворочались и мучились отъ клоповъ: они лѣзли изъ всѣхъ щелей, на глазахъ ползали по стѣнѣ и ничѣмъ нельзя было остановить ихъ отвратительнаго нашествія.

И куда бы люди ни шли, что бы они ни дѣлали, они ни на минуту не забывали, что тамъ, въ полутемной комнатѣ сидитъ нѣкто неожиданный и страшный, безумiемъ рожденный. Когда они выходили изъ дому на свѣтъ, они старались не оборачиваться и не глядѣть назадъ, но не могли выдержать и оборачивались—и тогда казалось имъ, что самъ деревянный домъ сознаетъ страшную перемѣну: онъ точно сжался весь и скорчился, и прислушивается къ тому страшному, что содержится въ глубинѣ его, и всѣ его вытаращенныя окна, глухо замкнутыя двери съ трудомъ удерживаютъ крикъ смертельнаго испуга. Попадья часто уходила въ гости и цѣлыми часами просиживала у діаконицы,—но и тамъ не находила она покоя: какъ будто между идіотомъ и нею протягивались тонкія, какъ паутина, нити и соединяли ихъ прочно и навсегда. И если она уйдетъ на край свѣта, скроется за высокими стѣнами монастыря или даже умретъ—и туда, во мракъ могилы, потянутся за нею тонкія, какъ паутина, нити и опутаютъ ее безпокойствомъ и страхомъ. И не были спокойны ихъ ночи:

Музей-читальня
И. Н. Ульянова
Инв. № 4486

Музей-читальня
И. Н. Ульянова
Инв. №

безстрастны были лица спящихъ, а подъ ихъ черепомъ, въ кошмарныхъ грезахъ и снахъ выристалъ чудовищный міръ безумія и владыкою его былъ все тотъ же загадочный и страшный образъ полуребенка, полузвѣря.

Ему было четыре года, но онъ еще не началъ ходить и умѣлъ говорить одно только слово: „Дай“: былъ золъ и требователенъ, и если чего-нибудь не давали, громко кричалъ злымъ животнымъ крикомъ и тянулъ впередъ руки съ хищно скрюченными пальцами. Въ своихъ привычкахъ онъ былъ нечистоплотенъ, какъ животное, все дѣлалъ подъ себя, на постилку, и мѣнять ее было каждый разъ мученіемъ: со злой хитростью онъ выжидалъ момента, когда къ нему наклонится голова матери или сестры, и вцивался въ волосы руками, выдергивая цѣлыя пряди. Однажды онъ укусилъ Настю: та повалила его на кровать, и долго и безжалостно била, точно онъ былъ не человѣкъ, и не ребенокъ, а кусокъ злого мяса: и послѣ этого случая онъ полюбилъ кусаться и угрожающе скалилъ зубы, какъ собака.

Также трудно было кормить его: жадный и нетерпѣливый, онъ не умѣлъ разсчитывать своихъ движеній: опрокидывалъ чашку, давился и злобно тянулся къ волосамъ скрюченными пальцами. И былъ отвратителенъ и страшенъ его видъ: на узенькихъ, совсѣмъ еще дѣтскихъ плечахъ сидѣлъ маленькій черепъ съ огромнымъ, неподвижнымъ и широкимъ лицомъ, какъ у взрослаго. Что-то тревожное и пугающее было въ этомъ дикомъ несоотвѣтствіи между головой и тѣломъ, и казалось, что ребенокъ надѣлъ зачѣмъ-то огромную и страшную маску.

И какъ прежде, стала пить измученная попадья. Пила она много, до потери сознанія и болѣзни, но и могучій алкоголь не могъ вывести ее изъ желѣзнаго круга, въ серединѣ котораго царилъ страшный и необыкновенный образъ полуребенка, полузвѣря. Какъ

прежде искала она въ водкѣ жгучихъ и скорбныхъ воспоминаній о погибшемъ первенцѣ, но они не приходили и тяжелая, мертвая пустота не дарила ей ни образа, ни звука. Всѣми силами разгоряченнаго мозга она вызывала милое лицо тихонькаго мальчика, напѣвала нѣсенки, какія пѣлъ онъ, улыбаясь, какъ онъ улыбался, представляла, какъ давился онъ и захлебывался молчаливой водой; и, уже казалось, становился близокъ онъ и зажигалась въ сердцѣ великая, страстно желанная скорбь—когда внезапно, неуловимо для зрѣнія и слуха, все проваливалось, все исчезало, и въ холодной мертвой пустотѣ появлялась страшная и неподвижная маска идіота. И казалось понадъѣ, что во второй разъ похоронила она Васю и глубоко зарыла его; и хотѣлось разбить голову, въ самыхъ нѣдрахъ которой нагло царитъ чуждый и отвратительный образъ. Въ страхѣ она металась по комнатѣ и звала мужа:

— Василій! Василій! Скорѣе, сюда!

О. Василій приходилъ и молча усаживался въ неосвѣщенномъ углу; и былъ такъ безучастенъ онъ и спокоенъ, какъ будто не было ни крика, ни безумія, ни страха. И глазъ его не видно было, и подъ тяжелою, надбровною аркою неподвижно чернѣли два глубокихъ пятна, отъ которыхъ исхудавшее лицо казалось похожимъ на черепъ. Опершись подбородкомъ на костлявую руку, онъ застывалъ въ тяжеломъ молчаніи и неподвижности, пока успокоенная попадья съ безумной старательностью загораживала дверь, за которой находился идіотъ. Она сдвигала столы и стулья, набрасывала подушки и платья, но этого казалось ей мало. И съ силой пьянаго человѣка она срывала съ мѣста тяжелый старинный комодъ и двигала его къ двери, царапая полъ.

— Стулья отодвинь! — задыхаясь кричала она

мужу, и тотъ молча вставалъ, освобождалъ мѣсто и снова садился въ свой уголъ.

На минуту попадья успокаивалась и садилась, сдерживая рукой тяжелое дыханіе, но тотчасъ же вскакивала и откинувъ съ уха распустившіеся волосы, съ ужасомъ прислушивалась къ тому, что грезилось ей за стѣной.

— Слышишь? Василій, слышишь?

Два черныхъ пятна неподвижно глядѣли на нее и безучастный далекій голосъ отвѣчалъ:

— Тамъ тихо. Онъ спитъ. Успокойся, Настя.

Попадья улыбалась радостно и свѣтло, какъ ребенокъ, и нерѣшительно присаживалась на кончикъ стула.

— Правда? Спитъ? Ты самъ видѣлъ? Не лги: лгать грѣшно.

— Да, видѣлъ. Спитъ.

— А кто же говоритъ тамъ?

— Никого тамъ нѣтъ. Это послышалось тебѣ.

И попадьѣ становилось такъ весело, что она громко смѣялась, шутливо покачивала головой и неопредѣленно отмахивалась — какъ будто хотѣлъ кто-то злой пошутить надъ нею и напугать, а она поняла его шутку и теперь смѣется. Но безъ отзвука, какъ камень въ бездонную пропасть, падалъ и тутъ же умиралъ одинокій смѣхъ, и еще кривился усмѣшкою ротъ, когда въ глазахъ ея уже наристалъ холодный страхъ. И такая тишина стояла, словно никогда и никто не смѣялся въ этой комнатѣ, и съ разбросанныхъ подушекъ, съ перевернутыхъ стульевъ, такихъ страшныхъ, когда смотрѣть на нихъ снизу, съ тяжелаго комода, неуклюже стоящаго на необычномъ мѣстѣ,—отовсюду глядѣло на нее голодное ожиданіе какой-то страшной бѣды, какихъ-то невѣдомыхъ ужасовъ, доселѣ неиспытанныхъ еще человѣкомъ.

Она оборачивалась къ мужу — въ черномъ углу мутно сѣрѣло что-то длинное, прямое, смутное, какъ призракъ: она наклонялась ближе — на нее смотрѣло лицо, но смотрѣло оно не глазами, сокрытыми черною тѣнью бровей, а бѣлыми пятнами острыхъ скулъ и лба. И часто дыша громкимъ дыханіемъ страха, она тихо жаловалась:

— Вася! Я боюсь тебя. Какой ты, право! Иди сюда, къ свѣту.

О. Василій покорно перенагнулъ къ столу, и теплый свѣтъ лампы палъ на его лицо, но не согрѣлъ его. Но оно было спокойно, на немъ не было страха, и этого было достаточно для попадьи. Приблизивъ губы къ самому уху о. Василія, она поиотомъ спросила:

— Попъ, а попъ! Ты помнишь Васю... того Васю?

— Нѣтъ.

— Ага! — обрадовалась попадья. — Тоже нѣтъ. И я нѣтъ. Тебѣ страшно, попъ? А? Страшно?

— Нѣтъ.

— А зачѣмъ ты стонешь во снѣ? Зачѣмъ ты стонешь?

— Такъ. Нездоровъ.

Попадья сердито засмѣялась.

— Ты? Нездоровъ? Это ты нездоровъ? — она ткнула пальцемъ въ его костлявую, но широкую и твердую грудь.—Зачѣмъ ты лжешь?

О. Василій молчалъ. Попадья злобно взглянула на его холодное лицо, давно нестриженную бороду, прозрачными клочками выступавшую изъ впалыхъ щекъ, и съ отвращеніемъ передернула плечами:

— У-ахъ! Какой ты сталъ! Противный, злой, холодный, какъ лягушка. У-ахъ! Развѣ я виновата, что онъ родился такой? Ну, говори же. О чемъ ты думаешь? О чемъ ты постоянно думаешь, думаешь, думаешь?

О. Василій молчалъ и внимательнымъ раздражающимъ взглядомъ изучалъ блѣдное и измученное лицо попадьи. И когда смолкали послѣдніе звуки ея безсвязной рѣчи, жуткая, непарушимая тишина желѣзными кольцами охватывала ея голову и грудь и словно выдавливала оттуда торопливыя и неожиданныя слова:

— А я знаю!.. А я знаю! Я знаю, попъ.

— Что знаешь?

— Знаю, о чемъ ты думаешь. Ты,—попадья остановилась и со страхомъ отодвинулась отъ мужа,—ты... въ Бога не вѣришь. Вотъ что!

И когда уже сказала, почувствовала она, какъ ужасно сказанное ею, и жалкая улыбка, просящая о прощеніи, раздвинула ея опухшія, искусанныя губы, сожженныя водкой и красныя, какъ кровь. И обрадовалась, когда поблѣднѣвшій попъ рѣзко и наставительно отвѣтилъ:

— Это неправда. Думай, что говоришь. Я вѣрю въ Бога.

И опять молчаніе, опять тишина,—но было въ ней что-то ласковое, мягко обнимавшее попадью, какъ теплая вода. И потупивъ глаза, она стыдливо просила:

— Можно мнѣ, Вася—я выпью немного? Скорѣе засну потомъ, а то вѣдь поздно,—она наливала четверть стакана водки, нерѣшительно добавляла еще и выпивала до дна, маленькими непрерывными глотками, какъ пьютъ женщины. Въ груди становилось горячо, хотѣлось какого-то веселья, шума и свѣта, и людскихъ громкихъ голосовъ.

— Знаешь, что мы сдѣлаемъ, Вася? Давай играть въ карты въ дурачки. Позови Настю. Вотъ славно будетъ: люблю я играть въ дурачки. Васичка, милый, позови! Я поцѣлую тебя за это.

— Поздно. Она уже спитъ.

Попадья топнула ногой:

— Разбуди!—Ну, ступай.

Пришла Настя, тонкая, высокая, какъ отецъ, съ большими руками, загрубѣвшими въ работѣ; ей было холодно, она зябко куталась въ короткій платокъ и молча провѣряла засаленную колоду.

И молча садились они играть въ веселую и смѣшную игру—въ хаосѣ сдвинутыхъ съ мѣстъ и перевернутыхъ вещей, среди глубокой ночи, когда давно уже спало все: и люди, и животныя, и поля. Попадья шутила, смѣялась, крала изъ колоды козырныя карты, и ей чудилось, что всѣ смѣются и шутятъ; но лишь замиралъ послѣдній звукъ ея рѣчи, та же непарушимая и грозная тишина смыкалась надъ нею и душила. И страшно было смотрѣть на двѣ пары нѣмыхъ костлявыхъ рукъ, безшумно и медленно двигавшихся по столу, какъ будто только одинъ эти руки были живыя, и не было людей, которымъ онѣ принадлежатъ. Вздрогнувъ, съ пьяно-безумнымъ ожиданіемъ сверхъестественнаго, она глядѣла поверхъ стола—два холодныхъ, два блѣдныхъ, два угрюмыхъ лица одиноко выдвигались изъ темноты и качались въ странной нѣмой пляскѣ—два холодныхъ, два угрюмыхъ лица. Что-то пробурчавъ, попадья выпивала водки, и снова безшумно двигались костлявыя руки, и тишина начинала гудѣть, и кто-то новый, четвертый появлялся за столомъ. Хищно скрюченные пальцы перебирали карты, потомъ двигались къ попадьѣ, бѣжали какъ пауки, по ея колѣнамъ, подбирались къ горлу...

— Кто тутъ?—вскрикивала попадья и вставала, и удивлялась, что всѣ уже стоятъ и со страхомъ смотрятъ на нее. И было ихъ только двое: мужъ и Настя.

— Успокойся, Настя. Мы тутъ. Больше никого.

— А онъ?

— Онъ спитъ.

Попадья присѣла, и на минуту все перестало качаться и твердо стало на свое мѣсто. И лицо у о. Василія было доброе.

— Вася! А что же будетъ съ нами, когда онъ начнетъ ходить?

Отвѣтила Настя:

— Сегодня я собирала ему ужинать и видѣла: онъ шевелилъ ножкой.

— Неправда,—сказалъ попъ, но слово это прозвучало далеко и глухо—и сразу въ бѣшеномъ вихрѣ закружилось все, заплясали огни и мракъ, и отовсюду закачались на попадью безглазые призраки. Они качались и слѣпо лѣзли на нее, ощупывали ее скрюченными пальцами, рвали одежду, душили за горло, вились въ волосы и куда-то влекли. А она цѣплялась за полъ обломанными ногтями и кричала.

Попадья билась головой, порывалась куда-то бѣжать, и рвала на себѣ платье. И такъ сильна была въ охватившемъ ее безуміи, что не могли съ нею справиться о. Василій и Настя и пришлось звать кухарку и работника. Вчетверомъ они осилили ее, связали полотенцами руки и ноги и положили на кровать, и остался съ нею одинъ о. Василій. Онъ неподвижно стоялъ у кровати и смотрѣлъ, какъ судорожно изгибалось и корчилось тѣло, и слезы текли изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ. Охрипшимъ отъ крику голосомъ она молила:

— Помогите! Помогите!

Дико жалобенъ и страшенъ былъ одинокій крикъ о помощи, и ниоткуда не было отвѣта. Какъ саванъ облипала его глухая и безстрастная тишина, и былъ онъ мертвъ въ этой одеждѣ мертвыхъ; нелѣпо задирали ножки опрокинутые стулья и стыдливо сверкали днищами; растерянно кривился старый комодъ, и ночь мол-

чала. И все слабѣе, все жалобнѣе становился одинокій крикъ о помощи.

— Помогите! Больно! Помогите! Вася, миленькій мой Вася...

Холоднымъ и странно спокойнымъ жестомъ, не двигаясь съ мѣста, о. Василій поднялъ руки и взялъ себя за голову, какъ за полчаса передъ тѣмъ попадья, и такъ же неторопливо и спокойно опустилъ руки, и между пальцами ихъ дрожали длинныя, изчерна сѣдыя нити волосъ.

V.

Среди людей, ихъ дѣлъ и разговоровъ о. Василій былъ такъ видимо обособленъ, такъ непостижимо чуждъ всему, какъ если бы онъ не былъ человѣкомъ, а только движущейся оболочкою его. Онъ дѣлалъ все, что дѣлаютъ другіе, разговаривалъ, работалъ, пилъ и ѣлъ, но иногда казалось, что онъ только подражаетъ дѣйствіямъ живыхъ людей, а самъ живетъ въ другомъ, куда нѣтъ доступа никому. И кто бы ни видѣлъ его, всякій спрашивалъ себя: о чемъ думаетъ этотъ человѣкъ?—такъ явственно была начертана глубокая дума на всѣхъ его движеніяхъ. Была она въ его тяжелой поступи, въ медлительности запинающейся рѣчи, когда между двумя сказанными словами зіяли черные провалы притаившейся далекой мысли; тяжелой пеленой висѣла она надъ его глазами, и туманенъ былъ далекій взоръ, тускло мерцавшій изъ-подъ нависшихъ бровей. Иногда приходилось по два раза окликать его, прежде чѣмъ онъ услышитъ и отзовется; другимъ онъ забывалъ поклониться, и за это стали считать его гордымъ. Такъ не поклонился онъ однажды Ивану Порфирычу; тотъ сперва удивился, потомъ быстро нагналъ медленно шагавшаго попа.

— Загордѣли, батюшка! Кланяться не хотите,—насмѣшливо сказалъ онъ. О. Василій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, покраснѣлъ слегка и извинился:

— Извините, Иванъ Порфирычъ: не замѣтилъ.

Староста строго, сверху внизъ хотѣлъ посмотрѣть на попа, и тутъ впервые замѣтилъ, что попъ выше его ростомъ, хотя самъ онъ считался самымъ высокимъ человѣкомъ въ округѣ. И что-то пріятное мелькнуло въ этомъ открытіи, и неожиданно для себя староста пригласилъ:

— Заходите какъ-нибудь.

И долго оборачивался и мѣрялъ глазами попа. Пріятно стало и о. Василію, но только на мгновеніе: уже черезъ два шага та же постоянная дума, тяжелая и тугая, какъ мельничный жерновъ, придавила воспоминаніе о старостиныхъ добрыхъ словахъ и на пути къ устамъ раздавила тихую и несмѣлую улыбку. И снова онъ думалъ—думалъ о Богѣ и о людяхъ, и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни.

И случилось это на исповѣди: окованный своею неподвижною думой, о. Василій равнодушно предлагалъ какой-то старухѣ обычные вопросы, когда внезапно поразила его странность, которой не замѣчалъ онъ раньше: онъ стоитъ и спокойно разспрашиваетъ о самыхъ сокровенныхъ помыслахъ и чувствахъ, а какой-то человѣкъ пугливо смотритъ на него и отвѣчаетъ правду—ту правду, которой не дано знать никому другому. И морщинистое лицо старухи сразу сдѣлалось особеннымъ и яркимъ, какъ будто кругомъ была ночь, а на него на одно падалъ дневной свѣтъ. И неожиданно, на полсловѣ перебивая ее, онъ спросилъ:

— А ты правду говоришь, старуха?

Но что отвѣтила старуха, онъ не слышалъ. Отпалъ туманъ отъ его лица и блестящими, точно обмытыми глазами онъ изумленно глядѣлъ на лицо женщины и,

оно было особенное—на немъ была начертана какая-то и ясная и загадочная правда о Богѣ и о жизни. На головѣ у старухи подъ ситцевымъ платкомъ о. Василій замѣтилъ проборъ—сѣренькую полоску кожи среди тщательно расчесанныхъ волосъ. И этотъ жалкій проборъ, эта глухая забота о старой, некрасивой, никому ненужной головѣ были также правдой: печальной правдой о вѣчно одинокой, вѣчно скорбной человѣческой жизни. И тутъ впервые на сороковомъ году своего бытія о. Василій Ѳивейскій понялъ глазами и слухомъ, и всѣми чувствами своими, что кромѣ него есть на землѣ другіе люди—подобныя ему существа, и у нихъ своя жизнь, свое горе,—своя судьба.

— А дѣти у тебя есть?—быстро спросилъ онъ, снова перебивая старуху.

— Умерли, батюшка.

— Всѣ умерли?—удивился попъ.

— Всѣ умерли,—повторила женщина и глаза ея покраснѣли.

— Какъ же ты живешь?—съ недоумѣніемъ спросилъ о. Василій.

— Какая же наша жизнь,—заплакала старуха.—Кто милостыньку подастъ, тѣмъ и живу.

Вытянувъ шею впередъ, о. Василій съ высоты своего огромнаго роста впивался въ старуху глазами и молчалъ. И длинное костлявое лицо его, обрамленное свѣсившимися волосами, показалось старухѣ необыкновеннымъ и страшнымъ, и руки ея, сложенныя на груди, похолодѣли.

— Ну, ступай,—прозвучалъ надъ нею суровый голосъ.

...Странные дни начались для о. Василія и небывалое творилось въ умѣ его. До сихъ поръ было такъ: существовала крохотная земля и на ней жилъ одинъ огром-

ный о. Василій со своимъ огромнымъ горемъ и огромными сомнѣніями; а другихъ людей какъ будто не жило совсѣмъ. Теперь же земля выросла, стала необъятною и вся заселилась людьми, подобными о. Василію. Ихъ было множество и каждый изъ нихъ по своему жилъ, по своему страдалъ, по своему надѣялся и сомнѣвался, и среди нихъ о. Василій чувствовалъ себя, какъ одинокое дерево въ полѣ, вокругъ котораго внезапно выросъ бы безграничный и густой лѣсъ. Не стало одиночества,—но вмѣстѣ съ нимъ скрылось и солнце, и пустынныя свѣтлыя дали, и плотнѣе сдѣлался мракъ ночи.

Всѣ люди говорили ему правду. Когда онъ не слышалъ ихъ правдивыхъ рѣчей, онъ видѣлъ ихъ дома и лица: и на домахъ, и на лицахъ была начертана неумолимая правда жизни. Онъ чувствовалъ эту правду, но не умѣлъ ее назвать и жадно искалъ новыхъ лицъ и новыхъ рѣчей. Исповѣдниковъ въ Рождественскомъ посту бывало немного, но каждаго изъ нихъ попъ держалъ на исповѣди по цѣлымъ часамъ и допрашивалъ пытливо, настойчиво, забираясь въ самые заповѣдные уголки души, куда самъ человѣкъ заглядываетъ рѣдко и со страхомъ. Онъ не зналъ чего онъ ищетъ и безпощадно переворачивалъ все, на чемъ держится и чѣмъ живетъ душа. Въ вопросахъ своихъ онъ былъ безжалостенъ и безстыденъ и страха не знала его родившаяся мысль. И уже скоро понялъ о. Василій, что тѣ люди, которые говорятъ ему одну правду, какъ самому Богу, сами не знаютъ правды о своей жизни. За тысячами ихъ маленькихъ, разрозненныхъ, враждебныхъ правдъ, сквозили туманныя очертанія одной великой, всеразрѣшающей правды. Всѣ чувствовали ее и всѣ ее ждали, но никто не умѣлъ назвать ее человѣческимъ словомъ—эту огромную правду о Богѣ и о людяхъ, и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни.

Началъ чувствовать ее о. Василій и чувствовалъ ее то какъ отчаяніе и безумный страхъ, то какъ жалость, гнѣвъ и надежду. И былъ онъ попрежнему суровъ и холоденъ съ виду, когда умъ и сердце его уже плавились на огнѣ непознаваемой правды и новая жизнь входила въ старое тѣло.

Во вторникъ, на послѣдней недѣлѣ передъ Рождествомъ, о. Василій поздно вернулся изъ церкви; въ темныхъ холодныхъ сѣняхъ его остановила чья-то рука и охрипшій голосъ прошепталъ:

— Василій, не ходи туда.

По страху въ голосѣ онъ узналъ, что это попадья и остановился.

— Я ужъ часъ жду тебя. Замерзла вся! — она лязкнула зубами отъ внезапной дрожи.

— Что случилось? Пойдемъ.

— Нѣтъ! нѣтъ. Слушай! Настя... я вошла, а она стоитъ передъ зеркаломъ и дѣлаетъ лицо, какъ онъ, и руки, какъ онъ...

— Пойдемъ.

Онъ силою увелъ въ комнаты сопротивлявшуюся попадью, и тамъ, озираясь, дрожа отъ холода и страха, она разсказала. Она шла въ комнату, чтобы полить цвѣты, и увидѣла: Настя стоитъ тихо передъ зеркаломъ, и въ зеркалѣ видно ея лицо, но не такое, какъ всегда, а странно-безсмысленное, съ дико искривленнымъ ртомъ и перекосившимися глазами. Потомъ, такъ же тихо, Настя подняла руки, и загнувъ напряженно пальцы, какъ у идіота, потянулась ими къ своему изображенію—и все кругомъ было такъ тихо, и все это было такъ страшно и такъ не похоже на правду, что попадья вскрикнула и уронила лейку. А Настя убѣжала И теперь она не знаетъ

навѣрное, было ли это въ дѣйствительности или ей пригрезилось.

— Позови Настю и уходи сама,—приказалъ попъ.

Пришла Настя и остановилась у порога. Лицо у нея было длинное, костлявое, какъ у отца, и стояла она, какъ обычно стоялъ онъ при разговорѣ: вытянувъ шею немного на бокъ, съ угрюмымъ взглядомъ исподлобья. И руки держала назади, какъ онъ.

— Настя! Зачѣмъ ты дѣлаешь это?—сурово, но спокойно спросилъ о. Василій.

— Что?

— Мать видѣла тебя передъ зеркаломъ. Зачѣмъ ты дѣлаешь? Вѣдь онъ больной.

— Нѣтъ, онъ не больной. Онъ деретъ меня за волосы.

— Зачѣмъ же ты дѣлаешь, какъ онъ? Развѣ тебѣ нравится лицо, какъ у него?

Настя угрюмо смотрѣла въ сторону.

— Не знаю,—отвѣтила она. И со странной откровенностью взглянула въ глаза отцу и рѣшительно добавила:—нравится.

О. Василій всматривался въ нее и молчалъ.

— А вамъ не нравится?—полуутвердительно спросила Настя.

— Нѣтъ.

— А зачѣмъ же вы о немъ думаете? Я бы его убила.

О. Василію показалось, что и сейчасъ Настя дѣлаетъ лицо, какъ у идіота: что-то тупое и звѣрское пробѣжало въ скулахъ и сдвинуло глаза.

— Ступай!—рѣзко сказалъ онъ. Но Настя не двигалась съ мѣста и съ тою же странною откровенностью смотрѣла отцу прямо въ глаза. И лицо ея не было похоже на отвратительную маску идіота.

— А обо мнѣ вы не думаете, — сказала она просто, какъ безразличную правду.

И тогда въ наростающей мглѣ зимнихъ сумерекъ между ними, похожими и разными, произошелъ короткій и странный разговоръ:

— Ты дочь моя? Почему же я этого не зналъ. Ты знаешь?

— Нѣтъ.

— Пойди и поцѣлуй меня.

— Не хочу.

— Ты меня не любишь?

— Нѣтъ. Я никого не люблю.

— Какъ и я! — и ноздри попа раздулись отъ сдержаннаго смѣха.

— А вы тоже никого не любите? А маму? Она очень пьетъ. Ее я тоже бы убила.

— А меня?

— Васъ нѣтъ. Вы со мною разговариваете. Мнѣ васъ бываетъ жалко. Очень, знаете ли, тяжело, когда такой сынъ—дурачекъ. Онъ страшно злой. Вы еще не знаете какой онъ злой. Онъ живыхъ прусаковъ ѣстъ. Я ему дала десять штукъ и онъ всѣхъ съѣлъ.

Не отходя отъ двери, она осторожно присѣла на краешекъ стула, какъ служанка, сложила руки на колѣняхъ и ждала.

— Скучно, Настя!—задумчиво сказалъ попъ.

Неторопливо и важно она согласилась:

— Конечно, скучно.

— А Богу ты молишься?

— Какъ же, молюсь. Только по вечерамъ, а утромъ некогда, работы много. Подмети, постели убери, посуду помой. Васькѣ чаю приготовь, подай — сами знаете, сколько дѣла.

— Какъ горничная,—неопредѣленно сказалъ о. Василій.

— Что вы?—не поняла Настя.

О. Василій молчалъ, низко склонивъ голову; и былъ онъ огромный и черный на фонѣ тускло бѣлѣвшаго окна, и слова его казались Настѣ черными и блестящими, какъ стеклярусъ. Она долго ждала, но отецъ молчалъ, и робко она окликнула:

— Папа!

Не поднимая головы, о. Василій повелительно махнулъ рукой—разъ и другой разъ. Настя вздохнула и поднялась, и лишь только обернулась къ двери, что-то прошумѣло сзади нея, двѣ сильныя костлявыя руки подняли ее на воздухъ и смѣшной голосъ прошепталъ въ самое ухо:

— Обнимай за шею. Я отнесу тебя.

— Что вы! Я вѣдь большая.

— Ничего. Держись.

Трудно было дышать отъ рукъ, сжимавшихъ ее, какъ желѣзные обручи, нужно было нагибаться въ дверяхъ, чтобы не удариться головой, и она не знала, хорошо ей или только странно. И она не знала, послышалось ей или отецъ дѣйствительно прошепталъ:

— Жалѣй маму.

Но уже помолившись Богу и укладываясь спать Настя долго сидѣла на кровати и размышляла. Худенькая спина ея съ острыми лопатками и отчетливыми звеньями хребта сильно горбилась; грязная рубашка спустилась съ остраго плеча; обнявъ руками колѣна и покачиваясь, похожая на черную сердитую птицу, застигнутую въ полѣ морозомъ—она смотрѣла впередъ своими немигающими глазами, простыми и загадочными, какъ глаза звѣря. И съ задумчивымъ упрямствомъ прошептала:

— А я бы ее все-таки убила.

Поздиею почью, когда всѣ спали, о. Василій тихо вошелъ въ комнату, и лицо его было холодно и сурово. Не взглянувъ на Настю, онъ поставилъ лампу на полъ и наклонился надъ тихо спавшимъ идіотомъ. Онъ лежалъ навзничь, выпятивъ уродливо грудь, раскинувъ руки и маленькая сжатая голова его запрокидывалась назадъ, бѣлѣя маленькимъ, срѣзаннымъ подбородкомъ. Во снѣ, подъ блѣднымъ отраженнымъ свѣтомъ, падавшимъ съ потолка, съ закрытыми вѣками, скрывавшими безсмысліе глазъ, лицо его не казалось такимъ страшнымъ, какъ днемъ. И утомленнымъ было оно, какъ лицо актера, измученнаго трудною игрою, и вокругъ огромнаго сомкнутаго рта лежала тѣнь суровой печали. Какъ будто двѣ души было въ немъ, и когда одна спала, просыпалась другая, всезнающая и скорбная.

О. Василій медленно выпрямился и съ тѣмъ же строгимъ и безстрастнымъ лицомъ, не взглянувъ на Настю, пошелъ къ себѣ. Шелъ онъ медленно и спокойно, тяжелымъ и мертвымъ шагомъ глубокой думы, и тьма разбѣгалась передъ нимъ, длинными тѣнями забѣгала сзади и лукаво кралась по пятамъ. Лицо его ярко бѣлѣло подъ свѣтомъ лампы и глаза пристально смотрѣли впередъ, далеко впередъ, въ самую глубину бездоннаго пространства, — пока медленно и тяжело переступали ноги.

Была поздняя ночь и уже пропѣли вторые пѣтухи.

VI.

Пришелъ Великій постъ. Одноцвѣтно затренькалъ глухой колоколъ и его сѣрые, печальные, скромно зовущіе звуки не могли разорвать зимней тишины, еще лежавшей надъ занесенными полями. Робко выскаки-

вали они изъ колокольни въ гущу мглистаго воздуха, падали внизъ и умирали, и долго никто изъ людей не являлся на тихій, но все болѣе настойчивый, все болѣе требовательный зовъ маленькой церкви.

Къ концу первой недѣли пришли двѣ старухи, сѣрыя, мглистыя, глухія, какъ самый воздухъ умиравшей зимы, долго шамкали беззубыми ртами и повторяли—безконечно повторяли—глухія, оборванныя жалобы, не имѣвшія начала, не приходившія къ концу. Какъ будто и слезы и слова тоже состарились на долгой службѣ и хотятъ покоя. Уже отпущены были ихъ грѣхи, а онѣ не понимали этого, и все о чемъ-то просили — глухія и мглистыя, какъ обрывки тяжелаго сна. За ними полянулся народъ; и много молодыхъ, горячихъ слезъ, много молодыхъ словъ, заостренныхъ и сверкающихъ врѣзалось въ душу о. Василія.

Когда крестьянинъ Семенъ Мосягинъ трижды отбилъ земной поклонъ и, осторожно шагая, двинулся къ попу—тотъ смотрѣлъ на него пристально и остро и стоялъ въ позѣ, не подобающей мѣсту: вытянувъ шею впередъ, сложивъ руки на груди и пальцами одной пощипывая бороду. Мосягинъ подошелъ вплотную и изумился: попъ глядѣлъ на него и тихо смѣялся, раздувая ноздри, какъ лошадь.

— А я тебя давно поджидаю,—сказалъ, усмѣхаясь попъ.—Зачѣмъ пришелъ, Мосягинъ?

— Исповѣдаться,—быстро и охотно отвѣтилъ Мосягинъ и дружелюбно оскалилъ бѣлые зубы, такіе ровные, какъ будто они были обрѣзаны на ниткѣ.

— Что же, легче станетъ, когда исповѣдаешься?—продолжалъ попъ и усмѣхался весело и дружелюбно какъ казалось Мосягину. И такой же улыбкой отвѣтилъ онъ:

— Извѣстно легче.

— А правда, что ты лошадь продалъ, и овцу послѣднюю продалъ, и телѣгу заложилъ?

Мосягинъ серьезно и съ неудовольствіемъ взглянулъ на попа: лицо его было безстрастно и глаза опущены. И оба молчали. О. Василій медленно повернулся къ аналою и приказалъ:

— Ну, сказывай грѣхи.

Мосягинъ откашлянулся, сдѣлалъ служебное лицо и осторожно, грудью и головой подавшись къ священнику, громкимъ шопотомъ заговорилъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все недоступнѣе и суровѣе становилось лицо попа—точно каменѣло оно подъ градомъ больно бьющихъ, нудныхъ словъ мужика. И дышалъ онъ глубоко и часто: какъ будто задыхался онъ въ томъ безсмысленномъ, тупомъ и дикомъ, что называлось жизнью Семена Мосягина и обвивалось вокругъ него, какъ черныя кольца невѣдомой змѣи. Словно самъ строгій законъ причинности не имѣлъ власти надъ этой простой и фантастической жизнью: такъ неожиданно, такъ шутовски-нелѣпо сцѣплялись въ ней маленькій грѣхъ и большое страданіе, крѣпкая, стихійная воля къ такому же стихійному, могучему творчеству—и уродливое прозябаніе гдѣ-то на границѣ между жизнью и смертью Ясный умомъ и слегка насмѣшливый, сильный, какъ лѣсной звѣрь, выносливый настолько, какъ будто въ груди его билось цѣлыхъ три сердца и когда умирало одно отъ невыносимыхъ страданій, другія два давали жизнь новому—онъ могъ, казалось, перевернуть самую землю, на которой неуклюже, но крѣпко стояли его ноги. А въ дѣйствительности происходило такъ: былъ онъ постоянно голоденъ, голодала его жена, и дѣти, и скотина: и замутившійся умъ его блуждалъ какъ пьяный, не находящій дверей своего дома. Въ отчаянныхъ потугахъ что-то построить, что-то создать онъ распласты-

вался по землѣ—и все разсыпалось, все валилось, все отвѣчало ему дикой насмѣшкой и глумленіемъ. Онъ былъ жалостливъ и взялъ къ себѣ сироту-пріемыша, и всѣ бранили его за это; а сирота пожилъ немного и умеръ отъ постояннаго голода и болѣзни, и тогда онъ самъ началъ бранить себя и пересталъ понимать, нужно быть жалостливымъ или нѣтъ. Казалось, что слезы не должны были высыхать на глазахъ этого человѣка, крики гнѣва и возмущенія не должны были замирать на его устахъ,—а вмѣсто того онъ былъ постоянно веселъ и шутливъ, и бороду имѣлъ какую-то нелѣпо-веселую, огненно-рыжую бороду, въ которой всѣ волоски точно кружились и свивались въ безконечной, затѣйливой пляскѣ. Ходилъ въ хороводахъ наравнѣ съ молодыми дѣвками и ребятами; пѣлъ жалобныя пѣсни высокимъ переливчатымъ голосомъ, и тому, кто его слышалъ, плакать хотѣлось, а онъ насмѣшливо и тихо улыбался.

И грѣхи его были ничтожные, формальные: то землемѣръ, котораго онъ возилъ на Петровки, далъ ему скоромнаго пирога и онъ съѣлъ; и такъ долго онъ разсказывалъ объ этомъ, какъ будто не пирогъ онъ съѣлъ, а совершилъ убійство; то въ прошломъ году передъ причастіемъ онъ выкурилъ папиросу—и объ этомъ онъ говорилъ долго и мучительно.

— Кончилъ!—весело, другимъ голосомъ сказалъ Мосягинъ и вытеръ со лба потъ.

О. Василій медленно повернулъ къ нему костлявую голову.

— А кто помогаетъ тебѣ?

— Кто помогаетъ-то?—повторилъ Мосягинъ.—Да никто не помогаетъ. Скудно кормятся жители-то, самъ знаешь. Между прочимъ Иванъ Порфирычъ помогъ,—мужикъ осторожно подмигнулъ попу:—далъ три пуда муки, а къ осени чтобы четыре.

— А Богъ?

Семенъ вздохнулъ и лицо его сдѣлалось грустнымъ.

— Богъ-то? Стало быть не заслужилъ.

Отъ ненужныхъ вопросовъ попа Мосягину стало скучно; онъ черезъ плечо покосился на пустую церковь, осторожно посчиталъ волосы въ рѣдкой бородѣ попа, замѣтилъ его гнилые черные зубы и подумалъ: „много, должно, сахару ѣстъ“. И вздохнулъ.

— Чего же ты ждешь?

— Чего жду-то? А чего жъ мнѣ ждать?

И снова молчаніе. Въ церкви темнѣло, и холодно было, и холодъ забирался подъ рубаху мужика.

— Такъ, значитъ, и будетъ?—спросилъ попъ, и слова его звучали далеко и глухо, какъ комья земли на опущенный въ могилу гробъ.

— Такъ, значитъ, и будетъ. Такъ, значитъ, и будетъ,—повторилъ Мосягинъ, вслушиваясь въ свои слова. И представилось ему то, что было въ его жизни: голодныя лица дѣтей, попреки, каторжный трудъ и тупая тяжесть подъ сердцемъ, отъ которой хочется пить водку и драться; и оно будетъ опять, будетъ долго, будетъ непрерывно, пока не придетъ смерть. Часто моргая бѣлыми рѣсницами, Мосягинъ вскинулъ на попа влажный, затуманенный взоръ и встрѣтился съ его острыми блестящими глазами—и что-то увидѣли они другъ въ другѣ близкое, родное и страшно печальное. Несознаваемымъ движеніемъ они подались одинъ къ другому и о. Василій положилъ руку на плечо мужика; легко и нѣжно легла она, какъ осенняя паутинка. Мосягинъ ласково дрогнулъ плечомъ, довѣрчиво поднялъ глаза и сказалъ, жалко усмѣхаясь половиною рта:

— А можетъ, полегчаетъ?

Попъ неслышно снялъ руку и молчалъ. Бѣлыя рѣсницы заморгали быстрѣе, еще веселѣе заплясали во-

лоски въ огненно-рыжей бородѣ и языкъ залопоталъ что-то невнятное и невразумительное:

— Да. Стало быть, не полегчаетъ. Конечно, вы правду говорите...

Но попъ не далъ ему кончить. Сдержанно топнувъ ногой, онъ обжегъ мужика гнѣвнымъ, враждебнымъ взглядомъ и зашипѣлъ на него, какъ разсерженный ужъ:

— Не плачь! Не смѣй плакать! Ревутъ какъ телята. Что я могу сдѣлать?—онъ ткнулъ пальцемъ себѣ въ грудь.—Что я могу сдѣлать? Что я, Богъ, что ли? Его проси. Ну, проси! Тебѣ говорю.

Онъ толкнулъ мужика.

— Становись на колѣни.

Мосягинъ сталъ.

— Молись!

Сзади надвигалась пустынная и темная церковь, надъ головой сердитый попъ кричалъ: „молись, молись!“—и не отдавая себѣ отчета, Мосягинъ быстро закрестился и началъ отбивать земные поклоны. Отъ быстрыхъ и однообразныхъ движеній головы, отъ необычности всего совершающагося, отъ сознанія, что весь онъ подчиненъ сейчасъ какой-то сильной и загадочной волѣ—мужику становилось страшно и оттого особенно легко. Ибо въ самомъ этомъ страхѣ передъ кѣмъ-то могущественнымъ и строгимъ зарождалась надежда на заступничество и милость. И все яростнѣе прижимался онъ лбомъ къ холодному полу, когда попъ коротко приказалъ:

— Будетъ.

Мосягинъ всталъ, перекрестился на всѣ ближайшіе образа и весело съ радостной готовностью заплясали и закрутились огненно-рыжіе волоски, когда онъ снова подошелъ къ попу. Теперь онъ зналъ навѣрное, что ему полегчаетъ и спокойно ждалъ дальнѣйшихъ приказаній.

Но о. Василій только посмотрѣлъ на него съ суровымъ любопытствомъ и далъ отпущеніе грѣхсвъ. У выхода Мосягинъ обернулся: на томъ же мѣстѣ расплывчато темнѣла одинокая фигура попа; слабый свѣтъ восковой свѣчки не могъ охватить ее всю, и она казалась огромной и черной, какъ будто не имѣла она опредѣленныхъ границъ и очертаній и была только частицею мрака, наполнявшаго церковь.

Съ каждымъ днемъ все больше являлось исповѣдниковъ и передъ о. Василіемъ непрестанно чередовались морщинистыя и молодыя лица. Все также настойчиво и сурово допрашивалъ онъ, и цѣлыми часами входила въ ухо его робкая неразборчивая рѣчь, и смыслъ каждой рѣчи былъ страданіе, страхъ и великое ожиданіе. Всѣ осуждали жизнь, но никто не хотѣлъ умирать, и всѣ чего-то ждали, напряженно и страстно, и не было начала ожиданію, и казалось, что отъ самаго перваго человѣка идетъ оно. Прошло оно черезъ всѣ умы и сердца, уже исчезнувшіе изъ міра и еще живые, и оттого стало оно такимъ повелительнымъ и могучимъ. И горькимъ оно стало, ибо впитало въ себя всю печаль несбывшихся надеждъ, всю горечь обманутой вѣры, всю пламенную тоску безпредѣльнаго одиночества. Соки сердца всѣхъ людей, живыхъ и мертвыхъ, питали его и мощнымъ деревомъ раскинулось оно надъ жизнью. И минутами теряясь среди душъ, какъ путникъ среди безконечнаго лѣса, онъ терялъ все выстраданное имъ, суровой скорбью увѣнчавшее его голову, и самъ началъ чего-то ждать—ждать нетерпѣливо, ждать грозно.

Теперь онъ не хотѣлъ человѣческихъ слезъ, но онѣ лились неудержимо, впѣ его воли, и каждая слеза была требованіемъ, и всѣ онѣ, какъ отравленныя иглы, входили въ его сердце. И съ смутнымъ чувствомъ близкаго ужаса онъ началъ понимать, что онъ не господинъ

людей, и не сосѣдъ ихъ, а ихъ слуга и рабъ, и блестящіе глаза великаго ожиданія ищутъ его, и приказываютъ ему—его зовутъ. Все чаще съ сдержаннымъ гнѣвомъ онъ говорилъ:

— Его проси! Его проси!

И отворачивался.

А ночью живые люди превращались въ призрачныя тѣни и безшумною толпою ходили вмѣстѣ съ нимъ, думали вмѣстѣ съ нимъ—и прозрачными сдѣлали онѣ стѣны его дома, и смѣшными всѣ замки и оплоты. И мучительные, дикіе сны огненной лентой развивались подъ его черепомъ.

На пятой недѣлѣ поста, когда весной пахнуло съ поля и сумерки стали синими и прозрачными, съ попадьею случился запой. Четыре дня подъ рядъ она пила, кричала отъ страха и билась, а на пятый—въ субботу вечеромъ потушила въ своей комнатѣ лампадку, сдѣлала изъ полотенца петлю и повѣсилась. Но какъ только петля начала душить ее, она испугалась и закричала, и такъ какъ двери были открыты, тотчасъ прибѣжали о. Василій и Настя и освободили ее. Все ограничилось только испугомъ, да и больше ничего быть не могло, такъ какъ полотенце было связано неумѣло и удавиться на немъ было невозможно. Сильнѣе всѣхъ испугалась сама попадья: она плакала и просила прощенія; руки и ноги у нея дрожали и тряслась голова; и весь вечеръ она не отпускала отъ себя мужа и старалась ближе сѣсть къ нему. По ея просьбѣ снова зажгли потушенную лампадку въ ея комнатѣ, а потомъ и передъ всѣми образами, и стало похоже на канунъ большого и свѣтлаго праздника. Послѣ первой минуты испуга о. Василій сталъ спокоенъ и холодно ласковъ:

даже шутилъ; разсказалъ что-то очень смѣшное изъ семинарской жизни, потомъ перешелъ къ совсѣмъ далекому дѣтству и къ тому, какъ онъ съ мальчишками воровалъ яблоки. И такъ трудно было представить, что это его сторожъ велъ за ухо, что Настя не повѣрила и не засмѣялась, хотя самъ о. Василій смѣялся тихимъ и дѣтскимъ смѣхомъ, и лицо у него было правдивое и доброе. Понемногу попадья успокоилась, перестала коситься на темные углы и когда Настю отослали спать, спросила мужа, тихо и робко улыбаясь:

— Испугался?

Лицо о. Василія сдѣлалось недобрымъ и неправдивымъ, и усмѣхнулись однѣ губы, когда онъ отвѣтилъ:

— Конечно, испугался. Что это ты надумала?

Попадья вздрогнула, какъ отъ внезапно пронесшагося вѣтра, и нерѣшительно произнесла, разбирая дрожащими пальцами бахрому теплаго платка:

— Не знаю, Вася. Такъ, тоска очень. И страшно мнѣ всего. Всего страшно. Дѣлается что-то, а я ничего не понимаю, какъ это. Вотъ весна идетъ, а за нею будетъ лѣто. Потомъ опять осень, зима. И опять будемъ мы сидѣть, вотъ такъ, какъ сейчасъ—ты въ томъ углу, а я въ этомъ. Ты не сердись, Вася, я понимаю, что нельзя иначе. А все-таки...

Она вздохнула и продолжала, не поднимая глазъ отъ платка:

— Прежде я хоть смерти не боялась, думала, вотъ станетъ мнѣ совсѣмъ плохо, я и умру. А теперь и смерти боюсь. Какъ же мнѣ быть, Василька, милый? Опять... пить?

Она недоумѣнно подняла на о. Василія печальные глаза, и была въ нихъ смертельная тоска и отчаяніе безъ границъ и глухая покорная мольба о пощадѣ. Въ городѣ, гдѣ учился Ѳивейскій, онъ видѣлъ однажды,

какъ засаленный татаринъ велъ на живодерню лошадь: у нея было сломано копыто, и болталось на чемъ-то, и она ступала на камни прямо окровавленной мостолыжкой; было холодно, а бѣлый паръ облакомъ окутывалъ ее, блестѣла мокрая отъ испарины шерсть, и глаза смотрѣли неподвижно впередъ—и страшны были они своею кротостью. И такіе глаза были у попадьи. И онъ подумалъ, что если бы кто-нибудь вырылъ могилу, своими руками бросилъ туда эту женщину и живую засыпалъ землей,—тотъ поступилъ бы хорошо.

Попадья тщетно старалась раскурить дрожащими губами давно потухшую папиросу и продолжала:

— Опять же онъ. Ты понимаешь, о комъ я. Конечно, ребенокъ онъ, и жаль его, а вотъ скоро начнетъ онъ ходить—загрызетъ онъ меня. И ниоткуда нѣтъ помощи. Вотъ тебѣ пожаловалась, а что изъ этого? Какъ быть, и не знаю.

Она вздохнула и тихо развела ладонями. И вздохнула съ нею вся низкая придавленная комната, и заметались въ тоскѣ ночныя тѣни, безшумною толпою окружавшія о. Василія. Онѣ рыдали безумно, и простирали безсильныя руки, и молили о пощадѣ, о милости, о правдѣ.

— А-а-а!—длительнымъ стономъ отозвалась костлявая грудь попа. Онъ вскочилъ, рѣзкимъ движеніемъ опрокинувъ стулъ, и быстро заходилъ по комнатѣ, потрясая сложенными руками, что-то шепча, натыкаясь на стулья и стѣны, какъ слѣпой или безумный. И натыкаясь на стѣну, онъ бѣгло ощупывалъ ее костлявыми пальцами и бѣжалъ назадъ; и такъ кружился онъ въ узкой клѣткѣ нѣмыхъ стѣнъ, какъ одна изъ фантастическихъ тѣней, принявшая страшный и необыкновенный образъ. И странно противорѣча безумной подвижности тѣла, неподвижны, какъ у слѣпого, оста-

вались его глаза, и въ нихъ были слезы—первыя слезы со смерти Васи.

Забывъ о себѣ, попадья съ ужасомъ слѣдила за мужемъ и кричала:

— Вася, что съ тобою? Что съ тобою?

О. Василій рѣзко обернулся, быстро подошелъ къ женѣ, точно раздавить ее хотѣлъ, и положилъ на голову тяжелую прыгающую руку. И долго въ молчаніи держалъ ее, точно благословляя и ограждая отъ зла. И сказалъ, и каждый громкій звукъ въ словѣ былъ, какъ звонкая металлическая слеза:

— Бѣдная, бѣдная.

И снова быстро заходилъ, огромный и страшный въ своемъ отчаяніи, какъ звѣрь, у котораго отнимаютъ дѣтей. Лицо его изступленно дергалось и прыгающія губы ломали отрывистыя, безпредѣльно скорбныя слова:

— Бѣдная. Бѣдная. Всѣ бѣдные. Всѣ плачутъ. И нѣтъ помощи! О-о-о!..

Онъ остановился и поднявъ кверху остановившійся взоръ, пронизывая имъ потолокъ и мглу весенней ночи, закричалъ пронзительно и изступленно:

— И ты терпишь это! Терпишь! Такъ вотъ же...—Онъ высоко поднялъ сжатый кулакъ, но у ногъ его, охвативъ руками колѣна, билась въ истерикѣ попадья и бормотала, захлебываясь слезами и хохотомъ:

— Не надо! Не надо! Голубчикъ, милый. Я не буду больше!..

Проснулся и замычалъ идіотъ; прибѣжала испуганная Настя—и челюсти попа замкнулись, какъ желѣзныя. Молча и по виду холодно онъ ухаживалъ за женою, уложилъ ее въ постель, и когда она заснула, держа его руку въ обѣихъ своихъ рукахъ, просидѣлъ у постели до утра. И всю ночь до утра горѣли передъ

образами лампадки и похоже было на канунъ большого и свѣтлаго праздника.

На другой день о. Василій былъ такимъ, какъ всегда—холоднымъ и спокойнымъ и ни словомъ не вспоминалъ о случившемся. Но въ его голосѣ, когда онъ говорилъ съ попадьею, въ его взглядѣ, обращенномъ на нее, была тихая нѣжность, которую одна только она могла уловить своимъ измученнымъ сердцемъ. И такъ сильна была эта мужественная, молчаливая нѣжность, что робко улыбнулось измученное сердце и въ глубинѣ, какъ драгоцѣннѣйшій даръ, сохранило улыбку. Они мало говорили между собой, и просты и обыкновенны были скупыя рѣчи; они рѣдко бывали вмѣстѣ, разрозненные жизнью—но полнымъ страданія сердцемъ они непрестанно искали другъ друга; и никто изъ людей—ни сама жестокая судьба не могла, казалось, догадаться, съ какой безнадежной тоскою и нѣжностью любятъ они. Уже давно, съ рожденія идіота, они перестали быть мужемъ и женою, и похожи были они на нѣжныхъ и несчастныхъ влюбленныхъ, у которыхъ нѣтъ надежды на счастье и даже сама мечта не смѣетъ принять живого образа. И вернулись къ женщинѣ потерянная стыдливость и желаніе быть красивой; она краснѣла когда мужъ видѣлъ ея голыя руки, и что-то такое сдѣлала съ своимъ лицомъ и волосами, отчего стали они молодыми и новыми и въ строгой печали своей странно прекрасными. И когда приходилъ страшный запой, попадья исчезала въ темнотѣ своей комнаты, какъ прячутся собаки, почувствовавшія начало бѣшенства, и одиноко и молча выносила борьбу съ безуміемъ и рожденными имъ призраками.

И каждую ночь, когда все спало, попадья неслышно прокрадывалась къ постели мужа и крестила его голову, отгоняя отъ нея тоску и злыя мысли. Она поцѣ-

ловать бы его руку хотѣла, но не осмѣливалась, и тихо уходила назадъ, смутно бѣлѣя во мракѣ, какъ тѣ туманные и печальные образы, что ночью встаютъ надъ болотами и надъ могилами умершихъ и забытыхъ людей.

VII.

Все также однозвучно и уныло вызванивалъ великопостный колоколъ, и казалось, что съ каждымъ глухимъ ударомъ онъ пріобрѣтаетъ новую силу надъ совѣстью людей: все больше собиралось ихъ и отовсюду тянулись къ церкви безцвѣтныя, какъ колокольный звонъ, молчаливыя фигуры. Еще ночь царила надъ обнажившимися полями и еще не начинали звенѣть подмерзшіе ручьи, когда на всѣхъ тропинкахъ, на всѣхъ дорогахъ появлялись люди и строго печальной вереницею, одинокіе и чѣмъ-то связанные двигались къ одной невидимой цѣли. И каждый день съ ранняго утра до поздняго вечера передъ о. Василіемъ стояли человѣческія лица, то ярко во всѣхъ морщинахъ своихъ освѣщенныя желтымъ огнемъ свѣчей, то смутно выступавшія изъ темныхъ угловъ — какъ будто и самый воздухъ церкви превратился въ людей, ждущихъ милости и правды. Люди тѣснились неуклюже толкаясь и топоча ногами, нестройнымъ разрозненнымъ движеніемъ валились на колѣни, вздыхали и съ неумолимою настойчивостью несли попу свои грѣхи и свое горе.

У каждаго страданій и горя было столько, что хватило бы на десятокъ человѣческихъ жизней, и попу, оглушенному, потерявшемуся казалось, что весь живой міръ принесъ ему свои слезы и муку и ждетъ отъ него помощи — ждетъ кротко, ждетъ повелительно. Онъ искалъ правды когда-то, и теперь онъ захлебывался ею, этою безпощадною правдою страданія и въ мучитель-

номъ сознаніи безсилія ему хотѣлось бѣжать на край свѣта, умереть—чтобы не видѣть, не слышать, не знать. Онъ позвалъ къ себѣ горе людское—и горе пришло. Подобно жертвеннику пылала его душа, и каждаго, кто подходилъ къ нему, хотѣлось ему заключить въ братскія объятія и сказать: „бѣдный другъ, давай бороться вмѣстѣ и плакать и искать. Ибо ниоткуда нѣтъ человѣку помощи".

Но не этого ждали отъ него измученные жизнью люди и съ тоскою, съ гнѣвомъ, съ отчаяніемъ онъ твердилъ:

— Его проси. Его проси.

Печально они вѣрили ему и уходили, а на смѣну имъ надвигались новые сѣрые ряды и снова, какъ изступленный, повторялъ онъ страшныя и безпощадныя слова:

— Его проси. Его проси.

И нѣсколько часовъ, когда онъ слышалъ правду, казались ему годами и то, что было утромъ до исповѣди, становилось блѣднымъ и тусклымъ какъ всѣ образы далекаго прошлаго. Когда послѣднимъ онъ уходилъ изъ церкви, уже темнота царила и тихо сіяли звѣзды и молчаливый воздухъ весенней ночи ласкался нѣжно. Но онъ не вѣрилъ въ спокойствіе звѣздъ; ему чудилось, что и оттуда, изъ этихъ отдаленныхъ міровъ, несутся стоны, и крики, и глухія мольбы о пощадѣ. И такъ стыдно ему было, какъ будто онъ совершилъ всѣ преступленія, какія есть въ мірѣ, онъ пролилъ всѣ слезы, онъ истерзалъ и изорвалъ въ клочки человѣческія сердца. Стыдно ему было придавленныхъ домовъ, мимо которыхъ онъ шелъ, стыдно было входить въ свой домъ, гдѣ безраздѣльно и нагло, силою зла и безумія, царилъ страшный образъ полуребенка, полузвѣря.

И въ церковь, по утрамъ, онъ шелъ такъ, какъ идутъ

люди на позорную и страшную казнь, гдѣ палачами являются всѣ: и безстрастное небо, и оторопѣлый безсмысленно хохочущій народъ, и собственная безпощадная мысль. Каждый страдающій человѣкъ былъ палачемъ для него, безсильнаго служителя всемогущаго Бога,— и было палачей столько, сколько людей, и было кнутовъ столько, сколько довѣрчивыхъ и ожидающихъ взоровъ. Всѣ были неумолимо серьезны, и никто не смѣялся надъ попомъ, но каждую минуту онъ съ трепетомъ ожидалъ взрыва какого-то страшнаго сатанинскаго хохота, и боялся оборачиваться къ людямъ спиною. Все дикое и злое родится за спиною человѣка, а пока онъ смотритъ, никто не смѣетъ напасть на него. И онъ смотритъ, мучая своимъ взглядомъ, и часто посматриваетъ онъ въ ту сторону, гдѣ за конторкоій стоитъ Иванъ Порфирычъ Копровъ.

Одинъ онъ громко разговаривалъ въ церкви, спокоійно торговалъ свѣчами и дважды посылалъ сторожа и мальчиковъ собирать деньги. Потомъ звонко считалъ мѣдяки, складывая стопочками, и часто щелкалъ замкомъ; когда всѣ валились на колѣни, онъ только наклонялъ голову и крестился; и видно было, что онъ считаетъ себя близкимъ и нужнымъ Богу человѣкомъ и знаетъ, что безъ него Богу было бы трудно устроить все такъ хорошо, и въ такомъ порядкѣ. Давно съ начала поста онъ сердился на о. Василія, что тотъ такъ долго исповѣдуетъ: онъ не могъ понять, какіе могутъ быть у этихъ людеій интересные и большіе грѣхи, о которыхъ стоило бы долго разговаривать. И относилъ это къ неумѣнію о. Василія жить и обращаться съ людьми.

— Ты думаешь, они это оцѣнятъ? — говорилъ онъ благодушному діакону, измученному, какъ и весь причтъ, тяжелоій великопостноій работоій.—Нипочемъ. Надъ нимъ же смѣяться будутъ.

Но то, что о. Василій былъ суровъ, нравилось ему, какъ и его большой ростъ; настоящій священнослужитель казался ему похожимъ на строгаго и честнаго приказчика, который долженъ требовать точнаго и вѣрнаго отчета. Самъ Иванъ Порфирычъ говѣлъ всегда на послѣдней недѣлѣ и задолго приготовлялся къ исповѣди, стараясь вспомнить и собрать всѣ самые маленькіе грѣхи. И былъ гордъ собою, что грѣхи у него въ такомъ же порядкѣ, какъ и дѣла.

Въ среду на страстной недѣлѣ, когда силы уже начали покидать о. Василія, было у него особенно много исповѣдниковъ. Послѣднимъ былъ негодный мужиченко Трифонъ, калѣка, таскавшійся на своихъ костыляхъ по Знаменскому и окрестнымъ селамъ. Вмѣсто ногъ, когда-то давно раздавленныхъ на заводской работѣ и отрѣзанныхъ по самый животъ, у него были коротенькіе обрубки, обтянутые кожей; на приподнятыхъ отъ костылей плечахъ глубоко сидѣла грязная точно паклей покрытая голова, съ такою же грязною, свалявшеюся бородою и наглыми глазами нищаго, пьяницы и вора. Онъ былъ отвратителенъ и грязенъ, какъ животное, пресмыкался въ грязи и пыли, какъ гадъ, и такая же темная и таинственная, какъ души животныхъ, была его душа. Трудно было понять, какъ онъ живетъ такой, а онъ жилъ, напивался пьянъ, дрался и даже имѣлъ женщинъ, какихъ-то фантастическихъ, неправдоподобныхъ женщинъ, такъ же мало похожихъ на человѣка, какъ и онъ.

О. Василію пришлось низко наклониться, чтобы принять исповѣдь калѣки, и въ открыто спокойномъ зловоніи его тѣла, въ паразитахъ, липко ползавшихъ по его головѣ и шеѣ, какъ самъ онъ ползалъ по землѣ,— ему открылась вся ужасная, недопустимая совѣстью постыдная нищета этой искалѣченной души. И съ грозъ-

ной ясностью онъ понялъ, какъ ужасно и безвозвратно лишенъ этотъ человѣкъ всего человѣческаго, но что онъ имѣлъ такое же право, какъ короли въ своихъ палатахъ, какъ святые въ своихъ кельяхъ. И содрогнулся.

— Ступай! Богъ отпускаетъ твои грѣхи, — сказалъ онъ.

— Погодите. Еще скажу,—прохрипѣлъ нищій, задирая вверхъ побагровѣвшее лицо. И разсказалъ, какъ десять лѣтъ назадъ онъ изнасиловалъ въ лѣсу подростка-дѣвочку и далъ ей, плачущей, три копейки; а потомъ ему жаль стало своихъ денегъ и онъ удушилъ ее и закопалъ. И такъ ее не нашли. Десять разъ десяти различнымъ попамъ разсказывалъ онъ эту исторію, и отъ повторенія она стала казаться ему простой и обыкновенной и не относящейся къ нему, какъ какая-нибудь сказка. Иногда онъ разнообразилъ разсказъ: замѣнялъ лѣто осенью и дѣвочку представлялъ то бѣлокурепькой, то смуглой,—но три копейки оставались неизмѣнными. Нѣкоторые ему не вѣрили и смѣялись надъ нимъ; утверждали, что за десять лѣтъ въ округѣ не было убито и не пропадало ни одной дѣвочки: ловили его въ безчисленныхъ и грубыхъ противорѣчіяхъ и съ очевидностью доказывали, что всю эту страшную исторію онъ выдумалъ спьяну, валяясь въ лѣсу. И это приводило его въ ярость: онъ кричалъ, божился, поминая чорта такъ же часто, какъ и Бога, и начиналъ разсказывать такія отвратительныя и грязныя подробности, что самые старые священники краснѣли и негодовали. И теперь онъ ждалъ, повѣритъ знаменскій попъ или нѣтъ, и былъ доволенъ, что попъ повѣрилъ: отпатнулся отъ него, поблѣднѣлъ и поднялъ руку, какъ для удара:

— Правда это?—глухо спросилъ о. Василій.

Нищій быстро закрестился:

— Ну ей-Богу, правда. Ну вотъ провалиться мнѣ...

— Такъ вѣдь за это же адъ! — крикнулъ попъ.—Ты понимаешь, адъ!

— Богъ милостивъ, — угрюмо и обиженно пробормоталъ нищій. Но по злымъ и испуганнымъ глазамъ его видно было, что самъ онъ ждетъ ада и ужъ свыкся съ нимъ, какъ съ своею страшною исторіей о задушенной дѣвочкѣ.

— На землѣ адъ, въ небѣ — адъ. Гдѣ же твой рай? Будь ты червь, я раздавилъ бы тебя погоії, — но вѣдь ты человѣкъ! Человѣкъ?.. Или червь? Да кто же ты, говори! — кричалъ попъ и волосы его качались, какъ отъ вѣтра. — Гдѣ же твой Богъ? Зачѣмъ оставилъ онъ тебя?

„Повѣрилъ!“—съ радостью думалъ нищій, чувствуя себя подъ словами попа, какъ подъ горячей водой.

О. Василій присѣлъ на корточки и въ унизительности необычной позы черпая странную и мучительную гордость, зашепталъ страстно:

— Слушай! Ты не бойся. Ада не будетъ. Это я вѣрно тебѣ говорю. Я самъ убилъ человѣка. Дѣвочку. Настя ее зовутъ. И ада не будетъ. Ты будешь въ раю. Понимаешь, со святыми, съ праведниками. Выше всѣхъ. Выше всѣхъ—это я тебѣ говорю!

Въ тотъ вечеръ о. Василій вернулся домой поздно, когда уже поужинали. Былъ онъ сильно утомленъ и блѣденъ, и до колѣнъ мокръ и покрытъ грязью, какъ будто долго и безъ дорогъ бродилъ онъ по размокшимъ полямъ. Въ домѣ готовились къ Пасхѣ, и попадья была занята, но прибѣгая на минутку изъ кухни, она каждый разъ съ тревогою смотрѣла на мужа. И веселой она старалась казаться, и скрывала тревогу.

А ночью, когда, по обыкновенію, она пришла на цыпочкахъ и трижды перекрестивъ изголовье, хотѣла уходить, ее остановилъ тихій и испуганный голосъ, не похожій на голосъ суроваго о. Василія:

— Настя! Я не могу идти въ церковь.

Въ голосѣ былъ ужасъ и что-то дѣтское и молящее. Какъ будто такъ огромно было несчастіе, что нельзя уже и не нужно было одѣваться гордостью и скользкими лживыми словами, за которыми прячутъ люди свои чувства. Попадья встала на колѣни у постели мужа и взглянула ему въ лицо: при слабомъ синеватомъ свѣтѣ лампадки оно казалось блѣднымъ, какъ у мертвеца, и неподвижнымъ и черные глаза одни косились на нее; и лежалъ онъ навзничь, какъ тяжело больной, или ребенокъ, котораго напугалъ страшный сонъ и онъ не смѣетъ пошевельнуться.

— Молись, Вася,—прошептала попадья, гладя его холодныя руки, сложенныя на груди, какъ у покойника.

— Не могу. Мнѣ страшно. Зажги огонь, Настя.

Пока она зажигала лампу, о. Василій началъ одѣваться, медленно и неловко, какъ тяжело больной, давно не встававшій съ постели. Крючки на подрясникѣ онъ не могъ застегнуть самъ и попросилъ жену:

— Застегни.

— Куда ты?—удивилась попадья.

— Никуда. Я такъ.

И медленно онъ началъ ходить по комнатѣ, ступая неувѣренно и слабо подгибающимися ногами. Голова его тряслась еле замѣтною и ровною дрожью и нижняя челюсть безсильно отвисла; съ усиліемъ онъ подбиралъ ее, облизывая языкомъ сухія, пересмякшія губы, но черезъ минуту она падала снова и открывала черное отверстіе рта. Надвигалось что-то огромное и невыразимо

ужасное, какъ безпредѣльная пустота и безпредѣльное молчаніе. И не было земли и людей, и міра за стѣнами дома—тамъ былъ тотъ же зіяющій бездонный провалъ и вѣчное молчаніе.

— Вася! Неужели это правда?—спросила попадья, замирая отъ страха.

О. Василій взглянулъ на нее тусклыми, безъ блеска глазами и съ минутнымъ приливомъ силы замахалъ рукой:

— Не надо. Не надо. Молчи.

И снова заходилъ, и снова отпала безсильная челюсть. И такъ ходилъ онъ медленно, какъ само время, а на постели сидѣла блѣдная женщина, замирающая отъ страха, и медленно, какъ время, двигались ея глаза и слѣдили. И надвигалось что-то огромное. Вотъ пришло оно и стало и охватило ихъ пустымъ и всеобъемлющимъ взглядомъ—огромное, какъ пустота, страшное, какъ вѣчное молчаніе.

О. Василій остановился противъ жены и, тускло глядя на нее, сказалъ:

— Темно. Зажги еще огонь.

„Онъ умираетъ“,—подумала попадья и трясущимися руками, роняя спички, зажгла свѣчу. И снова онъ попросилъ:

— Зажги еще.

И она зажигала, все зажигала, и уже много горѣло лампъ и свѣчей. Какъ маленькая голубая звѣздочка терялась лампадка въ живомъ и смѣломъ блескѣ огня и было похоже на то, что уже наступилъ большой и свѣтлый праздникъ. И медленный, какъ время, тихо двигался онъ въ сіяющей пустотѣ. Теперь, когда пустота свѣтилась, увидѣла попадья и поняла на одно короткое, но ужасное мгновеніе,—что онъ одинокъ,—не принадлежитъ ей и никому—и ни она и никто не мо-

жетъ этого измѣнить. Если бы сошлись добрые и сильные люди со всего міра, обнимали его, говорили бы ему слова утѣшенія и ласки—онъ остался бы также одинокъ.

И снова подумала, холодѣя: „онъ умираетъ".

Такъ проходила ночь. И когда уже близилась она къ концу, шаги о. Василія стали тверже, онъ выпрямился, нѣсколько разъ взглянулъ на попадью и сказалъ:

— Зачѣмъ столько огня? Потуши.

Попадья потушила свѣчи и лампы и нерѣшительно заговорила:

— Вася!..

— Завтра поговоримъ. Ну, ступай къ себѣ. Нужно ложиться.

Но попадья не уходила и о чемъ-то умоляла его глазами. И попрежнему высокій и сильный, онъ подошелъ и какъ ребенка погладилъ ее по головѣ.

— Такъ-то, попадья!—сказалъ онъ и улыбнулся. А лицо его было блѣдно прозрачной блѣдностью смерти и вокругъ глазъ лежали черные круги: какъ будто притаилась тамъ ночь и не хотѣла уходить.

На утро о. Василій объявилъ женѣ: онъ сниметъ съ себя санъ и осенью, собравши денегъ, они уѣдутъ—далеко—еще неизвѣстно куда. А идіотъ останется: онъ будетъ отданъ на воспитаніе. И попадья плакала и смѣялась, и въ первый разъ послѣ рожденія идіота поцѣловала мужа въ губы—краснѣя и смущаясь.

Было въ это время Василію Ѳивейскому сорокъ лѣтъ и женѣ его тридцать четыре года.

VIII.

Три мѣсяца отдыхала ихъ душа; и снова вернулась въ ихъ домъ потерянная надежда и радость. Всею силою пережитыхъ страданій повѣрила попадья въ новую жизнь, совсѣмъ новую и совсѣмъ особенную, какой нѣтъ и не можетъ быть у другихъ людей. Она смутно чувствовала то, что происходитъ въ сердцѣ ея мужа, но она видѣла его особенную бодрость, спокойную и ровную, какъ пламя свѣчи; видѣла особенный блескъ его глазъ, какого не было раньше, и вѣрила въ его силу. О. Василій пытался иногда говорить съ нею о томъ, куда они уѣдутъ и какъ будутъ жить,—но она не хотѣла его слушать: точныя и опредѣленныя слова отпугивали ея широкую и безформенную мечту и какъ-то странно и страшно сближали будущее съ мучительнымъ прошлымъ. Одного только она хотѣла: чтобъ это было далеко, за предѣлами знакомаго ей и попрежнему страшнаго міра. Какъ и раньше, случались запои, но проходили быстро и она не боялась ихъ: вѣрила, что скоро перестанетъ пить совсѣмъ. „Тамъ будетъ другое, тамъ не нужно будетъ пить“,—думала она, озаренная свѣтомъ неопредѣленной и прекрасной мечты.

Когда наступило лѣто, она снова начала на цѣлые дни уходить въ лѣсъ и поле; возвращалась въ сумерки и поджидала у калитки, когда пріѣдетъ съ сѣнокоса о. Василій. Неслышно и медленно наростала тьма короткой лѣтней ночи; и казалось, что никогда не придетъ ночь и не погаситъ дня; и только взглянувъ на смутныя очертанія рукъ, лежавшихъ на колѣняхъ, она чувствовала, что есть что-то между нею и ея руками и это — ночь съ своей прозрачною и таинственною мглою. И уже безпокоиться она начинала, когда пріѣз-

жалъ о. Василіи, высокій, сильный, веселый, окруженный рѣзкимъ и пріятнымъ запахомъ травы и поля. Лицо у него было темное отъ ночи, а глаза ласково свѣтились, и въ сдержанномъ голосѣ словно таилась необъятная ширь полей, и запахъ травъ, и радость продолжительной работы.

— Хорошо на землѣ,—говорилъ онъ и сдержанно смѣялся загадочнымъ и темнымъ смѣхомъ: какъ будто насмѣхался онъ надъ кѣмъ-то, или надъ самимъ собою.

— Ну, ну, Вася. Конечно, хорошо!—говорила попадья убѣдительно и они шли ужинать. Послѣ простора полей о. Василію казалось тѣсно въ маленькой компатѣ; онъ стѣснялся своихъ длинныхъ рукъ и ногъ, и такъ неуклюже и смѣшно двигалъ ими, что попадья весело шутила:

— Вотъ бы заставить тебя написать проповѣдь. Ты сейчасъ и пера не удержишь,—говорила она.

И они смѣялись.

Но когда о. Василій оставался одинъ—лицо его дѣлалось серьезно и строго: наединѣ съ мыслями своими не смѣлъ онъ шутить и смѣяться. И глаза его смотрѣли сурово и съ гордымъ ожиданіемъ—ибо чувствовалъ онъ, что и въ эти дни покоя и надежды надъ жизнью его тяготѣетъ все тотъ же жестокій и загадочный рокъ.

Двадцать седьмого іюля, вечеромъ, о. Василій съ работникомъ возилъ съ поля снопы.

Тѣнь отъ ближняго лѣса стала косая и длинная и по всему полю отовсюду шли такія же длинныя и косыя тѣни, когда со стороны Знаменскаго принесся жидкій и еле слышный звонъ, странный своею неурочностью. О. Василій быстро обернулся: тамъ, гдѣ темнѣла среди ветелъ крыша его домика, неподвижно

стоялъ густой клубъ чернаго смолистаго дыма, и подъ нимъ извивалось, словно придавленное, багровое, безъ свѣту, пламя. Пока побросали снопы съ телѣги, пока прискакали въ село, уже темнѣло и пожаръ кончался. догорали, какъ свѣчи, черные обугленные столбы, смутно бѣлѣла кафлями обнаженная печь и низко стлался бѣлый дымъ, похожій на паръ. Онъ окутывалъ ноги тушившихъ мужиковъ и на фонѣ догорающей зари они словно висѣли въ воздухѣ плоскими смутными тѣнями.

Вся улица была запружена народомъ; мужики толклись въ свѣжей грязи, образовавшейся отъ пролитой воды, возбужденно и громко разговаривали, и внимательно присматривались другъ къ другу, точно не узнавая сразу ни знакомыхъ лицъ, ни голосовъ. Съ поля пригнали стадо и оно тревожно металось. Коровы мычали; овцы неподвижно глядѣли стеклянными выпуклыми глазами, растерянно терлись между ногъ и шарахались въ сторону отъ безпричиннаго испуга, дробно попыливая копытцами. За ними гонялись бабы и по всему селу слышался однообразный призывъ: кыть-кыть-кыть. И отъ этихъ темныхъ фигуръ съ темными какъ будто бронзовыми лицами; отъ этого однообразнаго и страннаго призыва, отъ людей и животныхъ, слившихся въ одномъ стихійномъ чувствѣ страха, вѣяло чѣмъ-то дикарскимъ, первобытнымъ.

День былъ безвѣтренный и сгорѣлъ одинъ только поповскій домъ. Какъ разсказывали, пожаръ начался въ комнатѣ, гдѣ отдыхала пьяная попадья, вѣроятно отъ зароненнаго огня съ папиросы, или отъ небрежно брошенной спички. Весь народъ былъ въ полѣ; и успѣли спасти только перепуганнаго идіота, да кое-какія вещи, а сама попадья сильно обгорѣла и ее вытащили чуть живою, безъ памяти. Когда разсказывали это при-

скакавшему о. Василію, ожидали отъ него взрыва горя и слезъ, и были удивлены: вытянувъ шею впередъ, онъ слушалъ сосредоточенно и внимательно, съ напряженно сомкнутыми губами; и былъ у него такой видъ, точно онъ уже зналъ то, что ему разсказываютъ и только провѣрялъ разсказъ. Какъ будто въ этотъ короткій сумасшедшій часъ, пока онъ, стоя съ разметавшимися волосами и прикованнымъ къ огненному столбу взглядомъ, бѣшено скакалъ на подпрыгивающей телѣгѣ—онъ догадался обо всемъ: и о томъ, отчего долженъ былъ произойти пожаръ, и о томъ, что все имущество и попадья должны были погибнуть, а идіотъ и Настя уцѣлѣть.

Мгновеніе онъ стоялъ молча, съ опущенными глазами—и вскинувъ назадъ голову рѣшительно и прямо направился черезъ толпу къ дому діакона, гдѣ нашла пріютъ умиравшая попадья.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ громко у молчавшихъ людей. И молча ему указали. Онъ подошелъ, низко наклонился къ безформенной, глухо стонущей массѣ, увидѣлъ сплошной бѣлый пузырь, страшно замѣнившій собой знакомое и дорогое лицо—и въ ужасѣ отпрянулся, и закрылъ лицо руками.

Попадья глухо заволновалась; вѣроятно она пришла въ себя и ей нужно было что-то сказать, но вмѣсто словъ изъ горла ея выходилъ глухой, отрывистый хрипъ. О. Василій отнялъ руки отъ лица: на немъ не было слезъ, оно было вдохновенно и строго, какъ лицо пророка. И когда онъ заговорилъ, раздѣльно и громко, какъ говорятъ съ глухими, въ голосѣ его звучала непоколебимая и страшная вѣра. Въ ней не было человѣческаго, дрожащаго и въ силѣ своей; такъ могъ говорить только тотъ, кто испыталъ неизъяснимую и ужасную близость Бога.

— Во имя Божіе—слышишь ли ты меня?—воскликнулъ онъ.—Я здѣсь, Настя. Я здѣсь, около тебя. И дѣти здѣсь. Вотъ Василій. Вотъ Настя.

По неподвижному и страшному лицу попадьи нельзя было понять, слышитъ она что-нибудь или нѣтъ. И еще повысивъ голосъ, о. Василій продолжалъ, обращаясь къ безформенной, обгорѣвшей массѣ.

— Прости меня, Настя. Безвинно погубилъ я тебя. Погубилъ. Прости, единая любовь моя. И благослови дѣтей въ сердцѣ своемъ. Вотъ они: вотъ Настя, вотъ Василій. Благослови. И отыди съ миромъ. Не страшись смерти. Богъ простилъ тебя. Богъ любитъ тебя. Онъ дастъ тебѣ покой. Отыди съ миромъ. Тамъ увидишь Васю. Отыди съ миромъ.

Разошлись всѣ, тоскуя и плача, и унесли заснувшаго идіота. Одинъ о. Василій остался съ умирающей—на всю короткую лѣтнюю ночь, въ приходъ которой не вѣрила попадья. Онъ сталъ на колѣни и, положивъ голову возлѣ умирающей, обоняя легкій и страшный запахъ горѣлаго мяса, заплакалъ тихими и обильными слезами нестерпимой жалости. Онъ плакалъ о ней молодой и красивой, довѣрчиво ждущей радостей и ласкъ; о ней, потерявшей сына; о ней, безумной и жалкой, объятой страхомъ, гонимой призраками; онъ плакалъ о ней, которая ждала его въ лѣтніе сумерки, покорная и свѣтлая. Это ея тѣло, необласканное, нѣжное тѣло пожиралъ огонь, и оно такъ пахнетъ. Что она—кричала,—билась,—звала мужа?

О. Василій дико оглянулся помутившимися глазами и всталъ. Тихо было—такъ тихо, какъ бываетъ только въ присутствіи смерти. Онъ посмотрѣлъ на жену: она была неподвижна той особенной неподвижностью трупа, когда всѣ складки одеждъ и покрывалъ кажутся изваянными изъ холоднаго камня, когда блекнутъ на

одеждахъ яркіе цвѣта жизни и точно замѣняются блѣдными искусственными красками.

Умерла попадья.

Въ открытое окно дышала теплая и мягкая ночь и гдѣ-то далеко, подчеркивая тишину комнаты, гармонично стрекотали кузнечики. Около лампы безшумно метались налетѣвшія въ окно ночныя бабочки, падали и снова кривыми болѣзненными движеніями устремлялись къ огню, то пропадая во тьмѣ, то бѣлѣя, какъ хлопья кружащагося снѣга. Умерла попадья.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—заговорилъ попъ громко и испуганно.—Нѣтъ! Нѣтъ! Я вѣрю. Ты правъ. Я вѣрю.

Онъ палъ на колѣни, потомъ приникъ лицомъ къ залитому полу, среди клочковъ грязной ваты и перевязокъ—точно жаждалъ онъ превратиться въ прахъ и смѣшаться съ прахомъ. И съ восторгомъ безпредѣльной униженности, изгоняя изъ рѣчи своей самое слово „я", сказалъ:

— Вѣрую!

И снова молился, безъ словъ, безъ мыслей, молитвою всего своего смертнаго тѣла, въ огнѣ и смерти познавшаго непзъяснимую близость Бога. Самую жизнь свою пересталъ онъ чувствовать—какъ будто порвалась извѣчная связь тѣла и духа, и свободный отъ всего земного, свободный отъ самого себя, поднялся духъ на невѣдомыя и таинственныя высоты. Ужасы сомнѣній и пытующей мысли, страстный гнѣвъ и смѣлые крики возмущенной гордости человѣка—все было повергнуто во прахъ вмѣстѣ съ поверженнымъ тѣломъ; и одинъ духъ, разорвавшій тѣсныя оковы своего „я", жилъ таинственной жизнью созерцанія.

Когда о. Василій поднялся, уже свѣтло было и солнечный лучъ, длинный и красный, яркимъ пятномъ лежалъ на окаменѣвшихъ одеждахъ покойницы. И это удивило его, такъ какъ послѣднее, что онъ помнилъ, было темное окно и бабочки, метавшіяся вокругъ огня. Нѣсколько обожженныхъ бабочекъ темными комочками лежало около лампы, все еще горѣвшей почти невидимымъ желтымъ свѣтомъ; одна сѣрая, мохнатая съ большой уродливой головой была еще жива, но не имѣла силъ улетѣть и безпомощно ползала по столу. Вѣроятно ей было больно, она искала теперь ночи и тьмы, но отовсюду лился на нее безпощадный свѣтъ и обжигалъ маленькое, уродливое, рожденное для мрака тѣло. Съ отчаяніемъ она начинала трепетать короткими опаленными крылышками, но не могла подняться на воздухъ и снова угловатыми и кривыми движеніями, припадая на одинъ бокъ, ползала и искала.

О. Василій загасилъ лампу, выбросилъ въ окно трепетавшую бабочку и бодрый, какъ послѣ крѣпкаго сна, полный ощущеніемъ силы, новизны и необыкновеннаго спокойствія, отправился въ діаконскій садъ. Тамъ онъ долго ходилъ по прямой дорожкѣ, заложивъ руки назадъ, задѣвая головой низкія вѣтви яблонь и черешни, ходилъ и думалъ. Солнце начало пригрѣвать его голову сквозь просвѣты деревъ и на поворотѣ огненнымъ потокомъ вливалось въ глаза и слѣпило; падали, тихо стукая подъѣденныя червемъ яблоки, и подъ черешнями, въ сухой и рыхлой землѣ, копалась и кудахтала насѣдка съ дюжиной пушистыхъ желтыхъ цыплятъ,—а онъ не замѣчалъ ни солнца, ни стука яблокъ, и думалъ. И чудны были его мысли—яркія и чистыя онѣ были, какъ воздухъ яснаго утра, и какія-то новыя: такихъ мыслей никогда еще не пробѣгало въ его головѣ, омраченной скорбными и тягостными думами. Онъ думалъ,

что тамъ, гдѣ видѣлъ онъ хаосъ и злую безсмыслицу, тамъ могучею рукою былъ начертанъ вѣрный и прямой путь. Черезъ горнило бѣдствій, насильственно отторгая его отъ дома, отъ семьи, отъ суетныхъ заботъ о жизни—вела его могучая рука къ великому подвигу, къ великой жертвѣ. Всю жизнь его Богъ обратилъ въ пустыню, но лишь для того, чтобы не блуждалъ онъ по старымъ, изъѣзженнымъ дорогамъ, по кривымъ и обманчивымъ путямъ, какъ блуждаютъ люди, а въ безбрежномъ и свободномъ просторѣ ея искалъ новаго и смѣлаго пути. Вчерашній столбъ дыма и огня—развѣ онъ не былъ тѣмъ огненнымъ столбомъ, что указывалъ евреямъ дорогу въ бездорожной пустынѣ. Онъ думалъ: „Боже, хватитъ ли слабыхъ силъ моихъ?“—но отвѣтомъ былъ пламень, озарявшій его душу, какъ новое солнце.

Онъ избранъ.

На невѣдомый подвигъ и невѣдомую жертву избранъ онъ, Василій Ѳиваейскій, тотъ, что святотатственно и безумно жаловался на судьбу свою. Онъ избранъ. Пусть подъ ногами его разверзнется земля и адъ взглянетъ на него своими красными, лукавыми очами—онъ не повѣритъ самому аду. Онъ избранъ. И развѣ не тверда земля подъ его ногою?

О. Василій остановился и топнулъ ногой. Обезпокоенно закудахтала и насторожилась испуганная курица, созывая цыплятъ. Одинъ изъ нихъ былъ далеко и быстро побѣжалъ на зовъ, но на дорогѣ его схватили и подняли большія, костлявыя и горячія руки. Улыбаясь, о. Василій подышалъ на желтенькаго цыпленка горячимъ и влажнымъ дыханіемъ, мягко сложилъ руки, какъ гнѣздо, бережно прижалъ къ груди и снова заходилъ по длинной и прямой дорожкѣ.

— Какой подвигъ? Я не знаю. Но развѣ смѣю я знать? Вотъ зналъ я про судьбу мою, жестокой назы-

валъ ее и знаніе мое было ложь. Вотъ думалъ я родить сына—и чудовище, безъ образа, безъ смысла, вошло въ мой домъ. Вотъ думалъ я умножить имущество и покинуть домъ, а онъ раньше меня покинулъ, сожженный огнемъ небеснымъ. И это—мое знаніе. А она—безмѣрно несчастная женщина, оскорбленная въ самомъ чревѣ своемъ, исплакавшая всѣ слезы, ужаснувшаяся всѣми ужасами? Вотъ ждала она новой жизни на землѣ, и была бы скорбной эта жизнь,—а теперь лежитъ она тамъ, мертвая, и душа ея смѣется сейчасъ и знаніе свое называетъ ложью. Онъ знаетъ. Онъ далъ мнѣ много: Онъ далъ мнѣ видѣть жизнь и испытать страданіе, и остріемъ моего горя проникнуть въ страданіе людей. Онъ далъ мнѣ почувствовать ихъ великое ожиданіе и любовь къ нимъ далъ. Развѣ они не ждутъ и развѣ я не люблю? Милые братья! Пожалѣлъ насъ Господь, насталъ для насъ часъ милости Божіей!

Онъ поцѣловалъ пушистую головку цыпленка и продолжалъ:

— Мой путь. Но развѣ думаетъ о пути стрѣла, посланная сильной рукой? Она летитъ и пробиваетъ цѣль—покорная волѣ пославшаго. Мнѣ дано видѣть, мнѣ дано любить—и что выйдетъ изъ этого видѣнія, изъ этой любви, то и будетъ Его святая воля—моя жертва.

Пригрѣтый теплотой руки цыпленокъ заволокъ глаза и заснулъ—и улыбнулся попъ.

— Вотъ—стиснуть только руку, и онъ умретъ. А онъ лежитъ въ моихъ рукахъ, на моей груди и спитъ довѣрчиво. И развѣ я—не въ рукѣ Его? И смѣю я не вѣрить въ Божію милость, когда этотъ вѣритъ—въ мою человѣческую благость, въ мое человѣческое сердце.

Онъ тихо засмѣялся, открывъ черные, гнилые зубы, и на суровомъ недоступномъ лицѣ его улыбка разбѣ-

жалась въ тысячахъ свѣтлыхъ морщинокъ: какъ будто солнечный лучъ заигралъ на темной и глубокой водѣ. И ушли большія, важныя мысли, испуганныя человѣческой радостью, и долго была только радость, только смѣхъ, свѣтъ солнечный и нѣжно-пушистый заснувшій цыпленокъ.

Но вотъ сгладились морщинки, лицо сдѣлалось строго и важно, и вдохновенно засверкали глаза. Самое большое, самое важное предстало передъ нимъ и называлось оно—чудо. Туда не смѣла заглянуть его все еще человѣческая, слишкомъ человѣческая мысль. Тамъ была граница мысли. Тамъ въ бездонныхъ солнечныхъ глубинахъ неясно обрисовывался новый міръ и онъ уже не былъ землею. Міръ любви, міръ божественной справедливости, міръ свѣтлыхъ и безбоязненныхъ лицъ, не опозоренныхъ морщинами страданій, голода, болѣзней. Какъ огромный чудовищный брилліантъ сверкалъ этотъ міръ въ бездонныхъ солнечныхъ глубинахъ, и больно, и страшно было взглянуть на него человѣческимъ глазамъ. И покорно склонивъ голову, о. Василій промолвилъ:

— Да будетъ святая воля Твоя.

Въ саду показались люди: діаконъ, его жена и многіе другіе. Они издалека увидѣли попа и, дружелюбно кивая головами, поспѣшно направились къ нему, подошли ближе, замедлили шаги—и остановились въ оцѣпенѣніи, какъ останавливаются люди передъ огнемъ, передъ бушующей водою, передъ спокойно-загадочнымъ взглядомъ сумасшедшаго.

— Что вы такъ смотрите на меня?—удивленно спросилъ о. Василій.

Но они не двигались и смотрѣли. Передъ ними стоялъ высокій человѣкъ совсѣмъ незнакомый, совсѣмъ чужой, и чѣмъ-то могуче-спокойнымъ отдалялъ ихъ отъ

себя. Былъ онъ теменъ и страшенъ, какъ тѣнь изъ другого міра, а по лицу его разбѣгалась въ свѣтлыхъ морщинкахъ искристая улыбка: какъ будто солнце играло на черной и глубокой водѣ. И въ костлявыхъ большихъ рукахъ онъ держалъ пухленькаго желтаго цыпленка.

— Что вы такъ смотрите на меня?—повторилъ онъ, улыбаясь.—Развѣ я чудо?

IX.

Видимо для всѣхъ о. Василій Өивейскій поспѣшно сбрасывалъ съ себя послѣднее, связывавшее его съ прошлымъ и суетными заботами о жизни. Быстро списавшись съ сестрою своею, жившей въ городѣ, онъ отослалъ къ ней Настю; и дня одного не промедлилъ онъ съ отправленіемъ дочери, боясь, что укрѣпится въ сердцѣ его родительская любовь и многое отниметъ у людей. Настя уѣхала безъ радости и горя; она была довольна, что мать умерла и жалѣла только, что не пришлось сгорѣть идіоту. Уже сидя въ повозкѣ, въ старомодномъ платьѣ, перешитомъ изъ материнаго, въ криво надѣтой дѣтской шляпкѣ, больше похожая на странно наряженную некрасивую дѣвушку, чѣмъ на подростка,— она равнодушно поглядывала на суетившагося діакона своими волчьими глазами и говорила отцовскимъ сухимъ голосомъ:

— Да бросьте, о. діаконъ. Хорошо мнѣ сидѣть, и такъ доѣду. Прощайте, папаша.

— Прощай, Настенька. Учись, смотри, не лѣнись.

Телѣга дернулась, встряхнувъ Настю, но ужъ въ слѣдующее мгновенье она снова стала прямою, какъ палка, и не покачивалась въ стороны на колеяхъ, а только подпрыгивала. Діаконъ вынулъ платокъ, чтобы

помахать отъѣзжавшей, но Настя не обернулась; и, покачавъ укоризненно головой, діаконъ съ долгимъ вздохомъ высморкался въ платокъ и положилъ обратно въ карманъ. Такъ уѣхала она, чтобъ никогда больше не вернуться въ Знаменское.

— А вы бы, о. Василій, и сынка бы отправили. А то вѣдь трудно вамъ будетъ съ одной кухаркой. Глупая она у васъ баба и глухая къ тому же,—сказалъ діаконъ, когда уже и пыль улеглась за скрывшейся телѣгой.

О. Василій задумчиво посмотрѣлъ на него.

— Чтобы я людямъ свой грѣхъ подкинулъ? Нѣтъ, діаконъ. Мой грѣхъ—со мною ему и быть надлежитъ. Какъ-нибудь проживемъ, старый да малый,—такъ, отче?

Онъ улыбнулся ласково и пріятно, съ безобидной насмѣшливостью надъ чѣмъ-то, что знаетъ онъ одинъ и похлопалъ діакона по толстому плечу.

Пользованіе своею землею о. Василій передалъ причту, выговоривъ себѣ на содержаніе небольшую сумму, „вдовью“, какъ онъ ее называлъ.

— А можетъ и этого брать не стану,—загадочно промолвилъ онъ, улыбаясь пріятно, съ безобидною насмѣшкою надъ тѣмъ, что знаетъ онъ одинъ.

И еще одно дѣло совершилъ онъ: опредѣлилъ пухнувшаго отъ голода Мосягина въ работники къ Ивану Порфирычу. Послѣдній сперва прогналъ явившагося къ нему съ просьбой Мосягина, но поговоривъ съ попомъ, не только принялъ мужика, но и самому о. Василію прислалъ тесу на постройку дома. А женѣ своей, вѣчно молчаливой и вѣчно беременной женщинѣ, сказалъ:

— Попомни мое слово: надѣлаетъ дѣловъ этотъ попъ.

— Какихъ дѣловъ?—равнодушно спросила жена.

— А такихъ. Только какъ по тому случаю, что мое дѣло сторона, я и молчу. А то бы...—онъ неопредѣленно посмотрѣлъ въ окно, на дорогу въ губернскій городъ.

И неизвѣстно откуда, съ загадочныхъ ли словъ старосты или изъ другого источника—по селу, а потомъ и дальше пошли смутные и тревожные слухи о знаменскомъ попѣ. Какъ дымная гарь отъ далекаго лѣсного пожара, они двигались медленно и глухо, и никто не замѣчалъ ихъ прихода, и только взглянувъ другъ на друга и на потускнѣвшее солнце, люди понимали, что пришло что-то новое, необычное и тревожное.

Къ половинѣ октября былъ отстроенъ новый домъ, но совсѣмъ отдѣлать и покрыть крышею успѣли только половину; другая половина, безъ стропилъ и наката, съ пустыми незарамленными окнами прицѣплялась къ жилой части, какъ скелетъ къ живому человѣку, и по ночамъ казалась покинутою и страшною. Новой обстановки о. Василій заводить не сталъ: среди голыхъ бревенчатыхъ стѣнъ, на которыхъ не успѣли еще затвердѣть янтарныя капельки смолы, во всѣхъ четырехъ комнатахъ стояли двѣ некрашеныя табуретки, столъ да постели. Глухая, безтолковая кухарка печи топила плохо, въ комнатахъ всегда пахло дымомъ и часто болѣла голова отъ угара, сизымъ облакомъ ползавшаго по грязному, изслѣженному полу. И холодно было. Въ сильные морозы стекла изнутри покрывались бѣлымъ слоемъ пушистаго инея и въ домѣ царилъ холодный бѣлый полусвѣтъ; на подоконникахъ намерзли съ начала зимы огромные куски льда, и отъ нихъ по полу тянулись водяные потоки. Даже неприхотливые мужики, приходившіе къ попу за требами, смущенно и виновато косились на убожество поповскаго жилья, а діаконъ сердито называлъ его „мерзостью запустѣнья“.

Когда о. Василій впервые вступилъ въ новый домъ, онъ долго и радостно ходилъ по пустымъ и холоднымъ, какъ амбаръ, комнатамъ и весело сказалъ идіоту:

— Важно заживемъ мы съ тобою, Василій!

Идіотъ облизнулъ губы длиннымъ, какъ у животнаго, языкомъ и загугукалъ прыгающими, однообразными и громкими звуками:

— Гу-гу! Гу-гу!

Ему было весело и онъ смѣялся. Но уже скоро онъ почувствовалъ холодъ, одиночество и скуку заброшеннаго жилища, сердился, кричалъ, билъ себя по щекамъ и пробовалъ сползти на полъ, но падалъ и больно ушибался. Временами онъ впадалъ въ состояніе тяжелаго оцѣпенѣнія, похожаго на страшную кошмарную задумчивость. Подперевъ голову тонкими длинными пальцами, слегка высунувъ кончикъ языка, онъ неподвижно смотрѣлъ передъ собою изъ-подъ узенькихъ, звѣриныхъ вѣкъ. И тогда чудилось, что онъ вовсе не идіотъ, что онъ думаетъ что-то, свое, особенное, не похожее на мысли всѣхъ людей; и что онъ знаетъ что-то, тоже особенное, простое, и загадочное, чего не знаетъ никто изъ нихъ. И думалось, глядя на его приплюснутый носъ съ широкими, вывернутыми ноздрями, на его срѣзанный затылокъ, животной линіей переходившій прямо въ спину,—что, если бы дать ему крѣпкія и быстрыя ноги, онъ убѣжалъ бы въ лѣсъ и зажилъ бы тамъ таинственной лѣсною жизнью, полной игръ, жестокости и темной лѣсной мудрости.

И бокъ-о-бокъ съ нимъ, вѣчно вдвоемъ, вѣчно наединѣ, то оглушаемый его злымъ, безстыднымъ крикомъ, то преслѣдуемый окаменѣвшимъ загадочнымъ взглядомъ зажилъ о. Василій столь же таинственною жизнью духа, отрекшагося отъ плоти. Онъ чистымъ хотѣлъ быть для великаго подвига и еще невѣдомой великой жертвы—и всѣ дни и ночи его стали одною непрерывною молитвою, однимъ безглагольнымъ изліяніемъ. Со смерти попадьи онъ наложилъ на себя строгій постъ: не пилъ

чаю, не вкушалъ мясного и рыбнаго, и въ дни постные, въ среду и пятницу, питался однимъ хлѣбомъ, размоченнымъ въ водѣ. И съ непонятною суровостью, похожей на месть, такой же строгій постъ возложилъ онъ на идіота и тотъ мучился, какъ голодное животное: кричалъ, царапался и даже плакалъ скупыми собачьими слезами, но не могъ добиться ни одного лишняго куска. Людей попъ видѣлъ мало, и только по необходимости, старательно сокращая время пребыванія съ ними, и всѣ часы, съ короткими перерывами для отдыха и сна посвящалъ колѣнопреклоненной молитвѣ. А когда уставалъ—садился и читалъ Евангеліе, Дѣянія св. Апостоловъ и житія святыхъ. Обычно церковная служба отправлялась только по праздникамъ—теперь онъ ежедневно совершалъ раннюю литургію. Престарѣлый діаконъ отказался служить съ нимъ и помогалъ ему псаломщикъ, грязный и одинокій старикъ, давно когда-то лишенный діаконскаго сана за пьянство.

Еще затемно, дрожа отъ утренняго холода, о. Василій пробирался въ церковь. Идти было недалеко, а времени уходило много: часто за ночь наносило сугробы снѣга, ноги утопали и расползались въ сухой искристой массѣ, и каждый шагъ стоилъ десяти. Въ церкви какъ слѣдуетъ не топили и холодъ стоялъ лютый—тотъ особенный пронизывающій холодъ, какой свойственъ нежилымъ зданіямъ зимою; при дыханіи шелъ сильный паръ, и до металлическихъ вещей больно было дотронуться. Собственно для попа псаломщикъ, онъ же и сторожъ, растапливалъ одну печку и у открытой дверцы ея, присѣвъ на корточки, о. Василій отогрѣвалъ руки: иначе крестъ не держался въ негнущихся, залубенѣвшихъ пальцахъ. Тутъ, въ эти десять минутъ, онъ шутилъ со старикомъ относительно холода и цыганскаго пота и псаломщикъ угрюмо и снисходительно слушалъ

его; отъ постояннаго пьянства и отъ холода носъ у псаломщика былъ багрово-синій, а щетинистый подбородокъ, который началъ онъ брить послѣ разжалованія, равномѣрно двигался, точно при жеваніи.

Потомъ о. Василій облачался въ старую ризу, на которой, въ мѣстахъ золотой вышивки, торчали обтертыя нитки; въ кадило бросалась крупинка ладана и въ полутьмѣ, смутно различая другъ друга, но двигаясь увѣренно, какъ слѣпые въ знакомомъ мѣстѣ, они начинали служить. Два восковыхъ огарка—одинъ у псаломщика, другой на амвонѣ у образа Спасителя—только сгущали тьму; и острое пламя ихъ медленно колыхалось въ стороны, подчиняясь движенію двухъ неторопливыхъ людей.

Служили долго, служили медленно и крѣпко; и каждое слово дрожало и расплывалось въ очертаніяхъ своихъ, подхватываемое холоднымъ эхомъ пустынной церкви. И было только эхо, и тьма, и двое служащихъ Богу людей; и постепенно разгоралось что-то въ груди стараго, пьянаго псаломщика. Подставивъ ухо, онъ бережно ловилъ каждое слово попа и задолго начиналъ двигать колючимъ подбородкомъ; и уходила куда-то одинокая и грязная старость, и уходила вся неудачная, тоскливая жизнь,—а то, что являлось на смѣну, было необычно и радостно до слезъ. Часто на возгласъ псаломщика изъ алтаря долго не слышалось отвѣта; наступала долгая и строгая тишина, и неподвижно желтѣли острые язычки свѣчей; потомъ издалека приносился голосъ, налитой слезами и радостью. И снова увѣренно двигались въ полутьмѣ двѣ неторопливыхъ фигуры, и пламя колыхалось, подчиняясь ихъ неспѣшнымъ размѣреннымъ движеніямъ.

Когда служба кончалась, уже свѣтло становилось и о. Василій говорилъ:

— Смотри, Никонъ, какъ потеплѣло-то.

А изо рта его шелъ паръ. Морщины на щекахъ Никона розовѣли; строго и пытливо онъ взглядывалъ на попа и недовѣрчиво спрашивалъ:

— А завтра—будемъ? А то, можетъ, нельзя?

— Какъ же, Никонъ, будемъ, будемъ.

Почтительно онъ провожалъ попа до дверей и шелъ къ себѣ въ сторожку. Тамъ визгомъ и лаемъ его встрѣчалъ десятокъ собакъ, взрослыхъ и щенковъ; окруженный ими какъ дѣтьми, онъ кормилъ ихъ и ласкалъ, а самъ думалъ о попѣ. Думалъ о попѣ—и удивлялся. Думалъ о попѣ—и улыбался, не разжимая рта и отворачиваясь отъ собакъ, чтобы и онѣ не видѣли его улыбки. И все думалъ, думалъ—до самой ночи. А на утро ждалъ—не обманетъ ли попъ и не сдастся ли передъ тьмою и морозомъ. Но попъ приходилъ, продрогшій, но веселый, и снова отъ устья печки въ самую глубину темной церкви уходила багрово-красная полоса и по ней тянулась черная тающая тѣнь.

Вначалѣ, прослышавъ о странностяхъ попа, многіе нарочно приходили, чтобы посмотрѣть на него, и удивлялись. Иные изъ смотрѣвшихъ находили его безумнымъ; иные умилялись и плакали, но были такіе, и ихъ было много, въ сердцѣ которыхъ выростала острая и непреодолимая тревога. Ибо въ прямомъ, безбоязненно открытомъ и свѣтломъ взорѣ попа они уловляли мерцаніе тайны, глубочайшей и сокровеннѣйшей, полной необъяснимыхъ угрозъ и зловѣщихъ обѣщаній. Но скоро любопытные отстали и церковь долго оставалась пустою въ темные предутреніе часы, и никто не нарушалъ покоя двухъ молящихся людей. Но прошло еще время—и на возгласы попа стали приходить изъ темноты церкви робкіе, сдержанные вздохи; чьи-то колѣна глухо стукали о каменный полъ; чьи-то уста шептали; чьи-то

руки ставили цѣльную, маленькую свѣчу и среди двухъ огарковъ она была какъ молоденькая, стройная березка среди порубленнаго лѣса.

И стала крѣпнуть тревожная, глухая и безлицая молва. Она вползала всюду, гдѣ только были люди, и оставляла послѣ себя что-то, какой-то осадокъ страха, надежды и ожиданія. Говорили мало, говорили неопредѣленно, больше качали головами и вздыхали, но уже въ сосѣдней губерніи, за сотню верстъ отъ Знаменскаго, кто-то сѣрый и молчаливый вдругъ громко заговорилъ о „новой вѣрѣ“ и опять скрылся въ молчаніи. А молва все двигалась—какъ вѣтеръ, какъ тучи, какъ дымная гарь далекаго лѣсного пожара.

Позже всего дошли слухи до города—словно больно и трудно имъ было продраться сквозь каменныя стѣны, по шумнымъ и люднымъ улицамъ. И какіе-то голые, ободранные, какъ воры, пришли они—говорили, что кто-то себя сжегъ, что открылась новая изувѣрская секта. Въ Знаменское пріѣхали люди въ мундирахъ, ничего не нашли, а дома и безстрастныя лица ничего имъ не сказали—и они уѣхали обратно, позвякивая колокольцами.

А слухи, послѣ этого посѣщенія, стали еще упорнѣе и злѣе,—и каждое утро совершалъ служеніе о. Василій Онвейскій.

X.

Всѣ долгіе зимніе вечера о. Василій проводилъ вдвоемъ съ идіотомъ, какъ въ одну скорлупу, заключенный вмѣстѣ съ нимъ въ бѣлую клѣтку сосновыхъ стѣнъ и потолка.

Отъ прошлаго онъ сохранилъ любовь къ яркому свѣту—и на столѣ, нагрѣвая комнату, бѣлымъ огнемъ пылала большая лампа съ пузатымъ стекломъ. Замерзшія

окна, запушенныя инеемъ, свѣтлѣли подъ огнемъ и искрились, были непроницаемы, какъ стѣны, и отдѣляли людей отъ сѣрой ночи. Безграничнымъ кольцомъ она облегала домъ, давила на него сверху, искала отверстія, куда бы пропустить свой сѣрый коготь, и не находила. Она бѣсновалась у дверей, мертвыми руками ощупывала стѣны, дышала холодомъ, съ гнѣвомъ поднимала миріады сухихъ злобныхъ снѣжинокъ и бросала ихъ съ размаху въ стекла—а потомъ, бѣсноватая, отбѣгала въ поле, кувыркалась, пѣла и плашмя бросалась на снѣгъ, крестообразно обнимая закоченѣвшую землю. Потомъ поднималась, садилась на корточки, и долго и тихо смотрѣла на освѣщенныя окна, поскрипывая зубами. И снова съ визгомъ бросалась на домъ, выла въ трубѣ голоднымъ воемъ ненасытимой злобы и тоски и обманывала: у нея не было дѣтей, она сожрала ихъ и схоронила въ полѣ, въ полѣ, въ полѣ...

— Метель,—говорилъ о. Василій, прислушиваясь, и снова опускалъ глаза на книгу.

Она нашла. Огонь большой лампы проточилъ кружокъ въ пушистой броні, и заблестѣло мокрое стекло, и снаружи она прильнула къ нему сѣрымъ безцвѣтнымъ глазомъ. Ихъ двое, двое, двое... Ободранныя голыя стѣны съ блестящими капельками янтарной смолы, сіяющая пустота воздуха, и люди. Ихъ двое.

Склонивъ маленькій и тѣсный черепъ, идіотъ клеилъ изъ картона коробочки: мазалъ клеемъ, держа кисть за кончикъ длинной ручки, и рѣзалъ бумагу и каждый лязгъ ножницъ отчетливо и громко разносился по пустому дому. Коробочки выходили плохія, кривобокія, грязныя, съ торчащей и отклеивающейся бумагой, но онъ не зналъ этого и продолжалъ работать. Изрѣдка онъ поднималъ голову и неподвижнымъ взглядомъ изъ-подъ узкихъ звѣриныхъ вѣкъ смотрѣлъ въ освѣщенное

пространство комнаты. Тамъ толклись, метались и кружились звуки. Шуршаніе, шорохъ, трескъ; буханье и взрывы, чей-то хохотъ и длительный, протяжный вздохъ. Они вились надъ нимъ, паутиной пробѣгали по лицу и входили въ голову—шуршаніе, шорохъ и протяжные длительные вздохи. А человѣкъ противъ него былъ неподвиженъ и молчалъ.

— Бахъ!—стрѣляло высыхающее дерево и, вздрогнувъ, о. Василій отрывалъ глаза отъ бѣлыхъ страницъ. И тогда видѣлъ онъ и голыя стѣны, и запушенныя окна, и сѣрый глазъ ночи, и идіота, застывшаго съ ножницами въ рукахъ. Мелькало все, какъ видѣніе—и снова передъ опущенными глазами развертывался непостижимый міръ чудеснаго, міръ любви, міръ кроткой жалости и прекрасной жертвы.

— Па-па!—бормоталъ идіотъ недавно узнанное слово и исподлобья сердито и тревожно смотрѣлъ на отца. Но человѣкъ не слышалъ и молчалъ и вдохновеннымъ было свѣтлое лицо его. Онъ грезилъ дивными грезами свѣтлаго, какъ солнце, безумія; онъ вѣрилъ—вѣрою тѣхъ мучениковъ, что всходили на костеръ, какъ на радостное ложе и умирали, славословя. И любилъ онъ—могучей несдержанной любовью властелина, того, кто повелѣваетъ надъ жизнью и смертью и не знаетъ мукъ трагическаго безсилія человѣческой любви. Радость, радость, радость!

— Па-па! Па-па!—еще разъ пробормоталъ идіотъ, но не получилъ отвѣта и снова взялся за ножницы. Но скоро бросилъ ихъ—и уставившись неподвижными глазами, оттопыривъ большія уши, терпѣливо ловилъ бѣгающіе звуки. Шипѣніе и шорохъ, визгъ и свистъ. И хохотъ. Она играла. Она садилась на бревна покинутаго сруба, качалась и бахалась въ снѣгъ, и тихо кралась въ уголъ и рыла тамъ могилу—для чужихъ, для чужихъ. И пѣла:

для чужихъ, для чужихъ. И съ радостью взметывала вверхъ и раскидывала широкія сѣрыя крылья, высматривая; камнемъ падала внизъ, и кружась проносилась въ темныя окна занидевѣвшаго сруба, — съ визгомъ и свистомъ. За снѣжниками гонялась она—и блѣдныя отъ страха, вытянувшись впередъ, онѣ молчаливо бѣжали.

— Па-па!—громко кричалъ идіотъ.—Па-па!

Человѣкъ слышитъ и поднимаетъ голову—съ длинными, изсѣда-черными волосами, какъ метель и ночь обволакивающими лицо. На минуту передъ нимъ встаютъ голыя стѣны и злобно-испуганное лицо идіота и визгъ разыгравшейся вьюги—и наполняютъ душу его мучительнымъ восторгомъ. Свершается,—свершилось!

— Ну что, Василій? Чего не кленешь—клей!

— Па-па.

— Что волнуешься? Метель? Да, да. Метель.

О. Василій прильнулъ къ стеклу—глазъ въ глазъ съ сѣрою ночью—и смотритъ. И шепчетъ съ ужасомъ:

— Отчего онъ не звонитъ? Что если кто-нибудь блуждаетъ въ полѣ?—Она плачетъ. Въ полѣ, въ полѣ, въ полѣ!..

— Погоди, Василій. Я схожу къ Никону. Я сейчасъ вернусь.

— Па-па.

Дверь хлопаетъ, впуская звуки. Они робко жмутся у дверей,—но тамъ нѣтъ никого. Свѣтло и пусто. Одинъ за другимъ они крадутся къ идіоту—по полу, по потолку, по стѣнамъ—заглядываютъ въ его звѣриные глаза, шепчутся, смѣются—и начинаютъ играть. Все веселѣе, все рѣзвѣе. Они гоняются, прыгаютъ и падаютъ; что-то дѣлаютъ въ сосѣдней темной комнатѣ, дерутся и плачутъ. Нѣтъ никого. Свѣтло и пусто. Нѣтъ никого.

— Бо-о-мъ!—откуда-то сверху падаетъ первый тя

желый ударъ колокола и разгоняетъ маленькіе испуганные звуки. Бо-о-мъ!—падаетъ второй, глухой, вязкій и разорванный: точно захватило вѣтромъ широкую пасть колокола, онъ задохнулся и стонетъ. Убѣжали маленькіе звуки.

— Вотъ и я!—говоритъ о. Василій. Онъ весь бѣлый и дрожитъ. Тугіе красные пальцы никакъ не могутъ перевернуть бѣлой страницы. Онъ дуетъ на нихъ, третъ одна о другую, и снова шуршатъ тихо страницы, и все исчезаетъ: голыя стѣны, отвратительная маска идіота и равномѣрные глухіе звуки колокола. Снова безумнымъ восторгомъ горитъ его лицо. Радость, радость!

— Бо-о-мъ!

Она играетъ съ колоколомъ. Она ловитъ его гулкіе толстые звуки, обвиваетъ ихъ шипѣніемъ и свистомъ, рветъ, разбрасываетъ—тяжело катитъ ихъ въ поле, зарываетъ въ снѣгъ и прислушивается, склонивъ голову на бокъ. И снова бѣжитъ навстрѣчу новымъ звукамъ, неутомимая, злая и такая хитрая,—какъ бѣсъ.

— Па-па!—кричитъ идіотъ и бросаетъ на полъ звякнувшія ножницы.

— Ну, что? Ну, успокойся.

— Па-па!

Молчаніе въ комнатѣ, свистъ и злое шипѣніе метели, и вязкіе, глухіе удары. Идіотъ туго ворочаетъ головой и тоненькія, безжизненныя ноги его съ согнутыми пальцами и нѣжной, не знающей земли подошвой, слабо шевелятся, безсильно порываясь къ бѣгу. И зоветъ:

— Па-па!

— Ну, хорошо. Перестань. Слушай, что я прочту тебѣ.

О. Василій перевернулъ назадъ страницу и началъ строгимъ и важнымъ голосомъ, какъ въ церкви:

„И проходя, увидѣлъ человѣка, слѣпого отъ рожденія...“

Онъ поднялъ руку и, блѣднѣя, взглянулъ на Васю.

— Понимаешь! Слѣпого отъ рожденія. Никогда не видѣлъ солнца, ни лицъ друзей и близкихъ. Явился въ жизнь—и тьма объяла его. Бѣдный человѣкъ! Слѣпой человѣкъ!

Голосъ попа звучитъ крѣпкою вѣрою и восторгомъ насытившейся жалости. Онъ молчитъ и смотритъ тихо улыбающимся взглядомъ, точно не хочетъ онъ разстаться съ этимъ бѣднымъ человѣкомъ, который былъ слѣпъ отъ рожденія, не видѣлъ лица друга, и не думалъ, какъ близка къ нему божественная милость. Милость—и жалость, и жалость!..

— Бо-о-мъ!

— Ну, слушай же, сынъ. „Ученики Его спросили у Него: Равви, кто согрѣшилъ: онъ или родители его, что родился слѣпымъ?“—„Іисусъ отвѣчалъ: не согрѣшили ни онъ, ни родители его, но это для того, чтобы на немъ явилось дѣло Божіе“.

Крѣпчаетъ голосъ попа и наполняетъ всю обнаженную комнату своими раскатами. И его широкіе звуки пронизываютъ тихое шипѣніе и шорохъ, и свистъ, и растянутый, разорванный блуждающій гулъ задохнувшагося колокола. Идіоту весело: отъ огненнаго голоса, отъ блестящихъ глазъ, отъ шума, свиста и гула. Онъ хлопаетъ себя по оттопыреннымъ ушамъ, мычитъ и густая слюна двумя грязными рукавами ползетъ по низкому подбородку.

— Па-па! Па-па!

— Слушай, слушай.—„Мнѣ должно дѣлать дѣла пославшаго Меня, доколѣ есть день; приходитъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать“.—„Доколѣ Я въ мірѣ—Я свѣтъ міру“. Во вѣки вѣковъ, во вѣки вѣковъ!—по-

сылаетъ онъ въ ночь и метель страстные торжествующіе крики.—Во вѣки вѣковъ!

Зоветъ блуждающихъ колоколъ и въ безсиліи плачетъ его старый, надорванный голосъ. И она качается на его черныхъ слѣпыхъ звукахъ и поетъ: ихъ двое, двое, двое! И къ дому мчится, колотится въ его двери и окна и воетъ: ихъ двое, ихъ двое!

И о. Василій смутно слышитъ ее и сурово спрашиваетъ идіота:

— Ты что бурчишь тамъ?

Но идіотъ молчитъ и, еще разъ съ недовѣріемъ взглянувъ на него, о. Василій продолжаетъ:

— „Я свѣтъ міру.. Сказавъ это, Онъ плюнулъ на землю, сдѣлалъ бреніе изъ плюновенія и помазалъ бреніемъ глаза слѣпому“—„и сказалъ ему: пойди, умойся въ купальнѣ Силоамъ (что̀ значитъ посланный). Онъ пошелъ и умылся и вернулся зрячимъ“.

— Зрячимъ, Вася, зрячимъ!—грозно крикнулъ попъ, и, сорвавшись съ мѣста, быстро заходилъ по комнатѣ. Потомъ остановился посреди ея и возопилъ:

— Вѣрую, Господи! Вѣрую!

И тихо стало. И громкій скачущій хохотъ прорвалъ тишину, ударилъ въ спину попа—и со страхомъ онъ обернулся.

— Ты что?—испуганно спросилъ онъ, отступая.

Идіотъ смѣялся. Безсмысленный зловѣщій смѣхъ разодралъ до ушей неподвижную, огромную маску и въ широкое отверстіе рта неудержимо рвался странно пустой, прыгающій хохотъ:

— Гу-гу-гу! Гу-гу-гу.

XI.

Подъ Троицу, подъ свѣтлый и веселый праздникъ весны, брали красный песокъ, чтобы посыпать дорожки. Глубокія ямы, гдѣ знаменскіе крестьяне уже нѣсколько лѣтъ добывали для себя песокъ, находились верстахъ въ двухъ отъ села, среди невысокихъ и густыхъ вырубокъ березы, осины и дубка. Еще было только начало іюня мѣсяца, а трава поднималась уже до пояса и до половины закрывала пышную и могучую зелень разметавшихся кустовъ, съ крупными, влажно зелеными листьями. И цвѣтовъ много было въ тотъ годъ, и пчела отовсюду налетѣла на цвѣты, и на дно глубокой выемки съ осыпающимися и сползающими стѣнами вливалось ровное и жаркое жужжаніе и нѣжный простой ароматъ. И уже нѣсколько дней все ждало грозы и чувствовало ее. Она была въ раскаленномъ безвѣтренномъ воздухѣ, въ безросныхъ душныхъ ночахъ; ее звала измученная скотина и просительно мычала, задирая головы. И людямъ было и душно и хорошо. Неподвижный воздухъ давилъ и угналъ, а что-то безпокойное звало къ движенію, къ громкимъ отрывочнымъ разговорамъ и безпричинному смѣху.

Работали двое: псаломщикъ Никонъ, бравшій песокъ для церкви и работникъ старосты, Семенъ Мосягинъ. Иванъ Порфирычъ любилъ, чтобы песку у него было много и на улицѣ передъ домомъ, и на мощеномъ дворѣ, и Семенъ уже успѣлъ съ утра отвезти одну телѣгу, а теперь накладывалъ другую, бойко швыряя полныя лопаты золотистаго, краснаго песку. Ему было весело отъ жаркаго жужжанья, отъ запаха и пріятной работы; онъ задорно поглядывалъ на мрачнаго псалом-

щика, лѣниво ковырявшаго песокъ щербатымъ скребкомъ и дразнилъ его:

— Эхъ, братъ, Никонъ Иванычъ, даромъ паша съ тобой красота пропадаетъ!

— Скажи другой разъ,—отвѣчалъ псаломщикъ съ лѣнивой и неопредѣленной угрозой, и пока онъ говорилъ, курившаяся трубка свѣшивалась изо рта на сѣдую щетину подбородка и постукивала.

— Гляди, соску уронишь!—предостерегъ Семенъ.

Никонъ ничего не отвѣтилъ и Семенъ, не обижаясь, весело продолжалъ копать. За полгода жизни у Ивана Порфирыча онъ сталъ гладкій и круглый, какъ свѣжій огурецъ, и легкая работа не могла взять всѣхъ его силъ и вниманія: онъ быстро долбилъ, подкапывалъ и бросалъ, и съ ловкостью и быстротой подбирающей зерна курицы собиралъ разсѣянныя крупинки золотистаго песку, шевеля лопатой, какъ широкимъ и ловкимъ языкомъ. Но яма, изъ которой еще наканунѣ брали песокъ, истощилась и Семенъ рѣшительно плюнулъ въ нее.

— Ну, тутъ немного накопаешь. Развѣ тамъ поковырять?—посмотрѣлъ онъ на низенькую полупещерку, подкопанную въ непрочной стѣнѣ и пестрѣвшую красными и зеленовато-сѣрыми пластами; и рѣшительно направился къ ней.

Псаломщикъ посмотрѣлъ на пещерку, подумалъ: „а вѣдь завалится“,—но ничего не сказалъ. Но Семенъ почувствовалъ эту мысль въ видѣ смутной тревоги, похожей на внезапную и легкую тошноту, и остановился.

— Какъ думаешь, не завалится?—спросилъ онъ, оборачиваясь

— А я почемъ знаю?—отвѣтилъ сторожъ.

Въ темнотѣ овальнаго отверстія, напоминавшаго от-

крытый ротъ, было что-то предательское, выжидающее, и Семенъ колебался. Но сверху, гдѣ повисъ надъ ямою дубовый кустъ и рѣзко вычерчивалъ на голубомъ небѣ свой рѣзной трепещущій листъ, пахнуло возбуждающимъ запахомъ листвы и цвѣтовъ, и хотѣлось отъ этого запаха дѣлать что-нибудь смѣлое и веселое. Послюнявивъ ладони, Семенъ взялъ лопату, и когда только второй разъ ткнулъ ею,—что-то слабо хрустнуло, вся стѣна беззвучно сползла внизъ и накрыла его. И только удержавшійся на корняхъ дубовый кустъ слабо закачалъ листьями, да ссохшійся круглый комочекъ песку подкатился къ самымъ ногамъ поблѣднѣвшаго сторожа и остановился, такой простой и невинный. Черезъ два часа Семена откопали мертвымъ. Широко открытый ротъ съ чистыми и ровными, точно по ниткѣ обрѣзанными зубами, былъ туго набитъ золотистымъ пескомъ: и по всему лицу, во впадинахъ глазъ среди бѣлыхъ рѣсницъ, въ русыхъ волосахъ и огненно-рыжей бородѣ желтѣлъ тотъ же красивый золотистый песокъ. И все также завивались и плясали рыжіе волоски и дикимъ глумленіемъ отзывалась эта нелѣпо веселая, залихватская пляска вокругъ блѣднаго помертвѣлаго лица.

Съ собравшимся народомъ прибѣжалъ сынъ погибшаго Мосягина, Сенька. Его не взяли на лошадь и во всю дорогу онъ бѣжалъ сзади ѣдущихъ, такъ что слышно было его тяжелое дыханіе, и пока откапывали отца, стоялъ неподвижно въ сторонѣ, на кучѣ глины, и такъ же неподвижны были его глаза, которыми впивался онъ въ тающую песчаную гору.

Мертвеца положили на телѣгу, поверхъ накопаннаго имъ золотистаго песку, прикрыли рогожей и тихимъ шагомъ повезли въ Знаменское по корчеватой лѣсной дорогѣ; позади враздробъ тихо шли мужики, разсыпавшись между деревьями, и рубахи ихъ подъ солнеч-

ными пятнами вспыхивали краснымъ огнемъ. И когда проѣзжали мимо двухъэтажнаго дома Ивана Порфирыча исаломщикъ предложилъ поставить покойника къ нему:

— Его работникъ, ему и хоронить.

Ни въ окнахъ, ни около дома никого не было и лавка была заперта висячимъ желѣзнымъ замкомъ. Долго стучали въ высокія ворота съ большими черными шляпками желѣзныхъ гвоздей, потомъ дергали въ большой звонокъ и слышно было, какъ громко и рѣзко звонилъ онъ гдѣ-то за угломъ и заливались на дворѣ собаки, но никто не показывался. Наконецъ вышла старуха-кухарка и сказала, что Мосягина хозяинъ велитъ везти домой и даетъ на похороны, не въ зачетъ жалованья, десять рублей. А пока она объяснялась съ толпою, самъ Иванъ Порфирычъ, злой и испуганный, смотрѣлъ изъ-за занавѣсокъ на страшную рогожу и шопотомъ говорилъ женѣ:

— Запомни мои слова: ежели попъ милліонъ будетъ давать мнѣ, руки не протяну, пусть лучше отсохнетъ. Страшный онъ человѣкъ.

И неизвѣстно, откуда—съ загадочныхъ ли словъ старосты и его отказа принять покойника, или изъ другого невѣдомаго источника—по селу быстро заползали и всюду зашипѣли взъерошенные, жуткіе слухи. Говорили о Семенѣ, о его неожиданной и страшной смерти, а думали о попѣ, и сами не знали почему о немъ думаютъ и чего отъ него ждутъ. Когда о. Василій шелъ на панихиду, блѣдный, отягощенный какою-то неясной думою, но веселый и улыбающійся, передъ нимъ широко разступались и долго не рѣшались стать на то мѣсто, гдѣ невидимо горѣли слѣды его тяжелыхъ, больныхъ ногъ. Вспомнили пожаръ и долго говорили о немъ; вспомнили сгорѣвшую попадью и сына ея, без-

ногаго дурачка и за простыми ясными словами забѣгали острые колючки страха. Какая-то баба заплакала отъ большой и смутной жалости и ушла; оставшіеся долго смотрѣли на ея вздрагивающую спину, и молча, не глядя другъ на друга, разошлись. Ребята, отражая волненіе взрослыхъ, собирались въ сумерки на гумнѣ и на задворкахъ и разсказывали страшныя сказки о мертвецахъ, чернѣя большими расширенными глазами: и уже давно звалъ ихъ домой знакомый и пріятно-сердитый голосъ, а они не рѣшались высвободить изъ-подъ себя босыя ноги и промчаться сквозь прозрачную пугающую мглу. И всѣ два дня до похоронъ непрестанно ходили смотрѣть покойника, быстро синѣвшаго и пухнувшаго отъ жары.

И въ обѣ ночи, прошедшія до похоронъ, земля дышала томительнымъ жаромъ и безросны оставались сухіе луга, уже начавшіе выгорать подъ жаркимъ солнцемъ. Небо было чисто, но темно и рѣдкія звѣзды мерцали тускло; и надъ всѣмъ стоялъ неумолчный сухой трескъ кузнечиковъ. Когда послѣ первой вечерней панихиды о. Василій вышелъ изъ хаты, уже темно было, и огней не было на заснувшей улицѣ. Томясь отъ духоты, попъ снялъ широкополую черную шляпу и тихо шелъ, ступая беззвучно, какъ по мягкому и пушистому ковру. И скорѣе по усилившейся тревогѣ, не оставлявшей его, какъ и всѣхъ, нежели по слуху—догадался онъ, что сзади въ нѣсколькихъ шагахъ кто-то слѣдуетъ за нимъ. Онъ оглянулся—кто-то темный и высокій шелъ сзади, видимо соразмѣряя свои шаги съ медленною поступью попа. Попъ остановился—тотъ, сзади, не догадываясь объ этомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и тоже остановился, рѣзко подавшись назадъ.

— Кто это?—спросилъ о. Василій.

Человѣкъ молчалъ. Потомъ внезапно повернулся и

быстро, не сдерживая шага, пошелъ назадъ: и уже черезъ минуту почная тьма безслѣдно поглотила его.

На слѣдующую ночь повторилось то же. Высокій и темный человѣкъ шелъ за попомъ до самой его калитки, и по чему-то въ походкѣ и складѣ коренастой фигуры попу показалось, что это Иванъ Порфирычъ, староста.

– Иванъ Порфирычъ, это вы?—окликнулъ онъ. Но человѣкъ не отозвался и отошелъ назадъ. А когда о. Василій уже раздѣвался для сна, кто-то тихо постучалъ въ окно; попъ вышелъ—и возлѣ дома не было ни души. „Что это опъ мечется, какъ злой духъ?“—съ неудовольствіемъ подумалъ о. Василій, становясь на долгую колѣнопреклоненную молитву. И въ ней онъ забылъ и старосту, и ночь, тревожно лежавшую надъ землею, и себя самого –объ умершемъ молился онъ, о его женѣ и дѣтяхъ, о дарованіи землѣ и людямъ великой милости Божіей. И въ бездонныхъ солнечныхъ глубинахъ неясно обрисовывался новый міръ, и онъ уже не былъ землею.

А пока онъ молился, идіотъ сползъ съ постели, шумно ворочая оживающими, но все еще слабыми ногами. Онъ сталъ ползать съ начала весны, и уже не разъ приходилось о. Василію при возвращеніи находить его у порога, гдѣ неподвижно сидѣлъ онъ, какъ собака у запертыхъ дверей. Теперь онъ направился къ открытому окну и двигался медленно, съ усиліемъ, сосредоточенно покачивая головою. Подползъ, закинулъ за окно сильныя цѣпкія руки и приподнявшись на нихъ, угрюмо и жадно всматривался въ темноту ночи. И слушалъ что-то.

Хоронили Мосягина въ понедѣльникъ, на Духовъ день, и начался опъ зловѣщій и странный, точно смутѣ

среди людей отвѣчала тяжелая и безформенная смута въ природѣ. Съ утра сильно парило и такая жара стояла, что трава на глазахъ почти свертывалась и блекла, какъ отъ сильнаго огня. И непрозрачное, плотное небо низко и грозно висѣло надъ землею, и точно вся замутившаяся синева его пронизана была тонкими, кроваво-красными жилками—такое оно было багровое, звонкое, съ металлическими отсвѣтами и переливами. Огромное солнце пылало жаромъ, и такъ странно было, что свѣтитъ оно ярко, а ни на чемъ нѣтъ опредѣленныхъ и спокойныхъ тѣней солнечнаго дня: точно между солнцемъ и землею висѣла какая-то невидимая, но плотная завѣса и перехватывала лучи.

И тишина стояла нѣмая и тяжелая; какъ будто задумался безысходно кто-то большой, опустилъ глаза и молчитъ. Срѣзанныя подъ корень молодыя березки, съ свернувшимися листьями, сѣрыми рядами тянулись по деревнѣ; печаль и непонятная тревога была въ этомъ безцѣльномъ шествіи молоденькихъ сѣрыхъ деревьевъ, молчаливо погибавшихъ отъ жажды и огня и не дававшихъ тѣни, какъ призраки. Давно превратился въ желтую пыль золотистый песокъ, усыпавшій дорожки, и вчерашняя праздничная шелуха подсолнуховъ удивляла глазъ: о чемъ-то мирномъ, простомъ и веселомъ говорила она, когда такъ сурово, такъ больно, такъ задумчиво и грозно было все въ остановившейся природѣ.

Когда о. Василій облачался, въ алтарь вошелъ Иванъ Порфирычъ. Сквозь потъ и красныя пятна, которыми жара покрыла его лицо, пугливо смотрѣла сѣрая землистая блѣдность; глаза запухли и горѣли лихорадочнымъ огнемъ; наскоро причесанные, слипшіеся отъ квасу волосы мѣстами высохли и торчали растерянными кисточками, какъ будто нѣсколько ночей не

спалъ этотъ человѣкъ, терзаемый нечеловѣческимъ ужасомъ. Какой-то взмочаленный и растерянный былъ онъ: забылъ тонкости обхожденія съ людьми, не подошелъ къ попу за благословеніемъ и даже не поздоровался.

— Что это съ вами, Иванъ Порфирычъ? Вы нездоровы? — участливо спросилъ о. Василій, выправляя волосы изъ-подъ тугого ворота ризы, самъ блѣдный несмотря на жару и сосредоточенный.

Староста попробовалъ улыбнуться.

— Такъ. Собственно не важно. Поговорить съ вами хотѣлъ, батюшка.

— Это вы вчера?..

— Я-съ. И третьяго дня—тоже я. Извините. Я безо всякаго намѣренія...

Онъ тяжело передохнулъ и, снова забывъ всѣ тонкости обхожденія, ужасаясь открыто, громко сказалъ:

— Боюсь. Отроду ничего не боялся. А теперь боюсь. Боюсь.

— Чего жъ боитесь?—удивленно спросилъ попъ.

Иванъ Порфирычъ заглянулъ за плечо попа, какъ будто тамъ прятался кто-то, молчаливый и страшный, и выдыхнулъ:

— Смерти.

Молча смотрѣли они другъ на друга.

— Смерти. Пришла она во дворъ. Шальная, безъ разсудку, всѣхъ переберетъ. Всѣхъ! У меня, извините, курица и та безъ причины подохнуть не смѣетъ: прикажу въ щи зарѣзать, тогда и околѣетъ. А это что же такое? Развѣ такъ можно? Извините. А я сразу и не догадался. Извините.

— Ты про Семена?

— А про кого же? Про Сидора и Евстигнѣя? Ты вотъ что, — грубо заговорилъ староста, шалѣя отъ страха и

злости:—ты эти дѣла оставь. Тутъ дураковъ нѣту. Уходи по добру по здорову. Уходи!

Онъ энергично мотнулъ головой по направленію къ двери и добавилъ:

— Живо!

— Да что ты? Съ ума спятилъ?

— Это еще не извѣстно, кто спятилъ: ты или я. Ты зачѣмъ каждое утро тутъ выкидываешь? „Молюсь, молюсь"—прогундосилъ онъ по церковному.—Такъ не молются. Ты жди, ты терпи, а то „я молюсь". Поганецъ ты, своеволецъ, по своему гнуть хочешь. Анъ вотъ тебя и загнуло: гдѣ Семенъ? Говори, гдѣ Семенъ? За что погубилъ мужика? Гдѣ Семенъ, говори!

Онъ рѣзко дернулся къ попу—и услышалъ короткій и строгій приказъ:

— Пойди вонъ изъ алтаря, нечестивецъ!

Пунцовый отъ гнѣва, Иванъ Порфирычъ сверху взглянулъ на попа — и застылъ съ раскрытымъ ртомъ. На него смотрѣли бездонно глубокіе глаза, черные и страшные, какъ вода болота, и чья-то могучая жизнь билась за ними, и чья-то грозная воля выходила оттуда, какъ заостренный мечъ. Одни глаза. Ни лица, ни тѣла не видѣлъ Иванъ Порфирычъ. Одни глаза, огромные, какъ стѣна, какъ алтарь, зіяющіе, таинственные, повелительные глядѣли на него—и точно обожженный, онъ безсознательно отмахнулся рукою и вышелъ, толкнувшись о притолку толстымъ плечомъ. И въ похолодѣвшую спину его, сквозь каменную стѣну все еще впивались черные и страшные глаза.

XII.

Входили молча, опасливо ступая ногами, и становились, гдѣ пришлось—не на своемъ обычномъ мѣстѣ, гдѣ хотѣлось и гдѣ привычно было стоять; какъ будто нехо-

рошо и неумѣстно было въ этотъ жуткій тревожный день придерживаться какихъ-то привычекъ, заботиться о какихъ-то удобствахъ. Становились и долго не рѣшались повернуть голову, чтобы осмотрѣться. Уже трудно было дышать отъ тѣсноты, а сзади напирали все новые молчаливые ряды; и всѣ молчали, и всѣ сумрачно и тревожно ждали, и тѣсная близость не давала успокоенія: локоть прикасался къ локтю, а казалось, что человѣкъ стоитъ одинъ въ безграничной пустотѣ. Привлеченные страшными слухами, пріѣхали люди изъ дальнихъ селъ, изъ чужихъ приходовъ; они были смѣлѣе и говорили громко, но скоро умолкали и они, сердясь, удивляясь, но безсильные, какъ и всѣ, разорвать невидимые узы свинцоваго молчанія. Всѣ высокія, стрѣльчатыя окна были открыты для воздуху, и въ нихъ смотрѣло мѣдно-красное угрожающее небо; оно точно переглядывалось угрюмо изъ окна въ окно, и на все бросало металлическіе сухіе отсвѣты. И въ этомъ разсѣянномъ, тяжеломъ, но яркомъ свѣтѣ старая позолота иконостаса блистала тускло и нерѣшительно, раздражая глазъ хаосомъ и неопредѣленностью бликовъ. За однимъ окномъ неподвижно и сухо зеленѣлъ молодой кленъ, и много глазъ неотступно глядѣло на его широкіе, слегка обвисшіе листья: друзьями казались они, старыми спокойными друзьями среди этого молчанія, среди этой сдерживаемой сумятицы чувствъ, среди этихъ желтыхъ дразнящихъ бликовъ.

И надъ всѣми обычными, спокойными запахами церкви, надъ благоуханіемъ ладана и воска — царилъ опредѣленный, отвратительный и страшный запахъ тлѣнія. Трупъ быстро разлагался, и къ черному гробу, обнимавшему эту расползающуюся массу гніющаго и воняющаго тѣла, больно и страшно было подойти. Только подойти, а тамъ неподвижно, какъ самый гробъ, стояли

четверо: вдова покойнаго и трое дѣтей. Быть можетъ, они слышали запахъ, но не вѣрили ему; быть можетъ, они его не слыхали, и думали и вѣрили, что хоронятъ живого — какъ думаютъ всѣ люди, когда одного изъ нихъ, такого близкаго, такого родного, такого неотдѣлимаго беретъ неожиданная и быстрая смерть. Но они молчали и молчало все; и мѣдно-красное, угрожающее небо переглядывалось изъ окна въ окно надъ головами толпы и сѣяло сухіе растерянные блики.

Когда началась обѣдня, торжественно и просто, какъ всегда и махнулъ на толпу кадиломъ толстый и благодушный діаконъ—вздохнулось свободнѣе, стало веселѣе и легче. Кое-кто перешепнулся; кое-кто рѣшительно и грузно переступилъ затекшими ногами; нѣкоторые, кто ближе къ дверямъ, вышли на паперть отдохнуть и покурить. Но куря и спокойно разговаривая о посѣвахъ, о грозящей засухѣ, о деньгахъ—они внезапно спохватывались и пугались, что безъ нихъ произойдетъ въ церкви что-то важное и неожиданное, бросали недокуренныя цыгарки, и ломились въ церковь, раздирая толпу плечами, какъ клиньями. И останавливались: торжественно и просто шло служеніе, мирно покряхтывалъ и откашливался передъ началомъ словъ старый діаконъ, отыскивалъ въ толпѣ разговаривающихъ и грозилъ имъ толстымъ коротким пальцемъ. Тѣ, кто вышли наружу передъ концомъ обѣдни замѣтили, что надъ лѣсомъ со стороны солнца поднималась дымная сипеватая туча, слабо темнѣвшая подъ солнечными лучами—и радостно перекрестились. Былъ среди нихъ и Иванъ Порфирычъ блѣдный и какъ бы больной; онъ тоже перекрестился, увидѣвъ тучу, и тотчасъ же угрюмо опустилъ глаза внизъ.

Въ короткій перерывъ между обѣдней и отпѣваніемъ, когда о. Василій переоблачался въ черную бар-

хатную ризу, діаконъ причмокнулъ губами и сказалъ:

— Эхъ! Хорошо бы ледку—а то очень ужъ смердитъ. Да гдѣ его возьмешь, льду-то. По моему на этотъ случай хорошо бы при церкви имѣть запасецъ—скажите-ка старостѣ.

— Смердитъ? — глухо спросилъ попъ, не оборачиваясь.

— А вы не слышите? Ну, и носъ же у васъ. А я такъ просто изнемогъ. Теперь, по лѣтнему времени, этого запаху за недѣлю не выкуришь. Вы послушайте: даже борода пахнетъ. Ей-Богу.

Онъ поднесъ къ носу кончикъ сѣдой бороды, понюхалъ и съ неодобреніемъ заключилъ:

— Экій народъ, право!

Началось отпѣваніе. И снова свинцовое молчаніе придавило толпу и каждаго приковало къ его мѣсту, отдѣлило отъ людей и отдало въ добычу мучительному ожиданію. Читалъ старый псаломщикъ. Онъ видѣлъ смерть того, кто теперь пугалъ всѣхъ изъ чернаго гроба; ясно помнилъ онъ и невинный кусочекъ ссохшейся земли, и дубовый кустъ, качнувшій рѣзными листьями—и старыя знакомыя, омертвѣвшія слова оживали въ его шамкающемъ рту, били мѣтко и больно. И о попѣ онъ думалъ съ тревогою и печалью—ибо въ эти наступающіе часы ужаса одинъ онъ изъ всѣхъ бывшихъ людей любилъ о. Василія стыдливою и нѣжною любовью и близокъ былъ его великой, мятежной душѣ.

...— Воистину суета всяческая, житіе же сѣнь и соніе: ибо всуе мятется всякъ земнородный, яко же рече писаніе, егда міръ пріобрящемъ, тогда во гробъ вселимся, идѣже вкупѣ царіе и нищіе. Тѣмъ же Христе Боже преставльшагося раба твоего упокоі, яко человѣколюбецъ...

Въ церкви темнѣло—буро-синей безпокоїной темно-

тою затмившагося дня и всѣ почувствовали ее, но долго не замѣчали глазомъ. И только тѣ, кто неотступно смотрѣлъ на дружескіе листья клена, видѣли, какъ позади ихъ вползло что-то чугунно-сѣрое, лохматое, взглянуло въ церковь мертвыми очами, и поползло выше, къ кресту.

— Гдѣ есть мірское пристрастіе; гдѣ есть привременныхъ мечтаніе; гдѣ есть злато и сребро, гдѣ есть рабовъ множество и молва — вся персть, вся пепелъ, вся сѣнь...—дрожали горькія слова въ старческихъ, дрожащихъ устахъ.

Теперь всѣ замѣтили растущую темноту и обернулись къ окнамъ. Позади клена небо было черно, и широкіе листья перестали зеленѣть: блѣдными сдѣлались они и уже не было въ нихъ испуганныхъ и оцѣпенѣвшихъ, ничего дружескаго и спокойнаго. На лица взглянули люди, лица успокоенія и всѣ лица были сѣро-пепельныя, всѣ лица были блѣдныя и чужія. И всю, казалось, темноту, молчаливымъ и широкимъ потокомъ вливавшуюся въ окна, впитали въ себя черный гробъ и черный священникъ: такъ черенъ былъ этотъ нѣмой гробъ, такъ черенъ былъ этотъ высокій, холодный и строгій человѣкъ. Увѣренно и спокойно двигался онъ и чернота одеждъ его казалась свѣтомъ среди ослѣпшей позолоты, пепельно-сѣрыхъ лицъ и высокихъ оконъ, сѣявшихъ тьму. Но минутами непонятное колебаніе и нерѣшительность овладѣвали имъ: онъ замедлялъ шаги, и вытянувъ шею, удивленно смотрѣлъ на толпу, точно неожиданнымъ чѣмъ-то была эта онѣмѣвшая толпа въ церкви, гдѣ привыкъ молиться онъ одинъ; потомъ забывалъ толпу, забывалъ, что онъ служитъ, и разсѣянно шелъ въ алтарь. Точно двоилось въ немъ что-то: точно ждалъ онъ слова, приказа, или могучаго, разрѣшающаго чувства,—а оно не приходило.

...— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О, чудесе! Что сіе, еже о насъ быть таинство; како предахомся тлѣнію; како сопрягохомся смерти; во истину Бога повелѣніемъ...

Среди сгустившейся тьмы свѣчи горѣли ярко, какъ въ сумеркахъ и уже бросали на лица красноватые отсвѣты и многіе замѣтили этотъ быстрый и необыкновенный переходъ отъ дня къ ночи—когда все еще былъ полдень. Почувствовалъ тьму и о. Василій, но не понялъ ее: ему странно почудилось, что это раннее зимнее утро, когда одинъ онъ оставался съ Богомъ и одно великое и мощное чувство окрыляло его, какъ птицу, какъ стрѣлу, безошибочно летящую къ цѣли. И дрогнулъ онъ, не видя, какъ слѣпой, но прозрѣвая. Замедлили свой бѣшеный бѣгъ тысячи разрозненныхъ, сцѣпившихся мыслей, тысячи незавершенныхъ чувствъ: замедлили,—остановились,—замерли—мгновеніе страшной пустоты, стремительнаго паденія, смерти,—и всколыхнулось въ груди что-то огромное, неожиданно радостное, неожиданно прелестное. Еще строго и вѣско отбивало первые удары на мигъ остановившееся сердце, а онъ уже зналъ. Это оно! Оно, могучее, все разрѣшающее чувство, повелѣвающее надъ жизнью и смертью, приказывающее горамъ: сойдите съ мѣста!—и сходятъ съ мѣста старыя, сердитыя горы. Радость, радость! Онъ смотритъ на гробъ, на церковь, на людей и понимаетъ, все понимаетъ тѣмъ чуднымъ проникновеніемъ въ глубину вещей, какая бываетъ только во снѣ и безслѣдно исчезаетъ съ первыми лучами свѣта. Такъ вотъ оно что! Вотъ великая разгадка! О, радость, радость, радость!

Онъ громко и хрипло хохочетъ—видитъ испуганное лицо діакона, предостерегающе поднявшаго палецъ, ви-

дитъ съежившіяся спины людей, которые услыхали его хохотъ и поспѣшно точатъ ходы въ толпѣ, какъ черви—и стискиваетъ ротъ, словно провинившійся школьникъ.

— Не буду!—шепчетъ онъ діакону, а безумный восторгъ брызжетъ огнемъ изо всѣхъ поръ его лица. И плачетъ онъ, закрывая лицо руками.

— Капелекъ бы! Капелекъ бы какихъ-нибудь, о. Василіи!—растерянно шепчетъ на ухо діаконъ и съ отчаяніемъ восклицаетъ:—Ахъ, Господи, вотъ не во-время-то! Послушайте, о Василіи?..

Попъ отымаетъ слегка отъ лица сложенныя руки и искоса, за ихъ прикрытіемъ, смотритъ на діакона—діаконъ вздрагиваетъ, на цыпочкахъ большими шагами отходитъ въ сторону, налѣзаетъ животомъ на рѣшетку и, ощупью найдя дверцу, выходитъ.

...— Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога, сей бо оскудѣ отъ сродства своего, и ко гробу тщится, не къ тому некійся о суетныхъ и о многострастной плоти. Гдѣ нынѣ сроднице же и друзи; се разлучамся...

Въ толпѣ движеніе. Нѣкоторые потаенно уходятъ, не обмѣниваясь ни словомъ съ остающимися, и уже свободнѣе становится въ потемнѣвшей церкви. Только около чернаго гроба безмолвно толкутся люди, крестятся, наклоняются къ чему-то страшному, отвратительному и съ страдальческими лицами отходятъ въ сторону. Прощается съ покойникомъ вдова. Она уже вѣритъ, что онъ мертвъ, и запахъ слышитъ,—но замкнуты для слезъ ея глаза и нѣтъ голоса въ ея гортани. И дѣти смотрятъ на нее—четыре пары молчаливыхъ глазъ.

И тутъ замѣтили, что діаконъ растеряпно пробирается сквозь толпу, а о. Василіи стоитъ на амвонѣ и смотритъ. И тѣ, кто увидѣли его въ это мгновеніе, навсегда

запечатлѣли въ памяти своей его необыкновенный образъ. Руками онъ съ такою силою держался за рѣшетку, что концы пальцевъ его побѣлѣли какъ у мертваго; вытянувъ шею впередъ, всѣмъ тѣломъ перегнувшись за рѣшетку, онъ весь однимъ огромнымъ взглядомъ устремлялся къ тому мѣсту, гдѣ стояла вдова и дѣти. И странно: онъ точно наслаждался ея безмѣрною мукою—такъ веселъ, такъ ликующъ, такъ дерзко-радостенъ былъ его стремительный взоръ.

...— Кое разлученіе, о братіе, кій плачъ, кое рыданіе въ настоящемъ часѣ; пріидите убо, цѣлуйте бывшаго вмалѣ съ нами, предается бо гробу, каменемъ покрывается, во тьму вселяется, съ мертвыми погребается и всѣхъ сродниковъ и друговъ нынѣ разлучается. Его же...

— Да остановись же, безумецъ!—прозвучалъ съ амвона стонущій голосъ.—Развѣ ты не видишь, что здѣсь пѣтъ мертвыхъ!

И тутъ совершилось то безумное и великое, чего съ такимъ ужасомъ, такъ загадочно ожидали всѣ. О. Василій отбросилъ звякнувшую дверцу, и черезъ толпу, разрѣзая пестроту ея одеждъ своимъ чернымъ торжественнымъ одѣяніемъ, направился къ черному, молчаливо ждущему гробу. Остановился, поднялъ повелительно правую руку и торопливо сказалъ разлагающемуся тѣлу:

— Тебѣ говорю, встань!

Было смятеніе, и шумъ, и вопли, и крики смертельнаго испуга. Въ паническомъ страхѣ люди бросились къ дверямъ и превратились въ стадо: они цѣплялись другъ за друга, угрожали оскаленными зубами, душили и рычали. И выливались въ дверь такъ медленно, какъ вода изъ опрокинутой бутылки. Остались только: псаломщикъ, уронившій книгу, вдова съ дѣтьми и Иванъ

Порфирычъ. Послѣдній минуту смотрѣлъ на попа—и сорвался съ мѣста, и врѣзался въ хвостъ толпы, исторгнувъ новые крики ужаса и гнѣва.

Со свѣтлой и благостной улыбкой соякалѣнія къ ихъ невѣрію и страху, весь блистая мощью безграничной вѣры, о. Василій возгласилъ, вторично, съ торжественной и царственной простотою:

— Тебѣ говорю, встань!

Но неподвиженъ былъ мертвецъ и вѣчную тайну безстрастно хранили его сомкнутыя уста. И тишина. Ни звука въ опустѣвшей церкви. Но вотъ звонко стучатъ по камню разбросанные, испуганные шаги: то уходитъ вдова и ея дѣти. За ними рысцей бѣжитъ старый псаломщикъ, на мигъ оборачивается у дверей, всплескиваетъ руками—и снова тишина. „Такъ лучше будетъ: не хорошо ему, такому, вставать при женѣ и дѣтяхъ“, быстро, вскользь думаетъ о. Василій, и говоритъ въ третій, послѣдній разъ, тихо и строго:

— Семенъ! Тебѣ говорю, встань!

Онъ медленно опускаетъ руку и ждетъ. За окномъ хрустнулъ кто-то пескомъ и звукъ былъ такъ близокъ, точно въ гробу раздался онъ. Онъ ждетъ. Шаги прозвучали ближе, миновали окно, и смолкли. И тишина, и долгій мучительный вздохъ. Кто вздохнулъ? Онъ наклоняется къ гробу, въ опухшемъ безобразномъ лицѣ онъ ищетъ движенія жизни; приказываетъ глазамъ: „да откройтесь же!“ наклоняется ближе, ближе, хватается руками за острые края гроба, почти прикасается къ посинѣлымъ устамъ и дышетъ въ нихъ дыханіемъ жизни—и смраднымъ, холодно свирѣпымъ дыханіемъ смерти отвѣчаетъ ему потревоженный трупъ.

Онъ молча отшатывается—и на мгновеніе видитъ и понимаетъ все. Слышитъ трупный запахъ; понимаетъ, что народъ бѣжалъ въ страхѣ и въ церкви только онъ

да мертвецъ; видитъ, что за окнами темно, но не догадывается почему и отворачивается. Мелькаетъ воспоминаніе о чемъ-то ужасно далекомъ, о какомъ-то весеннемъ смѣхѣ, прозвучавшемъ когда-то и смолкшемъ. Вспоминается вьюга. Колоколъ и вьюга. И неподвижная маска идіота. Ихъ двое, ихъ двое, ихъ двое...

И снова исчезаетъ все. Потухшіе глаза разгораются холоднымъ, прыгающимъ огнемъ, жилистое тѣло наполняется ощущеніемъ силы и желѣзной крѣпости. И, спрятавъ глаза подъ каменною аркою бровей, онъ говоритъ спокойно, спокойно,—тихо, тихо, какъ будто разбудить кого-то боится:

— Ты обмануть меня хочешь?

И молчитъ, потупивъ глаза, точно отвѣта ждетъ. И снова говоритъ тихо-тихо, съ той зловѣщей выразительностью бури, когда уже вся природа въ ея власти, а она медлитъ и царственно-нѣжно покачиваетъ въ воздухѣ пушинку.

— Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ?

— Такъ зачѣмъ же Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ, и жалость—чтобы посмѣяться надо мною?

— Такъ зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вздоха! Все однимъ Тобою, все для Тебя. Одинъ Ты! Ну, явись же—я жду.

И въ позѣ гордаго смиренія онъ ждетъ отвѣта—одинъ передъ чернымъ свирѣпо торжествующимъ гробомъ, одинъ передъ грознымъ лицомъ необъятной и величавой тишины. Одинъ. Неподвижными остріями вонзаются въ мглу огни свѣчей и гдѣ-то далеко напѣваетъ, удаляясь, вьюга: ихъ двое—ихъ двое... Тишина.

— Не хочешь?—спрашиваетъ онъ все также тихо и смиренно—и внезапно кричитъ бѣшенымъ крикомъ, выкатывая глаза, давая лицу ту страшную откровен-

ность выраженія, какая свойственна сумасшедшимъ и глубоко спящимъ. Кричитъ, заглушая крикомъ грозную тишину и послѣдній ужасъ умирающей человѣческой души.

— Ты долженъ! Отдай ему жизнь! Бери у другихъ, а ему отдай! Я прошу.

Обращается къ молчаливо-разлагающемуся тѣлу и приказываетъ съ гнѣвомъ, съ презрѣніемъ:

— Ты! Проси. Его! Проси.

И кричитъ святотатственно, безумно:

— Ему не нужно рая. Тутъ его дѣти. Они будутъ звать: отецъ. И онъ скажетъ: сними съ головы моей вѣнецъ небесный, ибо тамъ—тамъ соромъ и грязью покрываютъ головы моихъ дѣтей. Онъ скажетъ! Онъ скажетъ!

Со злобою трясетъ черный тяжелый гробъ и кричитъ:

— Да говори же ты, проклятое мясо!

Смотритъ изумленно, остро—и въ нѣмомъ ужасѣ откидывается назадъ, выкинувъ для защиты напряженныя руки. Въ гробу нѣтъ Семена. Въ гробу нѣтъ трупа. Тамъ лежитъ идіотъ. Схватившись хищными пальцами за края гроба, слегка приподнявъ уродливую голову, онъ искоса смотритъ на попа прищуренными глазами—и вокругъ вывернутыхъ ноздрей, вокругъ огромнаго сомкнутаго рта вьется молчаливый, зарождающійся смѣхъ. Молчитъ и смотритъ и медленно высовывается изъ гроба—несказанно ужасный въ непостижимомъ сліяніи вѣчной жизни и вѣчной смерти.

— Назадъ!—кричитъ о. Василій и голова его становится огромной отъ вздыбившихся волосъ.—Назадъ!

И снова неподвижный трупъ. И снова идіотъ. И такъ въ чудовищной игрѣ безумно двоится гніющая масса и дышетъ ужасомъ. И въ дикомъ гнѣвѣ онъ хрипитъ:

— Напугать! Такъ вотъ же...

Но словъ его не слышно. Внезапно, загораясь ослѣпительнымъ свѣтомъ, раздирается до самыхъ ушей неподвижная маска и хохотъ, подобный грому, наполняетъ всю тихую церковь. Грохочетъ, разгрызаетъ каменные своды, бросаетъ камни и страшнымъ гуломъ своимъ обнимаетъ одинокаго человѣка.

О. Василій открываетъ ослѣпленные глаза, поднимаетъ голову вверхъ и видитъ: падаетъ все. Медленно и тяжело клонятся и сближаются стѣны, сползаютъ своды, безшумно рушится высокій куполъ, колышется и гнется полъ—въ самыхъ основахъ своихъ разрушается и падаетъ міръ.

И тогда съ дикимъ ревомъ онъ бѣжитъ къ дверямъ. Но не находитъ ихъ и мечется, и бьется о стѣны, объ острые каменные углы—и реветъ. Съ внезапно открывшеюся дверью онъ падаетъ на полъ, радостно вскакиваетъ и—чьи-то дрожащія, цѣпкія руки обнимаютъ его и держатъ. Онъ барахтается и визжитъ, освободивъ руку съ желѣзною силою бьетъ по головѣ пытавшагося удержать его псаломщика и, отбросивъ ногою тѣло, выскакиваетъ наружу.

Небо охвачено огнемъ. Въ немъ клубятся и дико мечутся разорванныя тучи и всею гигантскою массою своею падаютъ на потрясенную землю — въ самыхъ основахъ своихъ рушится міръ. И оттуда, изъ огненнаго клубящагося хаоса, несется огромный громоподобный хохотъ, и трескъ и крики дикаго веселья. На западѣ еще свѣтлѣетъ голубая полоска и задыхаясь онъ бѣжитъ къ ней. Ноги его путаются въ длинной коляной ризѣ, онъ падаетъ, крутится по землѣ, окровавленный, страшный, и снова бѣжитъ. Улица безлюдна, какъ ночью— ни у домовъ, ни въ окнахъ ни одного человѣка, ни одного живого существа: ни звѣря, ни птицы.

— Всѣ умерли!—мелькаетъ послѣдняя мысль. Онъ выбѣгаетъ за околицу на широкую торную дорогу. Надъ головой его черная клубящаяся туча бросаетъ впередъ три длинные отростка, какъ три хищно загнутые когтя: сзади что-то глухо и грозно рокочетъ—въ самыхъ основахъ своихъ рушится міръ.

Далеко впереди на телѣгѣ возвращаются изъ Знаменскаго мужикъ и двѣ бабы. Они видятъ быстро бѣгущаго чернаго человѣка, на секунду останавливаются — но узнавъ попа, бьютъ лошадь и скачутъ. Телѣга подпрыгиваетъ на колеяхъ, двумя колесами поднимается на воздухъ, но трое молчаливыхъ согнувшихся людей, охваченныхъ ужасомъ, отчаянно настегиваютъ лошадь—и скачутъ, и скачутъ.

О. Василій упалъ въ трехъ верстахъ отъ села, посрединѣ широкой и торной дороги. Упалъ онъ ничкомъ, костлявымъ лицомъ въ придорожную сѣрую пыль, измолотую колесами, истолченную ногами людей и животныхъ. И въ своей позѣ сохранилъ онъ стремительность бѣга: блѣдныя мертвыя руки тянулись впередъ, нога подвернулась подъ тѣло, другая, въ старомъ стоптанномъ сапогѣ съ пробитой подошвой, длинная, прямая, жилистая, откинулась назадъ напряженно и прямо—какъ будто и мертвый продолжалъ онъ бѣжать.

ИВ. БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ДНЗА.

Вечернее зимнее солнце
И вѣтеръ межъ сосенъ играютъ,
Алѣютъ снѣга, а въ свѣтлицѣ
Янтарныя пятна мелькаютъ.

Узорныя тѣни отъ сосенъ,
Играя, сквозятъ позолотой
И по столу ходятъ, но тихо
Склонилась она за работой.

На бронзу волосъ, на ланиты,
На пяльцы и руки широко
Вечернее льется сіянье,
А думы далеко, далеко!

Тяжелое зимнее море
Грохочетъ за фьордомъ въ утесахъ,
И стелется по вѣтру пѣна
И стынетъ на снѣжныхъ откосахъ;

Качаются съ криками чайки
И падаютъ въ пѣну и таютъ,
Но звонкой весенней слюдою
Давно ужъ откосы блистаютъ!—

Пусть ночи пожарами свѣтятъ
И рдѣютъ закаты, какъ раны,
Пусть вѣтеръ бушуетъ,—онъ съ юга,
Онъ гонитъ на сѣверъ туманы!

Пусть милый далеко,—онъ вѣренъ...
И вотъ на вечернее солнце,
На снѣгъ, на зеленыя вѣтви
Она заглядѣлась въ окошце.

Забыты узоры цвѣтные,
Забыты точеные пяльцы,
И тихо косою играютъ
Прозрачные тонкіе пальцы,

И тихо алѣютъ ланиты,
Сіяя, какъ снѣгъ, бѣлизною,
И взоры такъ мягки и ярки,
Какъ синее небо весною.

II.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Тьма затопляетъ лунный блескъ,
За тучу входитъ мѣсяцъ полный,
Холоднымъ вѣтромъ дышатъ волны
И все ростетъ ихъ шумный плескъ.

Вотъ на мгновенье разступился
Зловѣщій мракъ, и, точно ртуть,
Но гребнямъ волнъ засеребрился
Дрожащій отблескъ—лунный путь.

Но какъ за нимъ сгустились тучи!
Какъ черный небосклонъ великъ!..
О, почь! Сокрой во тьмѣ свой ликъ,
Свой взоръ тревожный и могучій!

III.

СУМЕРКИ.

Какъ дымъ, сѣдая мгла мороза
Застыла въ сумракѣ ночномъ.
Какъ привидѣніе, береза
Стоитъ, сѣрѣя за окномъ.

Таинственно въ углахъ стемнѣло,
Чуть свѣтитъ печь, и, точно тѣнь,
Надъ всѣмъ простерлася несмѣло
Грусть, провожающая день.

Грусть, что разлита на закатѣ
Въ полупомеркнувшей золѣ
И въ тонкомъ тепломъ ароматѣ
Сгорѣвшихъ дровъ, и въ полумглѣ.

И въ тишинѣ,—такой угрюмой,
Какъ будто блѣдный призракъ дня
Съ какою-то глубокой думой
Глядитъ сквозь сумракъ на меня.

IV.

ДОМА.

Ночь тепла, свѣтла и золотиста,
Мѣсяцъ всталъ и замеръ надъ гумномъ,
Все уснуло... Теменъ тихій флигель...
Степь и небо видны за окномъ.

За окномъ по лопухамъ чернѣетъ
Тѣнь отъ крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свѣтъ ложится,
Какъ льняные бѣлые холсты.

Далеко на сѣверѣ Капелла
Блещетъ семицвѣтнымъ огонькомъ,
И оттуда, съ поля, тянетъ ровнымъ,
Ласковымъ полуночнымъ тепломъ.

Сладко этой лаской упиваться,
Сладокъ отдыхъ ночью... Ночь свѣтла,
Все вокругъ какъ прежде: хуторъ, поле...
Все какъ было... Только жизнь прошла!

V.

КОЛЬЦО.

Въ бѣломъ пескѣ золотое блеснуло кольцо...
Я задремалъ надъ Днѣпромъ у широкаго плеса,
Знойною ласкою вѣтеръ повѣялъ въ лицо,
Легкой прохладой и запахомъ свѣжаго теса,—
Ярко въ водѣ золотое блеснуло кольцо.

Какъ его вымыли волны на отмели бѣлой!—
Точно къ вѣнчанію... Искрился солнечный блескъ,
Видѣлъ я плахты, сорочки и смуглое тѣло,
Слышалъ я говоръ, веселые крики и плескъ...
Жадной толпою сошлись онѣ къ отмели бѣлой.

Жадно дыша, одѣвались онѣ на пескѣ,
Лоснились косы и карія очи смѣялись...
Съ звонкими пѣснями скрылись онѣ вдалекѣ,
Звонко о берегъ прозрачныя волны плескались...
Чье-то кольцо золотится въ горячемъ пескѣ.

О, красота, тишина и раздолье Днѣпра!
Помню, какъ вѣтеръ въ лугахъ серебрилъ верболозы,
Помню, какъ рѣяла дальнихъ миражей игра,
Помню о счастьи безумныя, сладкія грезы...
Знойные полдни на бѣлыхъ прибрежьяхъ Днѣпра!

VI.

ВЪ ЕВПАТОРІЙСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Синѣетъ снѣговой просторъ,
Померкла степь. Бѣлѣе снѣга
Мерцаетъ дѣвственная Вега
Надъ дальнимъ станомъ крымскихъ горъ.

Ужъ сумракъ палъ, какъ пепелъ сизыій,
Какъ дымъ угасшаго костра:
Лишь свѣтится багряной ризоій
Престолъ Аллы—Шатеръ-Гора.

VII.

НАДЪ ОКОЙ.

...Домой я шелъ по скату вдоль Оки,
По перелѣскамъ берегомъ нагорнымъ,
Любуясь сталью вьющейся рѣки
И горизонтомъ, низкимъ и просторнымъ.
Былъ теплый, тихій, сѣренькій денекъ,
Среди березъ желтѣлъ осинникъ рѣдкій,
И даль луговъ за ихъ прозрачной сѣткой
Синѣла чуть замѣтно—какъ намекъ.
Уже давно въ лѣсу замолкли птицы,
Свистѣли и шуршали лишь синицы.

Я уставалъ,—кругомъ все лѣсъ пестрѣлъ,
Но вотъ на перевалѣ за лощиной
Фруктовый садъ листвою закраснѣлъ
И глянулъ флигель сѣрою руиной.
Глѣбъ отворилъ мнѣ двери на балконъ,
Поговорилъ со мною въ позѣ чинной,
Принесъ мнѣ самоваръ—и по гостиной
Полился нѣжный и печальный стонъ.
Я сбросилъ патронташъ и, отдыхая,
Слѣдилъ, какъ замолкалъ онъ, потухая.

Въ тиши звенѣлъ онъ чистымъ серебромъ,
А я глядѣлъ на клены въ дверь балкона,

На вишенникъ, краснѣвшій подъ бугромъ...
Вдали синѣли тучки небосклона
И умиралъ спокойный сѣрый день,
Межъ тѣмъ какъ въ домѣ, тихомъ, какъ могила,
Неслышно Одиночество бродило
И рѣяла задумчивая тѣнь.
Пѣлъ самоваръ, а комната беззвучно
Мнѣ говорила: „Пусто, братъ, и скучно!“

Въ соломѣ возлѣ печки, на полу,
Лежала груда яблокъ; паутины
Подъ образомъ качался въ углу,
А у стѣны темнѣли клавесины.
Я тронулъ ихъ—и жалобно въ тиши
Раздался звукъ. Дрожащій, романтичный,
Онъ жалокъ былъ, но я душой привычной
Въ немъ уловилъ напѣвъ родной души:
На этотъ ладъ, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки пѣвали.

Чтобъ мракъ спугнуть, я двѣ свѣчи зажегъ
И весело огни ихъ заблестѣли,
И побѣжали тѣни въ потолокъ,
А стекла оконъ сразу посинѣли...
Но отчего мой домикъ при огнѣ
Сталъ и бѣднѣй, и меньше? О, я знаю—
Онъ слишкомъ старъ... Пора родному краю
Смѣнить хозяевъ въ нашей сторонѣ.
Намъ жутко здѣсь. Мы всѣ въ тоскѣ, въ тревогѣ...
Пора подбить послѣдніе итоги.

Печаленъ долгій вечеръ въ октябрѣ!
Любилъ я осень въ тишинѣ Россіи,
Любилъ лѣсокъ багряный на горѣ,

Просторъ полей и сумерки глухіе:
Любилъ холодно-сѣрую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
Въ дали луговъ, широкой и пустынной,
Мнѣ навѣвала русскую тоску...
Но дни идутъ,—наскучило ненастье,
И сердце жаждетъ блеска дня и счастья!

Томитъ меня нѣмая тишина,
Томитъ гнѣзда родного запустѣнье...
Я выросъ здѣсь... Но смотритъ изъ окна
Заглохшій садъ... Надъ домомъ рѣетъ тлѣнье,
И скупо въ немъ мерцаетъ огонекъ...
Ужъ свѣчи нагорѣли и темнѣютъ
И комнаты въ молчаньи цѣпенѣютъ,
А ночь долга и новый день далекъ.
Часы стучатъ, и старый домъ беззвучно
Мнѣ говоритъ: „Да, безъ хозяевъ скучно!

Мнѣ на покой давно, давно пора...
Поля, лѣса—все глохнетъ безъ заботы...
Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!
Я жду, чтобъ жизнь,—пусть даже въ грубой силѣ,—
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ,
Я старъ, я дряхлъ, и мертвый стукъ часовъ
Мнѣ самому внимать нѣтъ больше мочи
Въ молчаніи осенней долгой ночи!..“

ИВ. БУНИНЪ.

ЧЕРНОЗЕМЪ.

I.

ЗОЛОТОЕ ДНО.

Тишина—и запустѣніе. Уже не оскудѣніе, а *запустѣніе*...

Кончились южныя просторныя равнины, кончен долгій путь въ вагонахъ. Не спѣша бѣгутъ лошади среди зеленыхъ холмистыхъ полей, ласково вѣетъ навстрѣчу вѣтеръ и убаюкивающе звенятъ трели жаворонковъ, сливающіяся съ однообразнымъ топотомъ копытъ. Вотъ съ одного изъ косогоровъ еще разъ показалась далеко на горизонтѣ низкимъ синѣющимъ силуэтомъ станція... Но оберпувшись черезъ минуту, я уже не вижу ее. Она скрылась, чтобы больше не показываться, и теперь вокругъ тарантаса—только пары, хлѣба и лощинки съ дубовымъ кустарникомъ...

— Ну, что же новенькаго, Корней?—спрашиваю я кучера, молодого загорѣлаго мужика съ умными слегка прищуренными глазами.

— Новенькаго?—сдержанно отвѣчаетъ Корней, не оборачиваясь.—Новаго у насъ ничего нѣту.

— Значитъ, живете по старому?

— Это правильно. Плохо живемъ...

Не много новаго узнаю я и въ Княжомъ, имѣніи сестры, гдѣ я всегда дѣлаю остановку на пути къ Родникамъ. Когда я отдыхаю послѣ завтрака у раскрытыхъ оконъ зала, мнѣ кажется, что еще годъ тому назадъ

усадьба не была такъ ветха и безлюдна. Все, значитъ, идетъ по старому: неуклонное разрушеніе. Полы и потолки въ залѣ еще немного покосились и потемнѣли, вѣтви запущеннаго палисадника лѣзутъ уже въ самыя окна, тесовыя крыши службъ дали кое-гдѣ зловѣщія трещины... А по двору, держа въ поводу худого стригуна, запряженнаго въ водовозку, какъ во снѣ идетъ полуслѣпой и глухой Антипушка, и разсохшіяся колеса водовозки порою такъ пестово взвизгиваютъ, что больно слушать.

— Такъ плохи, говоришь, дѣла?—спрашиваю я сестру, которая куритъ и задумчиво смотритъ куда-то въ даль, на косогоры за лугомъ и рѣчкой.

— Совсѣмъ, совсѣмъ плохи!—поспѣшно, какъ будто даже съ удовольствіемъ подтверждаетъ сестра.—Будь капиталъ, еще, можетъ быть, можно было бы поправиться. Вѣдь земля-то—сущее золотое дно. Но банкъ, банкъ!

— Зато тишина-то какая!—говорю я.

— Ужъ этого—хоть отбавляй!—съ угрюмой ироніей соглашается племянникъ-студентъ. — Дѣйствительно тишина, и прескверная, чортъ ее дери, тишина! Въ родѣ пересыхающаго пруда. Издали—хоть картину пиши: такой мирный, привѣтливый! А подойди—затхлостью понесетъ, ибо воды-то въ немъ на вершокъ, а тины—на двѣ сажени, и караси всѣ подохли... Дно-то, дѣйствительно, золотое, только до него самъ чортъ не докопается!..

Отъ Княжого дорога вьется сперва по перелѣскамъ, потомъ пропадаетъ въ большомъ кологривовскомъ „Заказѣ“. Въ прежнее время она далеко обходила его,—теперь ѣздятъ прямо, по двору кологривовской усадьбы, раскинувшейся по сторонамъ лѣсного оврага своимъ одичавшимъ садомъ и кирпичными разрушающимися службами. Какъ только въ лѣсъ врывается громыханіе бубенчиковъ, изъ усадьбы ему отвѣчаетъ угрю-

мый лай овчарокъ, ведущихъ свой родъ отъ тѣхъ свирѣпыхъ псовъ, которые сторожили когда-то не менѣе свирѣпую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантасъ, сопровождаемый лаемъ, съ грохотомъ катится по мостикамъ черезъ овраги, я смотрю на груды кирпичей, оставшихся отъ сгорѣвшаго дома и потонувшихъ въ бурьянѣ, и думаю о томъ, что сдѣлалъ бы старикъ Кологривовъ, если бы онъ увидѣлъ нахаловъ, скачущихъ по двору его усадьбы! Въ дѣтствѣ я слышалъ про него поистинѣ ужасы. Говорили, что при крѣпостномъ правѣ онъ засѣкалъ мужиковъ до смерти, заковывалъ ихъ въ кандалы, травилъ борзыми... Одна изъ любовницъ пыталась опоить его какими-то колдовскими травами,—онъ заточилъ ее своимъ судомъ въ монастырь... Когда объявили волю, онъ „тронулся“, какъ говорили, „въ отдѣлку“, и съ тѣхъ поръ почти никогда не показывался изъ дому. Медленно разоряясь, онъ днемъ пьянствовалъ, а по ночамъ, дрожа отъ страха, что его убьютъ, сидѣлъ въ шапочкѣ съ мощей угодника и громко читалъ заговоры, псалмы и покаянныя молитвы собственнаго сочиненія... Осенью однажды его нашли въ молельной мертвымъ... и усадьба одичала.

— Не знаешь, не продали еще?—спрашиваю я Корнея.

- Продали,—отвѣчаетъ онъ.—Непродали-то, говорятъ, за трынку. Живетъ тутъ приказчикъ отъ наслѣдниковъ, а ему что жъ? Не свое доброе. Безъ хозяина, извѣстно, и товаръ—сирота. А земля тутъ—прямо золотое дно!

— Хороша?

— Дюже хороша! Аршинъ чернозему. А лѣсъ-то!

Въ самомъ дѣлѣ—славный лѣсъ! Горько и свѣжо пахнетъ березами, весело отдается подъ развѣсистыми вѣтвями громыханіе бубенчиковъ, птицы сладко звенятъ въ зеленыхъ чащахъ... На поляхъ, густо заросшихъ высокой травой и цвѣтами, живописно стоятъ сто-

лѣтнія березы по двѣ, по три на одномъ корнѣ. Предвечерній золотистый свѣтъ наполняетъ ихъ тѣнистыя вершины. Внизу, между бѣлыми стволами, онъ блеститъ яркими длинными лучами, а по опушкѣ бѣжитъ навстрѣчу тарантасу стальными просвѣтами. Просвѣты трепещутъ, сливаются, становятся все шире—и вотъ, наконецъ, снова зазеленѣло вдали... Опять вокругъ просторно и свѣтло, опять вѣетъ сладкимъ ароматомъ зацвѣтающей ржи, и пристяжныя на бѣгу хватаютъ пучки сочныхъ стеблей.

— Хорошо!—думаю я, начиная забывать о нищетѣ этого богатаго края, но вотъ Корней опять, не спѣша, оборачивается ко мнѣ и съ улыбкой, похожей на ту, которой улыбался студентъ, значительно говоритъ:

— А вонъ и Батурино...

И я уже понимаю его.

— Что,—спрашиваю я,—совсѣмъ плохо?

— Да ужъ молодые-то уѣхали. А старуха домъ продаетъ. Добилась до послѣдняго.

— А какъ бы заглянуть туда?

— Да скажите, что, молъ, домъ себѣ для Родниковъ присматриваю...

Въ Батуринѣ—это большая деревня, но ужъ извѣстно, что такое „барская“ деревня!—въ Батуринѣ тихо и жарко. Скучно лоснится на солнцѣ мелкій длинный прудъ желтой глинистой водой, баба возлѣ навозной плотины лѣниво бьетъ валькомъ по мокрому сѣрому холсту... Съ плотины дорога поднимается въ гору возлѣ батуринскаго сада. Садъ еще до сихъ поръ густъ и живописенъ, и, какъ на идиллическомъ пейзажѣ, стоитъ въ его изголовьи сѣрый большой домъ подъ бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Цѣлая поэма запустѣнія! Отъ варка остались только стѣны, отъ людской избы—раскрытый остовъ, безъ оконъ, и всюду,

къ самымъ порогамъ, подступили лопухи и глухая крапива. А на „черномъ“ крыльцѣ стоитъ и въ страхѣ глядитъ на меня слезящимися глазами какая-то старуха... Понявъ изъ моихъ неловкихъ объясненій, что я хочу посмотрѣть домъ, она спѣшитъ предупредить барыню.

— Я доложу-съ, доложу-съ,—бормочетъ она, скрываясь въ темныхъ сѣняхъ.

Больно, должно быть, Батуриной выходить послѣ такихъ докладовъ! И дѣйствительно,—когда черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь, я вижу растерянное старческое лицо, виноватую улыбку голубыхъ кроткихъ глазъ... Дѣлаемъ видъ, что мы очень рады другъ другу, что этотъ осмотръ дома—вещь самая обыденная, и Батурина любезнымъ жестомъ приглашаетъ войти, а другой дрожащей рукой старается застегнуть воротъ своей темной кофточки изъ дешевенькаго новаго ситцу.

Бормоча что-то притворно-веселое, я вхожу въ переднюю, и въ первую минуту мнѣ кажется, что я попалъ въ ночлежный уголъ. Темно, душно, стѣны, обклеенныя старыми газетами, закопчены дымомъ махорки, которую куритъ бывшій староста Батуринихъ, Дропъ, не покинувшій усадьбу и донынѣ... Направо — дверь въ его коморку, прямо—комната старухъ, скудно освѣщенная окномъ съ двойными рамами, съ радужными, выгорѣвшими отъ солнца стеклами...

— Мы вѣдь въ пристройкѣ-съ теперь живемъ,—виновато поясняетъ Батурина.—Вѣдь знаете, какіе года-то пошли, да и теплѣе тутъ зимою...

— Да, можетъ быть, я безпокою васъ?

Старуха трясетъ головой и смотритъ недоумѣвающе и вопросительно.

— Не безпокою ли я васъ?—говорю я громче.

Разслышавъ, Батурина поспѣшно улыбается.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ,—отвѣчаетъ она съ ласковой снисходительностью.—Пожалуйте-съ.

И отворяетъ дверь въ коридоръ...

Охъ, какъ мрачно въ этихъ пустыхъ комнатахъ! Первая, въ которую я заглядываю изъ коридора, была когда-то кабинетомъ, а теперь превращена въ кладовую: тамъ ларь съ солью, кадушка съ пшеномъ, какія-то бутыли, позеленѣвшіе подсвѣчники... Въ слѣдующей, бывшей спальнѣ, возвышается пустая и огромная, какъ саркофагъ, кровать... И старуха отстаетъ отъ меня и скрывается въ кладовой, яко-бы чѣмъ-то озабоченная. А я медленно прохожу въ большой гулкій залъ, гдѣ въ углахъ свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столовъ... Галка вдругъ срывается съ криво висящаго надъ ломбернымъ столикомъ зеркала и на лету ныряетъ въ разбитое окно... Вздрогнувъ отъ неожиданности, я отступаю къ стеклянной двери на разсохшійся балконъ, съ трудомъ отворяю ее и прикрываю глаза отъ низкаго яркаго солнца. Какой вечеръ! Какъ все красиво въ запущенномъ саду, какъ все цвѣтетъ и зеленѣетъ въ немъ среди развалинъ, обновляясь каждую весну, и какъ сладостно журчатъ въ густомъ вишенникѣ, перепутанномъ съ сиренью и шиповникомъ, кроткія горлинки, вѣрные друзья погибающихъ помѣщичьихъ гнѣздъ!..

Вечеръ въ полѣ встрѣчаетъ насъ еще большей красотою,—цѣлымъ архипелагомъ пышныхъ золотисто-лиловыхъ облаковъ на западѣ, необыкновенной нѣжностью и ясностью далеи, но меня уже гнететъ эта тишина и красота.

— Дядя, дай спичка!—кричитъ одинъ изъ мальчишекъ, стерегущихъ на парàхъ лошадей, и, вскочивъ съ межи, бѣгомъ догоняетъ тарантасъ.

Но и Корнеи задумчивъ. Онъ молча, но съ види-

мымъ удовольствіемъ вытягиваетъ мальчишку кнутомъ и сдержанно покрикиваетъ на лошадей.

— О чемъ онъ думаетъ?—задаю я себѣ вопросъ, глядя на его выгорѣвшій на солнцѣ картузъ. И точно угадавъ мой вопросъ, Корней слегка повертывается на облучкѣ и, слѣдя задумчивымъ взглядомъ за мелькающими подковами пристяжныхъ, начинаетъ говорить...

— Всѣмъ—не медъ,—задумчиво говоритъ онъ.—Не однимъ господамъ... Хрестьянскій банкъ, молъ, помогаетъ! Да нѣтъ, въ долгъ-то не проживешь! Купятъ мужики сто-двѣсти десятинъ,—конечно, компаніей, не собразясь съ силой и запутляются, и поровять слопать другъ друга. А пойдутъ свары—дѣло и совсѣмъ изгадится, и хоть на переметъ съ обрывкомъ лѣзь!

— Однако же,—говорю я, — крупныхъ-то господъ осталось три-четыре на уѣздъ, — значитъ, расходится земля по народу.

— По городскимъ купчишкамъ да лавошникамъ,—поправляетъ Корней.—Но нимъ, а не по народу... И опять же земля безъ пастоящаго хозяина остается: имъ вѣдь только бы купить, благо дешево, а жить-то они вѣдь тутъ не станутъ! Ну, вотъ ихъ-то, чертей, и зажать бы въ тѣсномъ мѣстѣ!..

Слѣдовало бы? — спрашиваю я.

Но Корней отводитъ глаза въ сторону.

— Попонть бы пора, — говоритъ онъ дѣловымъ томъ.

— На Воргѣ попонимъ.

— Ну, на Воргѣ, такъ на Воргѣ... Эй, други, не рано!..

Свѣжѣетъ, и блескъ вечера уже меркнетъ. Меланхолично засинѣли поля, далеко, далеко на горизонтѣ уходитъ за черту земли огромнымъ мутно-малиновымъ шаромъ солнце. И что-то сказочное, старо-русское есть

въ этой печальной картинѣ, въ этой синѣющей дали съ мутно-малиновымъ щитомъ. Вотъ онъ еще болѣе потускнѣлъ, вотъ отъ него остался уже только сегментъ, потомъ—вогнутая дрожащая огненная полоска... Быстро падаетъ синеватый сумракъ лѣтней ночи, точно кто незримо сѣетъ его,—свѣжѣетъ сильнѣе; въ лужкахъ уже холодно, какъ въ погребѣ, и рѣзко пахнетъ росистой зеленью,—только изрѣдка повѣваетъ откуда-то тепломъ... Въ сумракѣ мелькаютъ придорожныя лозинки, и на нихъ, нахохлившись, спятъ вороны... А на востокѣ уже показывается большая голова блѣднаго мѣсяца.

Какъ печальны кажутся въ это время темныя деревушки, мертвую тишину которыхъ будитъ звукъ рессоръ и бубенчиковъ! Какъ глуха и пустынна кажется старая „большая“ дорога, тоже запустѣвшая, давно забытая и нефѣзженная!.. Слава Богу, хоть мѣсяцъ всходитъ!.. Все веселѣе... А вотъ и поворотъ на проселокъ, на Ворголъ.

Ворголъ—нежилой хуторъ покойной тетки, степная деревушка на мѣстѣ снесенной дѣдовской усадьбы и большого села, три четверти котораго ушло въ Сибирь, на новыя мѣста. Отъ усадьбы уцѣлѣли только остатки сада, слившагося съ хлѣбами, да небольшой флигель. Дорога долго идетъ подъ изволокъ, и часовъ въ десять, когда уже становится свѣтло отъ мѣсяца, тарантасъ ишбко подкатываетъ по густой росистой травѣ къ этому одинокому флигелю на скатѣ котловины среди косогоровъ. Звонъ бубенчиковъ замираетъ и насъ охватываетъ гробовое молчаніе.

— Ужъ и глухо же тутъ!—говоритъ Корней, слѣзая съ козелъ, и голосъ его странно звучитъ возлѣ пустыхъ стѣнъ.—Посидите тутъ на крылечкѣ, а я лошадей поію и овсеца имъ кину.

И медленно отводитъ громыхающихъ бубенчиками

лошадей подъ гору, къ колодцу. А я поднимаюсь на деревянное крыльцо флигеля и сажусь на одну изъ ступенекъ.

Но жутко здѣсь, въ этой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ замкнутой холмами, спускающимися къ пересохшему руслу Воргла, и блѣдно освѣщенной невѣрнымъ мѣсячнымъ свѣтомъ! Пустой широкій дворъ хутора непосредственно переходитъ въ мужицкій выгонъ, а за выгономъ чернѣетъ семь приземистыхъ избушекъ, такъ глубоко затаившихъ въ себя ночную жизнь, что деревушка кажется совершенно необитаемой. И, удрученный тишиной запустѣнія, которая цѣлый день окружала меня въ этомъ печальномъ пути на родину, я уже не могу спокойно сидѣть на мѣстѣ.

— Корней,— говорю я, какъ только Корней показывается съ лошадьми изъ-подъ горы,— надо ѣхать! Поѣдемъ шажкомъ, а ужъ покормимъ дома.

Корней останавливаетъ лошадей противъ крыльца.

— Ай соскучились?— спрашиваетъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Соскучился. Ну, его къ чорту... Ѣдемъ.

— Это еще милость,— говоритъ Корней насмѣшливо.— Вы бы осенью или зимой заѣхали!

— И какъ вы только живете тутъ!

Корней завертываетъ цыгарку, глядя въ землю, и долго молчитъ. Потомъ сдержанно отвѣчаетъ:

— Живемъ пока...

— То-есть какъ „пока“? А потомъ-то что жъ?

— Потомъ — что Богъ дастъ. Все что-нибудь будетъ...

— Что же?

— Да что-нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ сидѣть,— чертямъ оборки вить! Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...

- А какъ?

При свѣтѣ мѣсяца ясно видно лицо Корнея, но, поднявъ голову, онъ сдвигаетъ брови и отводитъ глаза куда-то въ сторону.

— Какъ иначе-то?—повторяю я вопросъ.

— Тамъ видно будетъ,—отвѣчаетъ Корней уже совсѣмъ хмуро.—Поѣдемте, баринъ,—не рано!

И молча влѣзаетъ на козлы.

II.

СНЫ.

Въ полѣ было холодно, туманно и вѣтренно, смеркалось рано. Еще не было и пяти часовъ, но на станціи уже царила такая тишина, точно она вымерла. Еле свѣтили подкрученные фитили лампъ въ вокзалѣ, и по всей залѣ третьяго класса, гдѣ на буфетной стойкѣ спалъ подъ тулупомъ сторожъ, рѣзко воняло керосиномъ. Я прошелъ въ слѣдующую комнату, но и тамъ было не лучше: медленно постукиваютъ въ полусумракѣ часы, сонно смотрятъ со стѣнъ „правила для грузоотправителей“, на столѣ желтѣетъ прошлогодняя вода въ графинѣ... Не снимая полушубка, я легъ на вытертый плюшевый диванъ и тотчасъ же уснулъ, утомленный тяжелой дорогой подъ дождемъ и снѣгомъ. Спалъ я, какъ мнѣ казалось, долго, но, открывъ глаза, съ тоской увидалъ, что на часахъ всего половина восьмого. „И прошелъ тотъ день къ вечеру темныхъ осеннихъ ночей“—вспомнилась мнѣ печальная строка изъ какой-то старой русской книги. Попрежнему было холодно и тихо, какъ въ мертвецкой, попрежнему чернѣла за окнами тьма... И казалось, что не будетъ конца этому вечеру.

Когда часы нерѣшительно, точно раздумывая, пробили девять, гдѣ-то завизжала и гулко хлопнула дверь, и вслѣдъ затѣмъ на платформѣ жалобно заныль звонокъ. Выйдя въ залъ третьяго класса, я увидалъ мѣщанина въ картузѣ и чуйкѣ, который, поставивъ локти на колѣни и положивъ въ ладони голову, неподвижно сидѣлъ на скамьѣ.

— Это поѣздъ вышелъ? — спросилъ я.

Мѣщанинъ встрепенулся и взглянулъ на меня испуганными глазами. Потомъ что-то пробормоталъ и, нахмурившись, быстро пошелъ къ дверямъ на платформу.

— У него жена въ родахъ помираетъ, — пояснилъ сторожъ, завертывая у буфетной стойки цыгарку изъ газетной бумаги. — У всякаго, значитъ, свое горе, — прибавилъ онъ задумчиво и, вдругъ сладко зѣвнувъ, оживленно, съ непонятной, злой радостью заговорилъ:

— Вотъ тебѣ и женился на богатой! Второй день мучается, царскія врата отворили — все не помогаетъ. Теперь въ городъ за докторомъ скачетъ, а къ чему, спрашивается?

— Думаешь, не поспѣетъ? — сказалъ я.

— Никакъ! — отвѣтилъ сторожъ. — Воротится онъ завтра вблизу вечера, а она къ тому времени помретъ. Безпремѣнно помретъ, — прибавилъ онъ убѣжденно. — Три раза, говоритъ, на оракулъ кидалъ, — кто, молъ, раньше помретъ, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... какъ это? „Нечего тебѣ простирать въ даль своихъ намѣреній“, а потомъ и того хуже: „молись Богу, не пей вина и пива и готовься въ монастырь“... А вчерась, говоритъ, во снѣ видѣлъ: будто обрили его догола и всѣ зубы вынули...

Онъ, вѣроятно, говорилъ бы еще долго, но тутъ тяжело зашумѣлъ подходящій товарный поѣздъ. Снова

завизжала и заныла дверь, показался кондукторъ въ тяжелой мокрой шинели съ оторваннымъ на синѣ хлыстикомъ, за нимъ смазчикъ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукахъ... Я ушелъ на платформу.

Тамъ въ темнотѣ вѣтренной сырой ночи я долго-долго бродилъ мимо дверей вокзала. Медленно текли минуты за минутами, — наконецъ, сотрясая зазвенѣвшія рельсы, передъ платформой загорѣлся своими огромными неморгающими глазами пассажирскій паровозъ. Захвативъ вещи, я направился въ полутемный, теплый и вонючій вагонъ, переполненный спящимъ народомъ, и, уже на ходу поѣзда, нашелъ свободную скамейку въ углу около двери въ другое отдѣленіе. Въ зыбкомъ сумракѣ вокругъ меня безпорядочно темнѣли фигуры лежащихъ на лавкахъ и на поднятыхъ спинкахъ лавокъ, глухо гудѣлъ ропотъ колесъ, сливающійся съ храпомъ и соннымъ дыханіемъ, и, закрывая глаза, я уже начиналъ терять представленіе, въ какую сторону убѣгаетъ поѣздъ. Но прошелъ истопникъ съ кочергою, похожій на негра, и не затворилъ возлѣ меня двери. Послышался говоръ, потянуло махоркой... Мѣщанинъ, ѣхавшій въ городъ за докторомъ, лежалъ съ закрытыми глазами и съ угрюмо-сосредоточеннымъ выраженіемъ лица на четвертой отъ двери скамьѣ, а возлѣ двери, въ дымномъ сумракѣ подъ фонаремъ, тѣсной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидѣвшаго напротивъ.

— Да-а, братцы мои,— слышался сквозь гулъ бѣгущаго вагона чей-то голосъ,—да-а. И попадись въ это самое разнесчастное село старичокъ-священникъ изъ Епифани. Перевели его, значитъ, изъ города въ самый что ни на есть бѣдный приходъ, а за что перевели—пилъ дюже... Значитъ, и перевели въ родѣ какъ бы за наказаніе.. А старичокъ-то пить-то пилъ, да оказался такой, что лучше и не надо. „Сколько, молъ, о. Петръ за

кстины аль за похороны берете?“ — „Не я, свѣтъ, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть“... И вотъ такъ-то всегда... Перевели его, значитъ, весной, пробылъ онъ честь-честью лѣто, а осенью и захворай. Года что ли такіе али простудился онъ, — лѣто-то, сами знаете, какое было, — только, видимое дѣло, — слабѣть сталъ. И вотъ, братцы мои, почуявши такую исторію, вышелъ онъ на Покровъ послѣ обѣдни къ народу — и простился со всѣми. „Должно, говоритъ, скоро я преставлюсь къ Господу Богу, міряне, — простите, ежели согрѣшилъ что“... И, сказавши такимъ манеромъ, поклонился, значитъ, народу и ушелъ въ алтарь. А пришедчи домой, сѣлъ было обѣдать, ѣсть не наѣлъ, а только ложкой помутилъ, всталъ и говоритъ сторожу, что при ёмъ замѣсто служки былъ: „Что-й-то, говоритъ, мнѣ холодно, свѣтъ, и такъ-то скушно, — просто мочи нѣту. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждетъ она меня къ себѣ... Убирай, молъ, со стола, — не идетъ мнѣ ѣда на умъ“. — „Напрасно вы такія рѣчи говорите, батюшка, — это сторожъ-то ему, — напрасно, молъ, такъ скучились. Какіе ваши года? Какая такая кончина?“ — „Нѣтъ, говоритъ, — помру! Только дюже, говоритъ, вездѣ горя много, и ужли никакой тому перемѣны не буде, ужли не дожить мнѣ до неи?..“ А на дворѣ, не хуже теперешняго, дождь, незгода — и ужъ вечеръ заходитъ. Поглядѣлъ этакъ старичокъ въ окошечко, — „все, говоритъ, погнетъ въ полѣ“, — махнулъ ручкой и ушелъ къ себѣ въ горницу. А въ горницѣ оправилъ лампадку да и прилегъ на часокъ. То ли онъ спалъ, то ли такъ въ забытьи лежалъ, — только ужъ и ночь на дворѣ, а онъ все лежитъ да лежитъ...

— Вонъ она, дѣло-то какая!—сказалъ кто-то изъ мужиковъ съ глубокимъ вздохомъ.—На Покровъ, говоришь, вышло-то все это?

— Да вѣдь сказали—на Покровъ!—сумрачно перебилъ сиплымъ голосомъ большой рыжій мужикъ съ злыми глазами и въ рваномъ полушубкѣ, сидѣвшій на краю скамьи противъ разсказчика.

— На Покровъ, на Покровъ,—подтвердилъ и разсказчикъ.—Вечеромъ, значитъ. Ушелъ, говорю, къ себѣ въ горницу и легъ. Да-а... Ушелъ и лежитъ, а на дворѣ темь, вѣтеръ, и такъ будто угрѣлся старичокъ на лежаночкѣ насупротивъ лампадки, что никакъ не можетъ подняться, помолиться да и лечь какъ слѣдуетъ. Лежу, говоритъ, гляжу на лампадку, чувствую—въ сонъ клонитъ — и вдругъ отворяется тихенько-тихенько этакъ дверь—и входитъ ко мнѣ дочь-покойница. „Что такое, думаю, что за притча такая, Господи?“ А она подходитъ прямо ко мнѣ и кладетъ мнѣ руку на руку.—Сама вся въ черномъ, а лицо бѣлое-бѣлое да красивое! И этакъ вполголоса: „встань, говоритъ, батюшка, пойди поскорѣе въ церковь“. Я—разъ съ постели, а ей ужъ нѣту! Что тутъ дѣлать? Посидѣлъ я, посидѣлъ, и что все больше спжу, все чудней и страшней мнѣ становится. Вскочилъ, наконецъ того, на ноги, накинулъ шубенку, самъ зубъ на зубъ не попадаю,—выбрался въ сѣнцы, нашелъ ключи на стѣнѣ... Темь, жуть, сѣнцы такъ и гудутъ отъ бури,—нѣтъ, думаю, надо итить!—спѣшу на гору, дохожу къ церкви,—глядь—а тамъ огонекъ теплится, ровно бы покойникъ на ночь поставленъ... Оторопѣлъ я опять, однако перекрестился—и на паперть. Насилу ключемъ въ замокъ попалъ, отворяю, наконецъ того, двери—нѣтъ тебѣ никакого покойника, а только горитъ лампадка надъ царскими вратами, и такая жуть вездѣ, что и сказать нельзя! Кто жъ это, думаю, лампадку зажегъ, что такое будя? Стою, ни живъ, ни мертвъ,—вдругъ—разъ!—Отдернулась занавѣсь на царскихъ вратахъ и растворяются этакъ широко и тихо

двери—и выходитъ изъ темени, изъ самаго алтаря, значитъ, агромадный красный кочетъ! Вышелъ, остановился, затрепыхалъ крыльями и какъ закричитъ на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пропѣлъ до трехъ разъ—и пропалъ. И только, значитъ, пропалъ—выходитъ изъ алтаря другой,—бѣлый, какъ кипень и запѣлъ еще громче прежняго! И опять до трехъ разъ... У меня, разсказывалъ священникъ-то на утро, руки-ноги отнялись въ ту пору, а я все стою и жду, что будетъ дальше, а дальше, немного этакъ годя, выходитъ и третій: черный, какъ головешка, изъ себя сумрачный—только гребешокъ свѣтится—и запѣлъ онъ, братцы мои, таково жутко и строго, что опустился я на колѣнки наземь и говорю этакъ внятно и раздѣльно на всю церкву: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!..“ И только, это, сказалъ я—нѣтъ тебѣ никакихъ кочетовъ, а стоитъ передо мною, замѣсто ихъ, сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Не пужайся, служитель Божій, а объяви всему народу, что, молъ, означаетъ твое видѣніе. А означаетъ оно бо-ольшія дѣла!..“

— Вотъ за это-то вашего брата и чертями-то называютъ,—громко сказалъ въ это время мѣщанинъ, открывая глаза и угрожающе нахмуриваясь.—Ночь, скука, а онъ ишь какія суевѣрія сидитъ-разводитъ! Ты къ чему все это гнешь-то, а?

— Да вѣдь я ничего плохого,—несмѣло пробормоталъ разсказчикъ.

— Позволь,—ты откуда взялъ-то все это?

Какъ откуда? Самъ священникъ, говорятъ, разсказывалъ...

— Священникъ энтотъ померъ,—перебилъ мѣщанинъ.

— Это вѣрно, вѣрно... померъ... въ скорости и померъ...

— Ну, значитъ, и брешутъ на него, что въ голову влѣзетъ. Вѣдь это сновидѣніе,—дубина!

— Да я-то про что жъ? Извѣстно, сновидѣніе. Ночь-то—годъ...

— Ну, и молчи,—опять перебилъ мѣщанинъ, укладывая голову на чуйку.—Да и курить-то пора бросить: вѣдь ужъ день скоро, а вы ишь—надымили—овинъ чистый!

— Въ первый классъ иди, коли не ндравится,—сипло и зло перебилъ, въ свою очередь, рыжій мужикъ.

— Побреши еще!

— Брешутъ собаки да твои свояки.

Мѣщанинъ быстро поднялъ голову съ чуйки и какъ будто даже съ радостнымъ изумленіемъ раскрылъ глаза.

— Ну, смо-отри!—сказалъ онъ, покачивая головою.—Смотри, какъ бы я не потолковалъ съ тобой посурьезнѣй!

— Ужли побьешь?—съ радостной злобой спросилъ и рыжій мужикъ, оборачиваясь къ мѣщанину и глядя на него веселыми глазами.

— А ты что жъ, сукинъ сынъ, думаешь, на васъ теперь и управы нѣту?

— Не суйся, носъ сшибешь!

— Будя, будя, ребята!—закричали мужики, заволновавшись.— Вѣдь полночь на дворѣ, что домового-то тѣшить.

Бранившіеся смолкли, и въ вагонѣ на время наступила тишина. Потомъ мѣщанинъ вздохнулъ и снова положилъ голову на чуйку.

— Ну, и стерва, прости Ты меня, Господи!—задумчиво и серьезно сказалъ онъ такимъ тономъ, точно онъ былъ въ вагонѣ одинъ.

И опять наступила тишина, нарушаемая только глухимъ говоромъ колесъ, храпомъ и соннымъ дыханіемъ спящихъ.

— А за что ругаться-то?—спросилъ немного погодя разсказчикъ, видя, что бранившіеся угрюмо успокоились.—Кто первый зачалъ-то? Вѣдь ты. Мы балакали промежъ себя...

— Чо-ортъ!—отвѣтилъ мѣщанинъ поспѣшно и въ голосѣ его дрогнула страдальческая нота.—Вѣдь ночь, скука, а у меня, можетъ, жена и дите помираютъ. Ноймн!

— Горя-то и у другихъ не менѣ твоего,—отвѣтилъ рыжій мужикъ.

— Не менѣ!—передразнилъ мѣщанинъ.—Я, можетъ, тысячи не пожалѣлъ бы теперь на доктора, а онъ за сто верстъ, а дорога—ни проходу, ни проѣзду, а ночь, хоть глазъ выколи! Вчерась измаялся, ткнулся въ чемъ былъ на постель и вижу — будто обрили меня догола и всѣ зубы вынули! Поймн—сладко?

— Ага!—сказалъ рыжій мужикъ.—Спокаялся! Повѣрилъ въ сонъ-то! А то—сновидѣніе!..

— До Туровки кто имѣетъ билеты?—прокричалъ въ это время кондукторъ, проходя по вагону.—Билеты до Туровки кто имѣетъ?

И, освѣтивъ фонаремъ чьи-то ноги, крѣпко хлопнулъ возлѣ меня дверью. Поднявшись съ мѣста, я тотчасъ же снова отворилъ ее и сталъ на порогѣ, но разговоръ между мѣщаниномъ и мужиками уже прекратился. Мѣщанинъ лежалъ лицомъ къ спинкѣ дивана, угрюмо согнувшись, а рыжій мужикъ, какъ бы забывъ о его существованіи, сидѣлъ со спокойно-сдвинутыми бровями и говорилъ тому, который разсказывалъ:

— Ну, ну, доказывай дальше.

Нѣсколько полушубковъ стѣснилось вокругъ разсказчика, нѣсколько глазъ серьезныхъ блестѣло въ дымномъ сумракѣ глухо гудящаго и бѣгущаго вагона. Оглянувъ ихъ, разсказчикъ вздохнулъ и уже хотѣлъ

было начать говорить, но въ это время рыжій поднялъ на меня свои сумрачно-злые глаза и сипло сказалъ:

— А тебѣ, господинъ, что надо?

— Послушать хотѣлъ,—отвѣтилъ я.

— Не господское это дѣло мужицкія побаски слушать.

Я возвратился на свое мѣсто и, посмотрѣвъ на часы, сѣлъ. Было уже поздно,—далеко за полночь. Долгая дорога въ полѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ; долгій вечеръ на станціи, полутемный, вонючій вагонъ, безконечная осенняя ночь, эти мрачные вѣщіе сны, порожденные ею—все уже угнетало душу, но эти сны такъ шли къ этой ночи, что жадно хотѣлось слушать. Но слушать было уже трудно.

— Да-а, братцы мои,—снова заговорилъ разсказчикъ прежнимъ тономъ, какъ только я отошелъ,—и стоитъ, значитъ, передъ нимъ сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говоритъ ему тихимъ голосомъ: „Не пужайся, молъ, служитель Божій, а слушай меня и объяви народу, что, молъ, означаетъ твоя видѣніе. А означаетъ она ба-альшія дѣла...“

Но начавъ громко, разсказчикъ мало-по-малу сталъ понижать голосъ и послѣднія слова проговорилъ уже полушопотомъ. Тщетно я вслушивался—все тонуло въ ропотѣ колесъ и въ сонномъ храпѣ спящихъ. Заслышавъ сквозь этотъ ропотъ далекій заунывный свистокъ паровоза, возвѣщавшій о станціи, съ лавки возлѣ меня поспѣшно вскочилъ юнкеръ въ очкахъ, оглянулся вокругъ себя испуганными глазами и, быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучекъ, тотчасъ же снова заснулъ. Какая-то пожилая женщина въ темномъ ситцевомъ платьи, спавшая напротивъ съ ребенкомъ у раскрытой груди, поднялась, болѣзненно морщась, съ мѣста и поплелась въ сѣни. Все остальное

храпѣло въ зыбкомъ сумракѣ, и мертвыя фигуры лежащихъ, мѣшки, сундуки и полушубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною, какъ во снѣ. Мужикъ, разсказывавшій про пѣтуховъ, сидѣлъ теперь, подавшись впередъ къ рыжему и что-то негромко, но горячо говорилъ, но когда я настораживался, чтобы разслышать, что онъ говоритъ, изъ дымнаго сумрака противъ меня блестѣли только загадочно-серьезные и злые глаза.

В. ВЕРЕСАЕВЪ.

ПЕРЕДЪ ЗАВѢСОЮ.

Началось это подъ-вечеръ, послѣ обѣда. На террасѣ дачи играли квартетъ Гайдна „Семь послѣднихъ словъ Христа“. Мы сидѣли на скамейкѣ подъ соснами: пахло смолою, окрестный боръ тихо шумѣлъ, и казалось, что надъ головами медленно волнуется огромное сухое море. А за поляною, на крутомъ берегу Оки, сѣрѣлъ въ дымкѣ городокъ, надъ скученными, маленькими домиками высоко поднимались бѣлыя церкви.

Въ звукахъ, несшихся съ террасы, росла и развертывалась огромная драма. Чуялось близкое вѣяніе смертныхъ мукъ, великая душа боролась съ ихъ унижающею силою, побѣждала ее и вновь изнемогала; на фонѣ сухихъ, колющихъ звуковъ ниччикато звучало скорбное: „жажду!“—и послѣдній смертный вопль тонулъ въ грохотѣ землетрясенія, въ содроганіи ужаснувшейся природы передъ гибелью творящей жизнь силы, которую жизнь же уничтожала.

— Еще! Еще разъ!

Они начали снова. И снова развертывалась жуткая драма, и она казалась теперь еще глубже и значительнѣе. Кругомъ становилось все тише, сухое море въ вершинахъ сосенъ волновалось все медленнѣе. Стало странно-тихо; какъ будто воздухъ съ растущимъ вниманіемъ вслушивался въ то, что разсказывали звуки.

„Истинно говорю тебѣ: нынѣ же будешь со мною въ раю!“—начали скрипки... И вдругъ какіе-то чуждые, широкіе звуки стройно и торжественно влились со сто-

роны въ мелодію. Это было неожиданно и удивительно. Что это, откуда? Воздухъ ли вдругъ таинственно ожилъ и откликнулся и, пораженный тѣмъ, что услышалъ, заговорилъ, самъ не замѣчая, въ одно со скрипками? „Бо-омъ! Бо-омъ!“—продолжалъ звучать воздухъ, и только теперь становилось понятнымъ: въ городкѣ зазвонили къ вечернѣ, и это звучалъ колоколъ,—звучалъ мѣрно, увѣренно, какъ разъ въ тактъ и въ тонъ музыкѣ. И это было не менѣе удивительно.

На террасѣ засмѣялись, музыка оборвалась.

— Замѣтили, господа?—въ восторгѣ хохоталъ гимназистъ Сережа, игравшій вторую скрипку.—Прямо, прямо въ тактъ! Бо-омъ, бомъ, ра-бомъ, та-ра... Бомъ!..

— И въ тонъ тебѣ, какъ разъ въ ми-бемоль!—засмѣялся докторъ.—Маша, слышала?

Кругомъ смѣялись, а колоколъ вдали продолжалъ сосредоточенно звенѣть; онъ какъ будто гнушался этимъ смѣхомъ и,—серьезный, строгій,—одинъ продолжалъ то дѣло, которое началъ вмѣстѣ со скрипками. И другіе колокола подхватили его голосъ и понесли вдаль, черезъ рѣку и боры.

И вотъ, что-то странное произошло со мною: передъ глазами какъ будто распахнулась какая-то невидимая завѣса. Все кругомъ вдругъ одухотворилось, природа и люди слились въ единую жизнь, и огромная тайна почуялась въ этой общей, проникающей все жизни. Звуки колоколовъ, дрожа, плыли въ даль,—и тихое, просторное небо наклонялось къ нимъ и ласково принимало въ себя, и даль тянулась имъ навстрѣчу, и въ чащѣ бора что-то прислушивалось и пряталось въ зеленую тьму. Люди смѣялись и пошло острили, но на ихъ лицахъ тоже лежалъ отсвѣтъ этой одухотворившейся общей жизни.

Играть кончили. Мы сидѣли на террасѣ за самова-

ромъ, разговаривали, смѣялись. И я болталъ и смѣялся, а въ душѣ было прежнее необычное ощущеніе, что все кругомъ живо, и что передо мною начинаетъ раскрываться большая, радостная тайна этой всеединой жизни.

Пора было идти. Я простился, переѣхалъ на паромѣ Оку и вышелъ на большую дорогу. Широкая и прямая, заросшая муравкою, она тянулась межъ старыхъ ивъ и, казалось, вела куда-то безконечно далеко. Былъ конецъ августа, жнивья стояли голыя; густая сѣроватая дымка затягивала даль. Съ запада дулъ сильный, сухой, удивительно-теплый вѣтеръ; онъ рвался къ тѣлу и мягко охватывалъ его, хотѣлось сбросить одежды, всѣмъ тѣломъ отдаться этимъ мягкимъ, теплымъ ласкамъ. И теперь вокругъ еще яснѣе чувствовалась эта близкая, всеобщая и необычная своею одухотворенностью жизнь. Ивы грустно бросали вѣтру свои желтые листья, полынь на межахъ билась и дрожала, охваченная смутнымъ предчувствіемъ, глупыя сухія былинки на краю дороги весело и шаловливо изгибались. А вѣтеръ въ безумной тоскѣ припадалъ къ нимъ и цѣловалъ, цѣловалъ безъ конца. Чувствовалось прощаніе надолго. Это лѣто прощалось со всѣмъ, что оно родило и вырастило, съ чѣмъ сжилось, и на что надвигалась убивающая зима.

Въ разсказѣ это было бы, можетъ быть, недуринымъ „поэтическимъ образомъ“. Но я не могъ теперь принять этого, какъ образъ. Мною такъ несомнѣнно ясно ощущалось живое, дѣйствительное чувство въ безумныхъ ласкахъ вѣтра, такъ ясно ощущалась живая жизнь въ окружавшей природѣ,—совсѣмъ, какъ тогда, когда вечеръ всею своею глубокою тишиною вдругъ откликнулся на то великое, о чемъ важно и сосредоточенно зазвонилъ колоколъ. И опять за всѣмъ, что жило вокругъ, смутно чувствовалась какая-то другая жизнь,—

непостижимо-огромная, таинственная и единая; изъ нея исходило все, и все ею объединялось, и передъ нею смущенно отступало сознаніе, потому что она была совершенно чужда всѣмъ его мѣркамъ.

Все жило вокругъ. Но что было мучительно,—этой ключомъ забившей отовсюду жизни я не могъ серьезно принять ни умомъ, ни чувствомъ. А между тѣмъ что-то въ глубинѣ души страстно тянулось къ ней и принимало ее жадно, всю цѣликомъ. И стремленіе это росло изъ глубины, вздымалось, какъ дымъ изъ расщелины скалы: оно пьянило и властно охватывало душу... Да почему я долженъ принимать то, что мнѣ предписываетъ умъ? Пусть онъ бунтуетъ, пусть разъѣдаетъ все: его трезвая правда—это лживая правда бѣлаго дня: есть высшая правда, которою жива вѣчно-обманывающая и вѣчно-чарующая ночь. Умъ холодно говоритъ: „нѣтъ живой цѣлости и общности всего, все раздѣльно и самостоятельно; только мертвая, слѣпая энергія переливается въ безконечныхъ пространствахъ и творитъ разнообразныя формы жизни. Живое же единство міра—лишь въ твоей головѣ, оно—лишь отвлеченіе и комбинированіе полученныхъ ощущеній“... И завѣса запахивается, міръ обезцвѣчивается и распадается на милліоны отдѣльнаго; тускнѣютъ люди и природа.

Но почему же такъ неудержимо рвется къ этому единству душа? Почему хочется широко раскрыть руки передъ міровымъ просторомъ и сказать: да, ты живъ, живъ не собраніемъ жизней, а единою, могучею жизнью, способною на великую мысль, на великую радость и скорбь; и въ этой общей жизни братья мои—и тотъ мужикъ, который пашетъ тамъ за погостомъ, и его лошадь, и дубъ надъ оврагомъ, и облачко на небѣ; и въ этой общей жизни—оправданіе жизни и ея цѣль. Надаютъ, сами собою рѣшаясь, самыя ея непонятныя и

тяжкія загадки. Какъ можно принять настоящее во имя далекаго будущаго? Чѣмъ можетъ быть искуплено калѣченіе или гибель хоть одной жизни? Какъ не отчаяться, видя, что твоя „свободная душа"—только тѣнь, бросаемая на землю неподвластною тебѣ жизнью? Все становится радостно-понятнымъ, потому что нѣтъ ничего отдѣльнаго, нѣтъ прошедшаго и будущаго, все заключается въ каждомъ и каждое во всемъ... Да, здѣсь, и только здѣсь правда, потому что она даетъ душѣ жизнь.

Огненно-красное солнце уходило въ буро-сѣрую муть горизонта, и эта муть клочьями въѣдалась снизу въ ясный дискъ. Съ сѣвера медленно росла желто-сѣрая туча,—странная, сверху рѣзко отчерченная отъ неба, а сама вся ровная, безъ тѣней, безъ контуровъ внутри, какъ усыпанная желтоватымъ пепломъ пустыня. Солнце скрылось, въ сухомъ, темнѣвшемъ воздухѣ носился вѣтеръ и покрывалъ своими теплыми поцѣлуями травку, жнивья, деревья и меня. Я стоялъ и смотрѣлъ, охваченный раскрывшимся передо мною таинствомъ, чувствомъ великой общности со всѣмъ, всѣмъ, что было кругомъ. И какъ могъ я раньше быть такъ слѣпъ, чтобъ не видѣть этой проникающей все жизни? А въ дѣтствѣ я ее чувствовалъ; я ночью подходилъ къ окну и смотрѣлъ въ садъ: въ смутномъ сумракѣ таинственно дремали кусты сирени, на блѣдномъ фонѣ неба шевелились странно-живыя вѣтки, и все жило своею особенною, загадочною жизнью. Отбившійся, забредшій въ сторону, я теперь возвращался къ ней, къ этой недоступной уму, но покорявшей душу свѣтлой тайнѣ жизни.

Туча на сѣверѣ росла, захватывая западъ и востокъ; вверху ея, какъ жало змѣи, быстро и зловѣще трепыхнулась молнія. Становилось все темнѣе, и вѣтеръ за

тихалъ, и туча росла, мигая тусклыми молніями и глухо ворча. Я медленно пошелъ дальше. Было тихо и тепло, придорожныя ивы чуть шевелили листьями, и вѣтеръ украдкою осыпалъ въ темнотѣ землю послѣдними поцѣлуями, подъ замутившимися звѣздами и почернѣвшею, тупою, злобно-ворчащею тучею. Пушистыя былки дѣтски-весело трепетали подъ этими поцѣлуями, не чуя ихъ прощальной тоски, и теплыя капли медленно падали съ неба. Великое свершилось въ душѣ: міръ коснулся ея своею безконечною душою и поглотилъ ее, какъ свѣтъ солнца поглощаетъ дневной свѣтъ звѣзды. И не было уже между нами границы, и всѣ мы, съ нашими разными мыслями и чувствами, были одно.

Назавтра утромъ я вышелъ на крыльцо постоялаго двора. Изъ сѣраго неба лилъ холодный дождь, у канавы болѣзненно-ярко зеленѣли мокрые лопухи; два мужика въ намокшихъ зипунахъ угрюмо шли къ конопляникамъ. Поля и небо вдали сливались въ сырую муть, далеко на дорогѣ бились подъ вѣтромъ придорожныя ивы. Я смотрѣлъ и, какъ проспавшійся пьяный, съ чуждымъ, отказывающимся чувствомъ вспоминалъ вчерашняго себя. Что это вчера было?..

Дождь тупо и однообразно шумѣлъ по травѣ, по листьямъ и по моему клеенчатому плащу. Я шелъ по разсклизшей, глинистой дорогѣ, скользя сапогами на промоинахъ. Вдали дороги, въ просвѣтахъ полуоголенныхъ ивъ, надъ полями,—вездѣ шевелилась та же сырая муть. Гдѣ она здѣсь, вчерашняя таинственная, общая жизнь? Вѣтеръ съ мертвымъ шумомъ проносился по жнивьямъ, иззябшія ивы клонились подъ нимъ,—чуждыя ему, ушедшія въ себя; мокрыя, порыжѣлыя былинки на краю дороги были такія явно-мертвыя.

Ничему ни до чего нѣтъ дѣла, и мнѣ нѣтъ дѣла до этого мертваго, сырого простора, охватывающаго милліоны маленькихъ, одинокихъ, ушедшихъ въ себя жизней. „Высшая правда“ обмана... Неужели я хоть на минуту могъ, стать такимъ рабомъ, чтобъ подчиниться этой унижающей правдѣ? Изъ безсознательной глубины души рвутся запросы,—значитъ, имъ непремѣнно должно существовать и удовлетвореніе? И вотъ на мѣсто высшей правды становится обманъ, а боящаяся своей самостоятельности человѣческая душа рабски молчитъ...

И глаза съ враждебнымъ вызовомъ устремлялись въ мутную пустоту дали: да, я сумѣю принять ее такою, какая она есть, со всѣмъ холоднымъ ужасомъ ея пустоты и со всею завлекательностью этого ужаса; не сумѣю,—умру; но не склонюсь передъ тою правдою, которая только потому правда, что жить съ нею легко и радостно.

Н. ГАРИНЪ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДРАМА.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИРИНА — лѣтъ 35, хорошо сохранившаяся, ласковая.
СТЕПАНЪ — ея мужъ, хилый.
НАСТЯ — красивая, молодая, кровь съ молокомъ.
НИКОЛАЙ — ея мужъ, хворый.
ЛЮБУША — сестра Насти, подростокъ.
БАБУШКА АВДОТЬЯ — родная бабушка Насти и Любуши.
БАБУШКА ДРАЧЕНА — ветхая старушка.
МАТРЕНА — вдова, умная, съ маленькимъ темнымъ лицомъ.
СТАРОСТА — умный мужикъ, голосъ звонкій.
АНДРЕЙ — несуразный, на одну ногу припадаетъ.
ГРИГОРІЙ — елейный, съ тонкимъ голоскомъ.
НИКИТКА — подростокъ.
НИКИФОРЪ — молодой, съ большими то мечтательными, то сверкающими глазами.
ТОРГОВЕЦЪ — съ претензіей купца, потирающій руки, охотникъ поговорить.
ЖЕНА ЕГО, СЫНЪ ЕГО } забитые.
ЮРОДИВЫЙ — высокій; маленькое, безволосое, дѣтское, въ морщинкахъ, лицо; большіе глаза; въ длинной рубахѣ; босой.
ПОРТНОЙ — въ оборванномъ пиджакѣ, пьянчужка.
АНТОНЪ — старикъ,—молчаливый, загадочный.
НЕФЕДЪ — ласковый, молодой, увалень.
ФЕДОРЪ — благообразный старикъ, съ чистыми глазами, вьющимися мягкими, свѣтлыми, какъ ленъ, волосами.
УЧИТЕЛЬ — растерянная фигура.
АЛЕНА — солдатка.
ГРУНЯ — подруга Любуши.

ДАРЬЯ.
АКИМЪ — съ разодранной губой.
МИШАНЬКА — молодой парень.
УРЯДНИКЪ — съ интеллигентнымъ лицомъ, молодой.
СЕМЕНЪ.
ПРИКАЗЧИКЪ — въ поддевкѣ, сапоги бутылкой.
ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ — непріятная фигура, съ апломбомъ.
ПИСАРЬ.
МИССІОНЕРЪ — мрачная, съ громадными волосами, пьяная фигура.

КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ, ПОДРОСТКИ И ДѢТИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Деревенская площадь. Налѣво берегъ пруда съ нѣсколькими ветлами. Передъ сценой широкая улица съ избами по обѣимъ сторонамъ. Съ правой стороны изба бабушки Авдотьи, слѣдующая Григорья, съ лѣвой стороны къ пруду большое деревянное желѣзомъ крытое зданіе съ надписью посреди зданія «Волостное Правленіе», ближе къ сценѣ на лѣвой же сторонѣ сторожка съ надписью «Церковно-приходская школа». За волостнымъ правленіемъ изба Ирины, дальше Андрея. Садится солнце. День праздничный. На сценѣ много народу: подростки, дѣвушки, парни; свѣжихъ, здоровыхъ лицъ мало; на завалинкахъ, у избъ, сидятъ постарше. Съ правой стороны площади, подъ лабазомъ устраиваютъ лавчонку жена торговца и сынъ ея подростокъ. Бабушка Авдотья сидитъ на завалинкѣ у своей избы; положивъ голову на колѣни бабушки, полулежитъ Любуша.

ВАВУШКА АВДОТЬЯ. (Перебираетъ волосы Любуши) Вишь... Щиплется?

ЛЮВУША. Я ему: „ты что, Никитка, щиплешься?“ А онъ смѣется: „это я, батъ, люблю тебя“.

БАБУШКА АВДОТЬЯ. А ты бъ его по загривку... по загривку...

ЛЮВУША. „Идемъ, батъ, въ лѣсъ по малину“. Я ему: „кака така малина теперь?“ А онъ: „найду тебѣ спѣ-ѣ-лую...“

БАВУШКА АВДОТЬЯ. Озорникъ онъ и есть... Вотъ какъ станетъ въ другорядь звать, и отрѣжь ему: „съ неумытымъ въ лѣсъ иди, а не я съ тобой, соплякомъ, дура, ходить стану“. Да по загривку его, по загривку:

„дескать, не для тебя, соплика, честь свою берегу, а для, богоданнаго мнѣ мужа".

ПОРТНОЙ. (Проходя) Бабушкѣ... (Кланяется, быстро раздвигая и сдвигая ноги)

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Сухо, степенно) Здраствуй и ты, не знаю, кто такой будешь...

ПОРТНОЙ. Хо! Портной изъ города! Ножницы пропилъ—теперь ногами рѣжу. Вотъ какъ! Вотъ какъ! (Быстро раздвигаетъ и сдвигаетъ ноги) Хо!

НИКИТКА. (Проходя, смущенно останавливается, портному) Такъ, такъ... съ ножницами всякій дуракъ справится, а ты вотъ такъ безъ ножницъ.

ПОРТНОЙ. (Передъ Никиткой продѣлываетъ то же) Хо!

НИКИТКА. (Ободрясь, покровительственно) Такъ, такъ...

АЛЕНА. (Одѣта по-мѣщански, съ лицомъ тупымъ и самодовольнымъ проходя) Бабушкѣ Авдотьѣ.

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Сухо, не глядя) Здраствуй и ты.

(Алена проходитъ, Никитка съ смущенной улыбкой смотритъ на нее; Алена усмѣхается и пренебрежительно отворачивается).

ПОРТНОЙ. (Подмигивая Никиткѣ на уходящую Алену) Штучка...

(Никитка, самодовольно улыбаясь, дѣлаетъ папироску)

ПОРТНОЙ. Хо! Дай-ка, милъ другъ, и мнѣ.

НИКИТКА. Дайка уѣхала, прислала купитку. (Уходитъ)

ПОРТНОЙ. (За нимъ) Ну, дай же, дай... (Забѣгаетъ впередъ и стрижетъ передъ нимъ ногами) Хо!

НИКИТКА. Сказано: не дамъ... (Уходятъ)

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Провожая ихъ глазами) Такъ и пропадетъ отъ водки... Только и можно спасти его, ежели кто яблоко покойнику въ гробъ положитъ, да сорокъ разъ имя ньяницы помянетъ, а потомъ то яблоко и дастъ ньяницѣ съѣсть, чтобы не зналъ онъ, значитъ, какое это яблоко.

ЛЮБУШКА. Никитка съ Аленкой-то какъ перемигнулся: къ ней теперь, навѣрно, и поперъ... Онъ сказываетъ, у нихъ, баушка, тамъ на огородѣ гульба идетъ всю ночь...

БАБУШКА АВДОТЬЯ. А ты брось и думать о немъ...

ЛЮБУШКА. Не было мнѣ сухоты думать о немъ!

(Настя въ новомъ платкѣ, молча цѣлуется съ бабушкой, сестрой, садится)

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Послѣ молчанія, нехотя) Ну, разсказывай...

НАСТЯ. (Холодно) Нечего разсказывать.

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Вздыхаетъ) И такъ... На цѣпь сажаютъ, въ два кнута бьютъ, а разсказывать родной бабушкѣ нечего выходитъ... Ребенокъ гдѣ?

НАСТЯ. Гдѣ? Напоила макомъ и спитъ.

ЛЮБУШКА. (Протягивая черезъ бабушку руку и щупая Настинъ платокъ) Отъ Нефеда?

НАСТЯ. Такъ неужели отъ мужа?

БАБУШКА. (Сдержанно) И при мужѣ носишь?

НАСТЯ. Вынесла подъ мышкой, а на улицѣ надѣла.

ЛЮБУШКА. А я бъ на зло при немъ и надѣла бъ!

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Строго) И мужа-то еще не признала, а о полюбовникѣ уже думаетъ.

ЛЮБУШКА. (Брезгливо) А ну васъ... Ни объ чемъ я не думаю.

ГРУНЯ. (Подходитъ къ Любушѣ) Айда въ хороводъ?

ЛЮБУШКА. Айда!

(Уходятъ съ Любушей въ толпу)

БАБУШКА АВДОТЬЯ. И понимать-то ужъ что-то я плохо стала. Восьмой десятокъ караулю вотъ это мѣсто, чего не перевидала, а такого срама еще и не было въ родиѣ...

НАСТЯ. А кто срамъ устроилъ? Кто говорилъ: иди или...

БАБУШКА АВДОТЬЯ. Такъ какъ же иначе? Съ какихъ достатковъ кормить тебя было?

НАСТЯ. Ну, вотъ и накормила: ладно, Нефедъ помогаетъ, а то хоть по міру...

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Вздыхая) А насъ-то, какъ выдавали? Спрашивали?

НАСТЯ. (Не слушая) День-то весь больной на печи, а ночью съ печи ко мнѣ: я мужъ... А духъ тяжелый... въ гробъ живой легче...

БАБУШКА АВДОТЬЯ. А такъ легче, срамъ такой принимать на себя?

НАСТЯ. Въ чемъ срамъ? Былъ бы Нефедъ мужемъ, не хуже людей жила бы.

БАБУШКА АВДОТЬЯ. Такъ вѣдь не мужъ же...

НАСТЯ. Такъ неужли тотъ окаянный мужъ? Не считаю я его мужемъ.

БАБУШКА АВДОТЬЯ. Ты не считаешь, а люди...

НАСТЯ. Пусть люди и живутъ съ нимъ.

БАБУШКА АВДОТЬЯ. А Богъ?

(На площади показывается Нефедъ. Онъ идетъ безпечнымъ увальнемъ. Настя, увидавъ его, вся загорается, оживленно вскакиваетъ, идетъ къ нему навстрѣчу, съ Нефедомъ скрывается въ толпѣ. Бабушка Авдотья машетъ рукой и убито задумывается)

ГРУНЯ. (Звонкимъ голосомъ) Дѣвки, айдате на рѣчку пѣсни пѣть? (Въ это время показывается ручная телѣжка съ сидящей въ ней бабушкой Драченой)

ВЕСЕЛЫЕ ГОЛОСА. Драчена, Драчена!

МИШАНЬКА. (Вытаскиваетъ телѣжку на авансцену, кладетъ оглобли и весело обращается къ бабушкѣ Драченѣ) Терпишь?

БАБУШКА ДРАЧЕНА. Терплю, батюшка, терплю.

МИШАНЬКА. Ну и терпи. Уговоръ помнишь?

БАБУШКА ДРАЧЕНА. Какой уговоръ?

МИШАНЬКА. Какой уговоръ? Полтину за то, что при-

везъ да отвезъ, а что на Чудотворной соберешь завтра—пополамъ.

БАБУШКА ДРАЧЕНА. Такъ, такъ, батюшка.

(Толпа подростковъ окружаетъ Драчену)

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ. Го-го! И устарѣла же...

БАБУШКА ДРАЧЕНА. Охъ, устарѣла: силъ нѣтъ. Лежу да плачу, а вставать надо: не встанешь, не соберешь, не соберешь—чѣмъ кормиться?

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. А что, бабушка, годковъ сто будетъ?

БАБУШКА ДРАЧЕНА. И не упомню, батюшка, не упомню...

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. Охота еще пожить?

БАБУШКА ДРАЧЕНА. (Силясь встать) Охъ! Охота, батюшка, охота...

НИКИТКА. (Товарищу) Она все думаетъ, что пріѣхала къ покойной барынѣ.

ТОВАРИЩЪ. Ну?

НИКИТКА. А вотъ дай срокъ: бабушка, ты къ кому пріѣхала?

БАБУШКА ДРАЧЕНА. (Весело) Къ кому пріѣхала? Къ Марьѣ Ивановнѣ пріѣхала... (Толпа смѣется)

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. Марья Ивановна—такъ, а вотъ Борисъ Павловичъ лютъ.

БАБУШКА ДРАЧЕНА. (Испуганно) Охъ, лютъ, батюшка, лютъ: чуть что—пороть!

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. А ты потише, а то какъ разъ—услышитъ.

БАБУШКА ДРАЧЕНА. (Хватается за голову и быстро прячется въ телѣжку) Охъ, пропала моя головушка. (Смѣхъ)

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. Тридцать лѣтъ, какъ померли и Марья Ивановна твоя и Борисъ Павловичъ.

БАБУШКА ДРАЧЕНА. (Лукаво) Его и не жаль, батюшка, — несъ съ нимъ!

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. А вѣдь и тамъ, слыхала: намъ же работать назначено на него?

БАБУШКА ДРАЧЕНА. Ну?

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. Дрова подъ тотъ котелъ, гдѣ варится онъ, таскать намъ же назначено.

МИШАНЬКА. Ну, ладно: куда же теперь съ тобой дѣваться?

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Кричитъ) Ну, ужъ вези ее ко мнѣ.

БАБУШКА ДРАЧЕНА. (Проѣзжая мимо Авдотьи радостно, ласковымъ, дѣтскимъ голосомъ) Охъ, Авдотьюшка, милая ты моя, ласковая, помнишь ли, какъ молоды мы были, въ лѣсъ по малину ходили?

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Машетъ рукой) На, вотъ что вспомнила...

(Въ воротахъ скрывается телѣжка съ обѣими бабушками)

ГРУНЯ. Айдате же, парни, дѣвки!

(Толпа уходитъ. Хороводъ поетъ за сценой, въ то время, какъ на сценѣ дѣйствіе не прерывается.

Слова первой пѣсни за сценой:

Плетень заплетайся,
Золота труба завивайся.
Изъ-за горъ горы дѣвица,
Изъ-за синя моря,
Изъ-за чиста поля,
Гусей выгоняла,
Сѣрыхъ выгоняла.
Тига, гуси, домой,
Тига, сѣрые, домой.
Гуси не идутъ домой,
Сѣры не идутъ домой.
Я сама гуськомъ,
Сама бѣленькимъ,
Сама сѣренькимъ.
Ужъ я улкомъ шла,

Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла.
Клубокъ катится,
Нитка тянется.
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ.
Нитка болѣ, болѣ, болѣ.
Я за ниточку взялась,—
Въ рукахъ нитка порвалась.

Солнце садится, лучи его золотятъ прудъ)

ЛЮБУШКА. (За сценой) Давайте: „растворю я двери клѣтки".

(Слова второй пѣсни за сценой медленно, задушевно:

Растворю я двери клѣтки,
Пущу пташку на моря
Потаенныхъ два словечка
Снеси другу моему.
Сядь на яблонь, на кудряву,
Пропой пѣсню, пропой нову,
Участь горькую мою.
Не у насъ ли во деревнѣ,
Во веселой слободѣ
Жилъ мальчишка разудалый,
Лѣтъ семнадцать, холостой.
Онъ задумалъ, сынъ, жениться,
Позволенья сталъ просить:
Позволь, батюшка, жениться,
Взять которую люблю.
Отецъ сыну не повѣрилъ,
Что на свѣтѣ есть любовь,
Всѣ на свѣтѣ дѣвки равны,
Можно каждую любить.
Отвернулся сынъ, заплакалъ,
Отцу слова не сказалъ.
Шелъ онъ садикомъ зеленымъ,
Шелъ дорожкой столбовой,
Сѣлъ подъ яблоню румяну
И подъ вѣтку зелену,
Вынулъ пашку, вынулъ востру

И зарѣзалъ самъ себя.
Его буйная головка
Покатилась по травѣ,
Его очи, его ясны
Прямо къ солнышку глядятъ,
Его письма дорогія
Прямо къ Любушкѣ летятъ.
И Любушка принимала
И читала во слезахъ.
Гдѣ читала, тамъ упала,
Тамъ и кончилась Любовь).

(Нефедъ и Настя. Жена купца и сынъ его).

НЕФЕДЪ. Рада?

НАСТЯ. (Порывисто) Охъ, какъ рада! Такъ ужъ рада: все сразу забыла. Тебя одного, желаннаго, вижу... Охъ, Нефедушка! Хоть годикъ бы пожить съ тобой... Есть же счастье на свѣтѣ, а чѣмъ, чѣмъ хуже мы людей?

НЕФЕДЪ. Будетъ, Настя, и намъ счастье. Что время-то терять? айда за мельницу.

НАСТЯ. (Радостно, испуганно) А народъ?!

НЕФЕДЪ. Въ кои годы свидѣлись и все ты: народъ, мужъ, бабка...

НАСТЯ. (Быстро, оглядываясь) Ну, иди... Я черезъ Ринину дворъ... (Уходитъ въ Ринину избу, Нефедъ проходитъ улицей)

ТОРГОВЕЦЪ. (Выходитъ изъ избы Григорья, женѣ и сыну) Да поворачивайтесь, Христа ради, скорѣе... Къ вечеру какъ разъ Чудотворную принесутъ, а у васъ ничего не готово.

ГРИГОРІЙ. (Безъ шапки, придерживая волосы, идетъ подобострастно за торговцемъ) Видно и вамъ же все труды вкругъ Нерукотворной.

ТОРГОВЕЦЪ. (Озабоченно) Богъ труды любитъ... Алена, да убери же, Христа ради, коробъ... Эка народъ безтолковый, прости Господи... Ступайте чай пить. (Принимается самъ за разборку коробовъ, жена и сынъ уходятъ)

ГРИГОРІЙ. (Заискивающе) Такъ и поспѣваете вездѣ за образомъ?

ТОРГОВЕЦЪ. (Отдуваясь) Такъ все лѣто и ѣздимъ.

ГРИГОРІЙ. Къ намъ-то впервой еще... Чать и насмотрѣлись же на чудеса, что Матушка Пресвятая Царица Небесная во славу свою творитъ?

ТОРГОВЕЦЪ. Бываетъ.

ГРИГОРІЙ. (Испуганно) Бываетъ?!

ТОРГОВЕЦЪ. Такъ какъ же иначе? Чудакъ человѣкъ,—на то и Чудотворная.

ГРИГОРІЙ. (Умиленно) Такъ, батюшка, такъ.

ФЕДОРЪ. (Сътолпой женщинъ, богомольцевъ, проходя кланяется—любовно ласково) Простите, Христа ради.

ГРИГОРІЙ. (Кланяется, придерживая рукой волосы) Дѣдушкѣ Федору Ивановичу... Тоже поспѣваете встрѣчь Нерукотворной?

ФЕДОРЪ. (Смиренно) Надо потрудиться...

ГРИГОРІЙ. (Торговцу) Много же трудовъ пріемлетъ и Федоръ Ивановичъ у насъ: нѣтъ и мѣстъ такихъ, гдѣ, кажись, не побывалъ бы онъ: его молитвами живемъ.

ФЕДОРЪ. (Нехотя) Какія наши молитвы? Носитъ Господь до срока, даетъ время грѣхи замолить. Земному богу служилъ семьдесятъ годковъ, надо и для Небеснаго потрудиться.

ГРИГОРІЙ. (Вздыхая) Надо, надо...

ТОРГОВЕЦЪ. Дѣло доброе...

ФЕДОРЪ. Выйдешь этакъ: въ ногахъ ломота, грудь подвалитъ,—думаешь: тутъ за околицей и душу Богу отдашь, а глядишь, разомнешься и понесъ Господь... А на душѣ радостно... Вспомнишь про село—жутко: злоба тамъ, какъ въ котлѣ кипитъ, а посмотришь въ небо и забудешь все: тучка ли то плыветъ, ангелъ ли Господень летитъ, волю Его святую несетъ...

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, вотъ вамъ. (Подаетъ горсть пряниковъ)

ѳедоръ. Простите, Христа ради. (Показываетъ на проходящаго юродиваго) Вотъ чьими милостями живы. (Уходитъ съ бабами)

григорій. (Вслѣдъ) Правильно, батюшка, правильно.

торговецъ. (Григорію, показывая на юродиваго) Что за человѣкъ?

григорій. (Таинственно) А такъ, рабъ Божій... Ильюша, по прозванію... юродивый.

юродивый. (Въ отдаленіи, становится на колѣни у одной изъ избъ) Упокой Господи и покой дай новопреставленной странничкѣ Божіей Фаидѣ и всѣмъ страннічкамъ твоимъ, прежде представшимъ: Селивестру, Авдѣю, Петру. (Киваетъ головой, тихо бормочетъ, стоя на колѣняхъ)

торговецъ. Это что же онъ?

(Андрей проходитъ и молча слушаетъ)

григорій. Ветхая старушка тутъ въ келейкѣ жила, да вечоръ преставилась. Вотъ онъ и поминаетъ... А то такъ днемъ, на зарѣ, или ночью, въ селѣ, или на мазаркахъ заберется, станетъ на колѣни и начнетъ поминать всѣхъ, кто только померъ при немъ на селѣ... Всѣхъ помнитъ.

торговецъ. Что жъ, это хорошо.

григорій. (Понижая голосъ) Такъ считаемъ: великій рабъ Божій... И житье вотъ выбралъ у меня въ банѣ. И не знаю, съ чего и выбралъ: такъ и хуже людей я будто, и грѣхами весь, какъ собака паршивая блохами, обсыпанъ и съ чего ему на душеньку нало жить у меня — не знаемъ, — выбралъ и живетъ. Не намъ нашимъ умомъ понять, а такъ только по примѣтамъ смекаемъ: великій рабъ.

(Юродивый возвращается)

торговецъ. А нельзя ли потолковать съ нимъ? Охотникъ я съ этакой душой, которая, можно сказать, Бога видитъ, сообщиться.

ГРИГОРІЙ. (Раздумчиво) Ужъ и не знаю я, батюшка, какъ его воля будетъ.

АНДРЕЙ. Такъ что жъ? Скричать его и только... Эй, Ильюшка, поди сюда: вотъ баринъ погуторить съ тобой желаетъ.

ЮРОДИВЫЙ. (Растерянно) Неколи мнѣ, староста я,—куръ въ огородѣ гонять надо... (Торопливо уходитъ, озабоченно про себя говоря: «кишъ, кишъ...»)

ГРИГОРІЙ. (Задумчиво) Не пожелалъ...

АНДРЕЙ. Не пожелалъ же.

ТОРГОВЕЦЪ. (Обиженно) Не показался я ему, что ли?

ГРИГОРІЙ. (Уклончиво) Нѣтъ, такъ что-нибудь.

ТОРГОВЕЦЪ. (Недовольно) О какихъ курахъ онъ толкуетъ?

АНДРЕЙ. Вишь, будто куръ ему по огородамъ гонять надо: слышь, старостой куринымъ зоветъ себя.

ГРИГОРІЙ. (Раздумчиво) Не пожелалъ...

АНДРЕЙ. А вотъ изъ чего не пожелалъ: я слово неловкое сказалъ: барином тебя обозвалъ. А онъ, слышь, изъ нашихъ же, изъ дворовыхъ... Съ малолѣтства вотъ такой же все юродивый былъ, а господамъ, видно, сумнительно было: парнишка, какъ парнишка, а отъ дѣла отлынивается. Маненько и прижимали его: на горячую плитку голыми ножками, слышь, ставили: вотъ онъ съ тѣхъ поръ и робитъ... И баръ ужъ тѣхъ нѣтъ, купцу и земля перешла, а онъ, какъ заслышитъ: баринъ тамъ, альбо чиновникъ—уйдетъ сейчасъ.

ГРИГОРІЙ. Робкій...

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, вотъ, какой же я баринъ? Вашъ же братъ, одна кость: отъ Адама, чать, всѣ. А жаль, охота бы покалякать. И дѣла есть отъ него?

ГРИГОРІЙ. (Нехотя, таинственно) Есть. (Смотритъ на Андрея) Вотъ какъ городъ горѣлъ. Городъ гдѣ? Семьдесятъ верстъ. Теперь вотъ машину строятъ, близко будетъ; а

прежде, когда-то вѣсть дойдетъ, а онъ бѣгаетъ по селу да кричитъ: „горимъ, въ огнѣ горимъ“, а тутъ слышимъ, сгорѣлъ городъ и какъ разъ въ ту пору, какъ онъ бѣгалъ.

Андрей. У него все этакая повадка: „въ огнѣ горимъ“. Ну, а ужъ какъ померъ человѣкъ, тутъ и пересталъ онъ горѣть, тутъ съ нимъ и разговаривать можно,—съ покойникомъ, значитъ. А съ нашимъ братомъ, живымъ, только и разговоръ у него: „горимъ“, а то: „помрешь, все поймешь“; или съ миской подъ окно: „дай!“ непремѣнно полную ему наливай, тамъ чего хочешь, только полную,—хоть воды налей. (Юродивый опять проходитъ мимо къ избѣ покойницы, нерѣшительно оглядываясь) Это все къ покойницѣ его тянетъ.

торговецъ. (Идя къ юродивому) Здраствуй, Божій человѣкъ, вотъ постой, я тебѣ дамъ. (Достаетъ кошелекъ, роется, вынимаетъ монету, протягиваетъ юродивому)

юродивый. (Жалобно, просительно) Не надо, дяденька...

торговецъ. А ты возьми. Наврали тутъ тебѣ, что я баринъ,—такой же мужикъ, какъ и вы всѣ.

юродивый. (Еще просительнѣе) Не надо, дяденька, какъ бы въ тюрьму не попасть...

торговецъ. Почему въ тюрьму?

юродивый. (Скороговоркой) Помрешь, все поймешь...

Андрей. Это, слышь, послѣ пожара тогда въ городѣ, его сажали, думали, что и онъ поджигалъ,—оттого, что бѣгалъ тогда по селу, да кричалъ: „горимъ!“

торговецъ. (Юродивому) А ты возьми, Христа ради возьми, не обижай,—поклонюсь тебѣ. (Низко кланяется, юродивый нерѣшительно беретъ и быстро уходитъ) Спасибо, спасибо‘ облегченно, Григорію) святость есть въ немъ, душа чуетъ...

григорій. (Умиленно) Есть, батюшка, есть...

(Торговецъ принимается опять за раскладку, Григорій и Андрей смотрятъ.

(Выходятъ на сцену Степанъ, староста, шесть крестьянъ-понятыхъ и проходятъ къ избѣ Степана и Ирины)

СТЕПАНЪ. Старики, я прошу васъ очень.. построже съ нимъ... сами посудите: принялъ его, будто старикъ ужъ, благообразный, никакимъ порокамъ быть бы не надо и вотъ на-тебѣ,—все дѣло опрокинулъ. Семнадцать лѣтъ жили съ бабой, а тутъ онъ пришелъ,—откуда пришелъ,—и не надо больше меня,—срамъ! Задурила, не надо, хоть ты что... Сами посудите, старики, какъ въ такомъ срамѣ жить... Подалъ я въ судъ, присудили его выселить, а онъ и въ усъ не дуетъ...

СТАРОСТА. Ладно, выселимъ... Дома, что ли онъ?

СТЕПАНЪ. Праздникъ: дома...

СТАРОСТА. Ну, живой рукой зови его.

СТЕПАНЪ. Да какъ можно идти мнѣ? Убьетъ,—дикій вѣдь человѣкъ.

СТАРОСТА. Ну, такъ какъ же?

СТЕПАНЪ. А такъ въ оконце постучать, — выйдетъ тутъ и крутить его.

СТАРОСТА. Эй, тамъ, кто въ избѣ? Ну?

ГОЛОСЪ АНТОНА. Что еще?

СТАРОСТА. А ты выдь-ка на часокъ.

(Толпа прибываетъ, ребятишки, парни, дѣвушки толкаютъ другъ друга и тѣснѣе жмутся. Выходитъ Антонъ)

ГОЛОСЪ. Вотъ такъ полюбовникъ! (Хохотъ)

ГОЛОСЪ. Поди чортъ харчъ давно выписываетъ, а онъ все еще здѣсь съ бабой прохлаждается.

ГОЛОСЪ. Такъ вѣдь чудакъ ты, съ бабой-то теплѣе, чѣмъ въ могилѣ.

ГОЛОСЪ СТАРУХИ. Ахъ, ты, грѣховодникъ старый, что выдумалъ?

ГОЛОСЪ. А ты не завидуй, бабушка!

ГОЛОСЪ СТАРУХИ. Тьфу! Озорникъ ты. (Пробирается

энергично впередъ) Дай-ка хорошенько погляжу въ безстыжія его очи...

СТАРОСТА. Ну, а вы... тише... Антонъ Лѣсогубовъ ты что ли будешь?

АНТОНЪ. (Степенно) Мы.

СТАРОСТА. Жалоба на тебя: живешь на квартирѣ...

АНТОНЪ. Живу по уговору, деньги плачу.

СТЕПАНЪ. Ни денегъ твоихъ, ни тебя не жалаю.

АНТОНЪ. Раньше думать надо было, — не дѣти и не бабы, — я бы заказовъ здѣсь не бралъ... А не хочешь и уйду, дай срокъ, осмотрюсь...

ГОЛОСЪ. (Иронически) Вишь, не все осмотрѣлъ еще...

ГОЛОСЪ. Бабу только и поспѣлъ, а може и кубышку съ деньгами гдѣ еще нащупаетъ...

АНТОНЪ. (Говорившему, дико) Я те такъ нащупаю, что и не пикнешь.

ГОЛОСЪ. Не любитъ...

СТЕПАНЪ. Вотъ сами видите какой жесткій человѣкъ, старички.

ГОЛОСЪ. А ты бъ его треснулъ сонаго-то обухомъ по загривку, помягче сталъ бы.

СТЕПАНЪ. Да вѣдь какъ треснешь?

ГОЛОСЪ. А ты, слышь, по загривку.

ГОЛОСЪ. А то вилами!

СТАРОСТА. (Антону, рѣшительно) Ну, вотъ чего, — разговаривать долго нечего — скарбъ на плечи и маршъ, куда глаза глядятъ.

АНТОНЪ. Не къ ночи-же?

ГОЛОСА. (Азартно) А что не къ ночи?!

АНТОНЪ. (Угрюмо) Хоть ты и староста, а законъ одинъ для всѣхъ: къ ночи гнать не смѣешь. Если бъ я худое что сдѣлалъ... Ты говори, что худого я сдѣлалъ: амбаръ подломалъ? Краснаго пѣтуха пустилъ по селу?

ГОЛОСЪ. Вишь куда гнетъ!

АНТОНЪ. Никуда я не гну, а только, старики, и по вашему не гоже: работаю я, худого никто не скажетъ. Въ вашъ же храмъ кіотъ сдѣлалъ и за сходную цѣну,—міръ не обижаю, пожалѣть и меня надо...

ГОЛОСЪ. И то, дядя Степанъ, пожалѣй и его: вишь вѣкъ-то его воробьинаго носа короче. Былъ бы молодой,—свѣтъ не клиномъ,—а ему гдѣ еще найти.

ГОЛОСЪ. Остатки допиваетъ.

ПОРТНОЙ. Въ родѣ того, какъ на донушкѣ въ бутылкѣ: а слаще всей-то бутылки. Хо!

ГОЛОСЪ. Жальнѣй жальняго: какъ разъ и въ могилу позовутъ...

АНТОНЪ. (Сурово) Въ могилу, такъ въ могилу, а жить—такъ жить будемъ безъ вашей указки... Ладно: вяжу я, у васъ одна издѣвка на умѣ,—ваше дѣло. Ну, только что не ловко, старики, выходитъ все это... обиду большую мнѣ дѣлаете... А я и уйду, пожалуй... (Быстро уходитъ въ избу)

(Молчаніе)

ГОЛОСЪ. А вы поняли-то старики, куда гнетъ онъ? Теперь намъ только и дожидаться краснаго пѣтуха...

ГОЛОСЪ. Что и говорить: человѣкъ неподходящій... Даве дядя Григорій ему про кіотъ, чтобъ, значитъ, поаккуратнѣй, а онъ какъ бахнетъ о земь кіотъ: „вотъ тебѣ, коли моя работа не аккуратная“... Самъ себя не жалѣетъ, пожалѣетъ ли другихъ?

ГОЛОСЪ. Неловко, неловко, такого за версту обходитъ.

ГОЛОСЪ. За версту, а сами лѣзете прямо въ лапы...

ГОЛОСЪ. (Раздраженно) Кто лѣзетъ?

ГОЛОСЪ. Кто вздумалъ?

ГОЛОСЪ. (Азартно) Степанъ вздумалъ, міръ подводитъ вздумалъ, — самъ съ своей родней дѣла не могъ уладить,—а вы потатчики...

голосъ. Кто потатчики?

голосъ. Кто? дядя Семенъ...

семенъ. А мнѣ что? Я что ли староста?

староста. А я что? Кто мнѣ изъ суда бумагу-то привезъ? Опъ. (Показываетъ на Степана) Ну?!

голосъ. Ну, что еще тутъ? Охота выселять—пусть и зоветъ урядника, а вамъ, старики, дѣлать здѣсь нечего... Грѣхъ случится, не дай Богъ, передъ міромъ вы въ отвѣтѣ будете... живьемъ съѣдятъ васъ...

голосъ. (Раздумчиво) Что вѣрно то вѣрно: въ глупое дѣло ввязались.

голосъ. А ты вотъ что, староста, народъ-то разгони и самъ уходи, а тамъ Степанъ, какъ знаетъ,—его дѣло...

степанъ. Старички, а вы тоже и меня пожалѣйте: теперь мнѣ и въ избу свою не взойти.

азартные голоса. „Тебя пожалѣть?“ „А міру пропадать изъ-за тебя“. „Дряпной мужичонко!“ „Сволочь“.... „Только и знаютъ: міръ подводить“.

староста. (Рѣшительно) Ну, да что толковать? Маршъ всѣ отсюда... (Набрасывается на подростковъ, добродушно) Вы еще здѣсь, шушера паршивая! Напасть проклятая! Чтобъ и духу вашего не было...

(Толпа гурьбой весело разбѣгается, постарше степенно расходятся, нѣкоторые подходятъ къ торговцу)

степанъ. Ну, вотъ теперь что жъ? И въ избу свою не взойдешь. Ахъ, ты Господи...

портной. (Лукаво подмигиваетъ) Э, дядя Степанъ, объ чемъ хлопочешь? Не крынка масла,—не убавится... Хо!

степанъ. (Въ раздумьи) Идти къ брату... (Уходитъ, портной идетъ за нимъ)

антонъ. (Появляется изъ избы съ котомкой за плечами, оглядывается)

андрей. (Подходитъ къ нему) Видно, раздумали старики тревожить тебя... Теперь хоть до смерти живи, не тро-

путь... Только вотъ Степанъ развѣ съ родней что придумаютъ: ну, ужъ тутъ ты гляди... Особливо Степановъ братъ двоюродный: Акимъ—первый конокрадъ на селѣ: серьезный же, не хуже тебя мужикъ: пять деревень во какъ держитъ...

(Антонъ молча смотритъ на него и уходитъ назадъ въ избу, Андрей возвращается къ группѣ торговца)

ГРИГОРІЙ. (Подошедшимъ крестьянамъ) Такъ-то лучше: безъ грѣха.

ГОЛОСА. Знамо, лучше: свяжись съ этакимъ чортомъ.

ТОРГОВЕЦЪ. Ну и дѣла же у васъ, какъ погляжу я.

ГОЛОСА. Дѣла у насъ, какъ пустые щи въ котлѣ,—кипятъ, а на столъ подавать нечего.

ГОЛОСЪ. Нонѣ-то и вовсе нечего будетъ: въ полѣ хоть шаромъ покати, только гдѣ на купеческихъ земляхъ, что до Пасхи сѣяли, — хлѣбъ, а на своей ни хлѣба, ни корму.

ГОЛОСЪ. Только что на заливныхъ и корму-то...

ТОРГОВЕЦЪ. Богъ дождика пошлетъ, — поправится еще, можетъ быть.

ГОЛОСЪ. Хоть сквозь землю теперь пролей,—ничего не поможетъ.

ГОЛОСЪ. Какой теперь дождь, когда люди зажались... (Слышно пѣніе) Вонъ учитель съ помочанами поспѣлъ ужъ и убрать свой хлѣбъ.

ТОРГОВЕЦЪ. Скотину, значитъ, опять мотать будете?

ГОЛОСЪ. Вотъ какъ мотать: у меня четыре головы, одну оставлю и ту въ избѣ съ собой, а то безъ корму да на холодѣ и послѣдняя изведется...

ГОЛОСЪ. Ну, теплѣе зато будетъ, дровъ меньше...

ТОРГОВЕЦЪ. А много скота у васъ?

ГОЛОСА. Мало ли скота...

ТОРГОВЕЦЪ. (Задумчиво) Я вотъ, пожалуй, пріѣду по осени: цѣной только не забивайтесь...

ГОЛОСА. Куда ужъ забиваться...

(Входятъ съ пѣснями, крестьяне, женщины съ серпами. Всѣ навеселѣ, обнимаютъ учителя, притопываютъ ногами)

ПОМОЧАНИНЪ. (Учителю; обнявъ его, ведетъ его къ авансценѣ; ихъ окружаетъ толпа помочанъ) Видишь, милый, какъ мы тебя разуважили: праздникъ,—отдохнуть бы, а мы до ночи у тебя, а завтра опять праздникъ, опять ни свѣтъ, ни заря, къ приказчику, а тамъ къ попу...

УЧИТЕЛЬ. За это спасибо, старички, — тамъ только у оврага и осталось недожато.

ПОМОЧАНИНЪ. И тамъ дожнемъ... Вотъ на недѣлѣ будетъ праздникъ.

ГОЛОСА. Праздниковъ довольно, — отдыхать только за чужой работой мало приходится.

ПОМОЧАНИНЪ. А ты не мѣшай... Эй вы, народъ, по можемъ ему, что ли?

РѢДКІЕ ГОЛОСА. Такъ вѣдь куда дѣнешься...

ГОЛОСЪ. Только кличъ кликни.

ГОЛОСЪ. Да водки побольше припасай.

ПОМОЧАНИНЪ. Во! Водки! Вотъ и смекай... А чтобъ было твердо: сейчасъ и закрой дѣло,—поднеси по стаканчику...

УЧИТЕЛЬ. (Растерянно потираетъ руки) Я бы очень радъ, старики, да вся водка вышла...

ГОЛОСЪ. Въ кабакѣ много.

УЧИТЕЛЬ. Вѣдь заперта лавка.

ГОЛОСА. (Весело) Давай деньги, хоть сто ведеръ принесу...

УЧИТЕЛЬ. (Просительно) Старички, не будетъ ли,— вѣдь мало отъ водки хорошаго: раздразнитесь, еще захотите, раздеретесь. Да и работа сегодняшняя, если бъ въ деньги нанять, вдвое дешевле обошлась бы.

голосъ. А ты не считай.

учитель. Какъ не считать? Сами посудите, — на 15 рублей какъ жить? Хоть уродило бы, а то сами видѣли...

голосъ. Ты вотъ хоть 15 рублей получаешь, а мы ничего, а учить-то, пожалуй, полегче, чѣмъ соху, али серпъ день деньской изъ рукъ не выпускать...

голосъ. Ну, опять пустой разговоръ повели... Ну, пятнадцать, такъ пятнадцать,—поиъ и больше того получитъ, а тамъ писарь, да старшина, да мало ли тамъ народу всякаго, кто кормится нашимъ братомъ. Блохъ да вшей и тѣхъ не забываемъ... (Ласково учителю) А ты, милый, не то считай, ты уваженіе сдѣлай... Вотъ, скажемъ, голодный годъ идетъ, ну станемъ терпѣть пока можно, а какъ невмоготу, ну купецкій амбаръ подломимъ,—не помирать же... А ужъ тебя пальцемъ никто не тронетъ. Не то, что не тронемъ, а послужимъ и сегодня и впередъ. Міръ большой человѣкъ: двухъ попадей вдовыхъ кормитъ и тебя прокормитъ. А ужъ на кого осердится міръ, тотъ тоже не о двухъ головахъ. вонъ идетъ (Показываетъ на проходящаго мимо пьянаго вѣклокоченнаго миссіонера) видѣлъ? человѣкомъ былъ, до поповъ доходилъ, экзаменъ сдалъ, изъ нашихъ же изъ свинопасовъ выбился, а міру согрубилъ и нѣтъ его... Донесъ, какъ холера была, что холера у насъ. Вишь... Больше міра захотѣлъ быть... А міръ и наложилъ ему недоимку, шестьсотъ цѣлковыхъ,—отдашь—иди въ попы! А гдѣ взять? Вотъ и пропиваетъ послѣднее... А про Семена слыхалъ? Былъ и такой... Донесъ, что лѣсъ казенный воруютъ мужики... Гдѣ Семенъ? Нѣтъ Семена. Анъ глядь, собака изъ ямы ногу тащитъ... Чья нога? Семенова. А тамъ голова, тамъ другая нога... Кто? Что? Почему? Какъ? Ничего не извѣстно... Булькнуло,—только круги по водѣ пошли.

голосъ. А ты не пугай человѣка... Просить проси, пугать-то что ужъ зря...

голосъ. Кто пугаетъ? Извѣстно просимъ... Просимъ, всѣ просимъ.

голосъ. Всѣ просимъ, не изъ чего другого, изъ уваженія просимъ.

голосъ. Любимъ и просимъ.

учитель. (Смѣется) Ужъ и не знаю какъ: баба у меня строгая,—заругаетъ какъ разъ...

голосъ. А ты свою бабу брось... Мы тебѣ такую бабу дадимъ,—первую бабу на деревнѣ: Ирину дадимъ... Что, плоха развѣ? И лицомъ гожа, и умница, и работница—всякаго мужика за поясъ заткнетъ.

учитель. Ужъ про Ирину и я знаю: лучше и бабы и мужика не найти. Ну, Ирина пообѣщаетъ, что дожнете,—такъ и быть, дамъ на четверть.

ирина. (Смѣется) А что и не пообѣщать?

(Толпа весело: «Го-го»... «Ай-да баба», Ай-да Ирина», «Свѣтъ наша Иринушка»)

учитель. (Вынимаетъ деньги) Ну, идите съ Богомъ.

голоса. Иди и ты... Ужели одни пойдемъ?

учитель. (Хлопаетъ себя руками по бедрамъ и уходитъ съ ними) Я же вашъ учитель...

настя. (Догоняя Ирину) А ты иди сюда,—что тутъ было, разскажу. (Отходитъ съ Ириной къ правой сторонѣ, къ нимъ подходятъ Матрена и Нефедъ и всѣ вмѣстѣ шушукаются)

юродивый. (Подходитъ къ торговцу, не доходя, останавливается, просительно) Господинъ, а господинъ, возьми деньги.

торговецъ. Да что ты, Илюша, Богъ съ тобой: за что обижать хочешь?

юродивый. (Скороговоркой, что-то шепчетъ; громко) Краденыя. (Кладетъ деньги на землю и быстро уходитъ. Торговецъ, Григорій стоятъ ошеломленные)

андрей. (Подходитъ, поднимаетъ деньги и несетъ ихъ торговцу) Тебѣ что ли гривенникъ?

ТОРГОВЕЦЪ. (Беря деньги) Что такое? Какія краденыя? Да за такое слово и сгнить въ тюрьмѣ можно... Это что жъ такое? озорство?

ГРИГОРІЙ. (Проводитъ рукой по лицу, подходитъ къ торговцу и низко кланяется) Прости, Христа ради: уходи изъ моей избы.

ТОРГОВЕЦЪ. Какъ уходи?

ГРИГОРІЙ. (Кланяется опять) Христа ради, прошу тебя прости: не могу, Илюша не принялъ, не могу и я... И денегъ не надо мнѣ.

ТОРГОВЕЦЪ. (Дѣлаетъ порывистое движеніе, раздраженно плюетъ) Тьфу, дураки вы: и ты и твой Илюшка, прости Господи... На вотъ тебѣ: на ночь ищи новую квартиру...

АНДРЕЙ. Развѣ не найдешь? Хоть ко мнѣ...

ТОРГОВЕЦЪ. А у тебя... Сказываютъ, вонъ безъ малаго на тло ваше село не хорошей болѣзнью болѣетъ...

АНДРЕЙ. Что грѣхъ таить? Есть же глазами, да вотъ этой хворью, да лихоманкой. Только у насъ, ни-ни... ребятишекъ всего двое...

ТОРГОВЕЦЪ. И самоваръ есть?

АНДРЕЙ. Обнаковенно.

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, такъ и съ Богомъ. (Григорію) Ступай къ чорту!

ГРИГОРІЙ. (Низко кланяется) Прости, Христа ради, — не виноватъ я... (Уходитъ)

ТОРГОВЕЦЪ. (Андрею) Вотъ гдѣ дураки-то Царя Небеснаго!

АНДРЕЙ. Извѣстно: сами не знаютъ чего хотятъ.

ТОРГОВЕЦЪ. Нѣтъ, это такъ не пройдетъ: дай срокъ, вотъ увижу станового, я разскажу ему, какіе здѣсь порядки завелись... Что ужъ за безсудная земля? На тебѣ: тотъ краденыя, другой среди ночи гонитъ — фу ты, — даже въ жаръ бросило. (Третъ себѣ шею) Этакъ и ударъ можно вѣдь схватить: человѣкъ всю жизнь въ поту

да въ мозоляхъ копѣйку зарабатывать: на тебѣ—краденныя... Ты говоришь, на поемныхъ сѣнокосахъ уродило у васъ?

АНДРЕЙ. Тамъ—слава Богу.

ТОРГОВЕЦЪ. Если скотину набирать, надо же будетъ сѣна. Вы какъ ваши сѣнокосы сдавать будете же?

АНДРЕЙ. Какъ сказать? По нынѣшнему году и не слѣдъ бы сдавать, да вѣдь—міръ. Раздразнятъ водкой,—глядишь и сдадутъ, а ужъ чѣмъ своему... Своему-то сдадутъ: и завидно и остальные отъ него ничѣмъ не попользуются, кромѣ водки, такъ ужъ лучше тому, отъ кого бѣдный человѣкъ заработать можетъ.

ТОРГОВЕЦЪ. Водки мы не пожалѣемъ и тебѣ за труды хорошо попадетъ.

АНДРЕЙ. Тутъ только съ умомъ надо... Въ міру извѣстно каштаны вертятъ дѣломъ.

ТОРГОВЕЦЪ. Это что такое каштаны? По нашему мірощѣдъ, что ли?

АНДРЕЙ. Такъ, такъ... Негодяи, горло у кого пошире, а совѣсть потоньше, тѣ и горланятъ, гоношатъ и выводятъ линію, а вся линія — деньги, — гдѣ деньги, тамъ и они. Вотъ такихъ десятокъ, другой ублаготворить, остальнымъ водка—и верти міромъ, какъ хочешь... Ну, богатѣи еще, — хоть и станутъ упираться, — такъ вѣдь бѣдныхъ-то больше. Ну, уступишь имъ сколько тамъ лужковъ.

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, старостѣ, конечно?

АНДРЕЙ Обнаковенно.

ТОРГОВЕЦЪ. Луга-то заливные у васъ когда косятъ?

АНДРЕЙ. А кругъ Казанской... Да понѣ позднѣе, вода долго держалась. Дай срокъ,—я тебя всему обучу.

ТОРГОВЕЦЪ. Я бы тутъ и мельницу выстроилъ,—берега оба ваши?

АНДРЕЙ. Наши.

ТОРГОВЕЦЪ. Мѣста ваши показались мнѣ,—усталъ ужъ я такъ шляться.

АНДРЕЙ. Такъ что жъ, милости просимъ: хорошему человѣку рады...

ТОРГОВЕЦЪ. Также безъ пользы пропадаютъ берега, а такъ, смотришь, сотенный билетъ дѣтишкамъ на молочишко и пригодится міру.

АНДРЕЙ. Извѣстно, къ рукамъ да съ головой человѣку—тутъ тыщи.

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, въ чужомъ карманѣ, пожалуй, считай: на часъ и ошибешься.

АНДРЕЙ. Только этакое ужъ дѣло черезъ земскаго надо.

ТОРГОВЕЦЪ. Съ земскимъ ужъ мое дѣло, а ты тутъ мнѣ помоги...

АНДРЕЙ. Я что жъ? Хорошему человѣку почему не помочь? Не обидишь?

ТОРГОВЕЦЪ. Какая тутъ обида,—хлѣбъ ѣсть будемъ. Ну, кончилъ... Теперь бы караульщика на ночь... У васъ какъ: шалятъ?

АНДРЕЙ. Нѣтъ, не слышно, а съ караульнымъ все потверже... Да вотъ на что лучше? Степана возьми, сегодня онъ свободный отъ караула, а ночевать домой ни за что не пойдетъ: робкій мужикъ, а тутъ и деньги за караулъ...

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, такъ вотъ чего: вещи живой рукой перетащимъ къ тебѣ и зови его къ себѣ,—тамъ и столкуемся, а пока что и сынъ постережетъ.

(Уходятъ. Потомъ торговецъ переноситъ съ женой вещи въ избу Андрея, сынъ остается. Погодя Андрей вводитъ къ себѣ въ избу Степана. Темнѣетъ. Нефедъ и Настя входятъ со стороны пруда)

НАСТЯ. Идти ужъ домой надо. (Заламываетъ руки) Не домой, а на край свѣта уйти бы!

НЕФЕДЪ. Куда уйдешь безъ паспорта...

НАСТЯ. И въ гробу хуже не будетъ...

НЕФЕДЪ. Ну, что еще гробъ? Изъ-за всякой сопли въ гробъ,—гробовъ не хватитъ... Кому надо, пусть и лѣзетъ въ гробъ-то.

НАСТЯ. (Обнимаетъ Нефеда, нѣжно) Охъ, Нефедушка, тебя любилъ ли кто больше меня? Не любилъ, Нефедушка, и любить не будетъ... (Замираетъ на плечѣ у Нефеда)

НЕФЕДЪ. Ты слышь, у Листратовыхъ работникъ ушелъ: наняться что ль? Тутъ бы мы съ тобой каждую ночь...

НАСТЯ. Ну, что ужъ тебѣ ремесло на работника мѣнять? Праздники пройдутъ, мужики уѣдутъ въ поле, я одна при хворомъ все равно останусь. (Смотритъ на Нефеда) Только еще хуже того привыкнемъ другъ къ другу. (Обнявшись проходятъ по улицѣ)

ИРИНА. (Смотритъ имъ вслѣдъ, Матренѣ) Молодые и сраму такого нѣтъ... А я вотъ на старости лѣтъ. (Вздыхаетъ)... Терпѣла, терпѣла, такъ и надѣялась терпѣньемъ изжить... На вотъ тебѣ. Изжила... Первая баба Ирина, первая слава про Ирину... Вотъ тебѣ и Ирина: все собакѣ подъ хвостъ пошло... И съ кѣмъ? Со старикомъ, который въ отцы мнѣ, старухѣ, годится... Околдовалъ меня, что ли? Какъ увижу его, оброблю вся, точно память отшибетъ и самую словно подмѣнилъ кто. Охо-хо... А Степанъ-то, Степанъ, за всю семнадцатилѣтнюю службу! Я ли ему не работница была? Моей работой и самъ жилъ, и домъ весь держался. Скотина семнадцать лѣтъ поработаетъ и той почетъ...

МАТРЕНА. (Вздыхая) Ну да, жди правды отъ нихъ: мудрятъ надъ нашей сестрой какъ хотятъ, пока околѣютъ, а околѣютъ съ голоду—и ты подыхай.

(Настя и Нефедъ подходятъ)

НИКИТКА. (Вбѣгая, Настѣ) Слышь, мужъ твой, да евоїный братъ, да дядя Семенъ ждутъ тебя съ цѣпью.

НАСТЯ. Что жъ мнѣ дѣлать теперь?!

ИРИНА. Что дѣлать? У бабушки Авдотьи ночуй.

БАБУШКА АВДОТЬЯ. (Поднимая окно) Къ дитяти ступай, негодная! Не пущу къ себѣ! Прочь отсюда! Что въ самомъ дѣлѣ собрались избу срамить?

ИРИНА. (Быстро вставая) Пойдемъ на выгонъ: надо Антона скричать... Никитка, бѣги, скажи ему...

НИКИТКА. Боюсь.

НЕФЕДЬ. У, дуракъ! (Идетъ къ Ирининому двору) Ступайте,—нагонимъ.

МАТРЕНА. Я домой пошла. (Уходятъ всѣ, кромѣ Никитки. Проходятъ Нефедъ и Антонъ, Никитка идетъ за ними)

ГОЛОСЪ АНТОНА. (За сценой) А ты прочь ступай!

СТЕПАНЪ. (Выходитъ изъ дома Андрея, сынъ торговца уходитъ, Степанъ стучитъ колотушкой, строго кричитъ возвращающемуся Никиткѣ) Кто идетъ?

НИКИТКА. (Испуганно) Дяденька, это я, Никитка Шигановъ.

СТЕПАНЪ. (Грозно) Ты что жъ здѣсь около кунецкихъ лабазовъ околачиваешься? Въ острогъ захотѣлъ?

НИКИТКА. Дяденька, голубчикъ...

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, что-то нечисто тутъ, пойдемъ къ куницу. (Береть его за рукавъ)

НИКИТКА. Дяденька, голубчикъ, постой, я тебѣ все разскажу: тутъ такія дѣла... Я сижу на задахъ у Алешки... Гляжу: идутъ дядя Петръ да дядя Семенъ; я думаю, что они идутъ,—шасть за ними. А они прямо къ дядѣ Николаю постучали въ окошце, да и баютъ: „выноси-цѣпь“. А дядя Николай высунулъ голову да пытаетъ: „идетъ что ль подколодная?“ А тѣ ему: „скоро, навѣрно, придетъ“. Вышелъ дядя Николай и присѣли они всѣ трое и ждутъ. Я задами, да сюда, увидѣлъ Настю и сказалъ имъ, а они и пошли на выгонъ.

СТЕПАНЪ. Кто они?

(Никитка молчитъ)

СТЕПАНЪ. Говори правду, а то хуже будетъ.

НИКИТКА. Дядя Степанъ, я все разскажу, только ты ужъ не сказывай на меня: тетка Ирина, да тотъ чортъ Антонъ-столяръ, да Нефедъ, да Настя.

СТЕПАНЪ. Такъ... Ну, вотъ что: ты вотъ колоти здѣсь въ колотушку, а я схожу. Да если уйдешь, такъ такъ и знай, что сидѣть тебѣ въ тюрьмѣ.

НИКИТКА. А ты, дяденька, скоро вернешься?

СТЕПАНЪ. А тебѣ что?

НИКИТКА. Боязно.

СТЕПАНЪ. А коли боязно, такъ на печи спать надо, а не шляться по ночамъ... Ну, смотри! Тутъ товару, можетъ, на тыщу рублей,—ты за все отвѣчаешь. (Уходитъ)

НИКИТКА. О, Господи... (Стучитъ, испуганно) Кто идетъ?!

ПОРТНОЙ. Ты кто?

НИКИТКА. (Радостно) Портняжка!

ПОРТНОЙ. Хо! Никитка, чортъ, ты что здѣсь?

НИКИТКА. (Важно) Вишь караулю,—у купца нанялся.

ПОРТНОЙ. Ну? Это ловко... Это умно... Такъ, такъ... вотъ что, парень: ты карауль, а я въ лабазъ полѣзу...

НИКИТКА. Что ты, дуракъ,—тутъ на тыщу товару,—меня вѣдь прямо въ острогъ...

ПОРТНОЙ. Дуракъ-то ты, а не я... На тысячу товару, такъ если на краснепькую мы съ тобой попользуемся, кто это усмотрѣть можетъ? Вѣдь не зря, раскидывать не стану, а глядишь Аленкѣ сластей снесешь, а то и платокъ. А суха ложка ротъ деретъ... Такъ и просидишь всю жизнь на задворкахъ у нея, а подарокъ снесешь, она тебѣ: и миленькій и голубчикъ... И себѣ табакомъ разживешься... Небось, глупому не научу: а такимъ случаемъ ежели не пользоваться, какимъ же еще? Хо... (Залазитъ въ лабазъ)

НИКИТКА. Охъ ты, Господи, Господи...

ПОРТНОЙ. (Изъ лабаза строго) А ты знай, стучи!

(Никитка стучитъ, портной чиркаетъ спичкой)

НИКИТКА. (Тихо) Огонь увидятъ!

ПОРТНОЙ. А ты стучи. (Пауза)

ПОРТНОЙ. (Шопотомъ) Никитка, подь сюда.

НИКИТКА. Чего еще?

ПОРТНОЙ. (Чиркаетъ спичкой) Какъ думаешь, покажется твоей-то? (Показываетъ красный платокъ) Прячь за пазуху. (Никитка прячетъ. Слышны шаги, Никитка отскакиваетъ) Кто идетъ?

СТЕПАНЪ. Свои.

(Степанъ и нѣсколько крестьянъ съ палками и Николай съ цѣпью осторожно подходятъ къ Никиткѣ)

СТЕПАНЪ. На выгонѣ, говоришь?

НИКИТКА. (Дрожа отъ страха) На выгонѣ, дяденька...

(Толпа проходитъ)

ПОРТНОЙ. Никитка! (Никитка опять подходитъ)

НИКИТКА. Дай-ка мнѣ ту свистульку.

ПОРТНОЙ. Ты что дитя, что ли, малое?

НИКИТКА. Тебѣ говорятъ давай. И вотъ это. (Прячетъ за пазуху)

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, что, все благополучно? (Подходитъ ближе къ Никиткѣ) Что, что такое? Ты кто?!

НИКИТКА. (Растерянно) Я, дяденька... (Хочетъ бѣжать отъ него)

ТОРГОВЕЦЪ. Стой! (Хватаетъ его за плечо, портной выскакиваетъ, торговецъ хватаетъ и его за шиворотъ) Стой! Караулъ! Грабятъ...

(Съ правой стороны сцены шумъ, крики, женскіе вопли. Выбѣгаетъ толпа, впереди Нефедъ и Антонъ, ихъ бьютъ сзади, Нефедъ убѣгаетъ, Антону подъ ноги бро-

сается Акимъ, Антонъ падаетъ, на него наваливаются)

АНТОНЪ. (Вскакивая, размахивая ножомъ) Убью! (Всѣ отступаютъ, Антонъ быстро исчезаетъ, нерѣшительные крики вдогонку: «держи, держи». Крики подхватываютъ дальше, собаки лаютъ, кто-то кричитъ: «пожаръ». Отчаянные крики: «пожаръ, пожаръ». «Гдѣ? гдѣ?» Шумъ усиливается, сбѣгаются сонные обитатели, босые безъ шапокъ, женщины въ рубашкахъ вопятъ)

ТОРГОВЕЦЪ. (Кричитъ) Вяжи ихъ... (Никитку и портного Андрей и другіе вяжутъ)

(Настю и Ирину тащатъ по сценѣ и бьютъ. Николай бьетъ Настю цѣпью. Настя и Ирина воютъ)

ЛЮБУША. (Горько плачетъ на груди бабушки) Никитку вяжутъ... да бью-ютъ!

(Бабушка прижимаетъ рукой Любушу, съ ужасомъ смотритъ)

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренность сѣней и избы. Сѣни и избу раздѣляетъ стѣна. Ночь. Въ избѣ горитъ лампа на столѣ. На широкой кровати подъ кожухомъ, на красной грязной подушкѣ, лежитъ въ забытьи Николай. Въ углу люлька. Около Николая, пригнувшись, сидитъ Федоръ. Въ сѣняхъ на скамеечкѣ у входныхъ дверей сидятъ Настя и Нефедъ.

НАСТЯ. Измучилась вся. Сыплю ему, сыплю этого порошка, — вырветъ его, замретъ и опять ожилъ. И не вѣрю, чтобъ померъ... Чуетъ сердце — отдышется, проклятый, и станетъ опять поѣдомъ ѣсть... Охъ, Нефедушка, что ужъ мы за несчастные... А помретъ онъ, опять твоя жена придетъ, да съ сыномъ... Самъ, баишь, сына любишь... Господи, какой бы женой я тебѣ была, не покладая рукъ работала бы. Было бъ у насъ въ избѣ, какъ въ раю, только бъ и думала о тебѣ, только бы и ждала, когда мой ясный соколъ прилетитъ ко мнѣ. Дѣвушкой еще была я, бывало жну, потъ льетъ, руки-ноги не свои, а я словно во снѣ и горитъ сердце: вотъ-вотъ сейчасъ все перемѣнится, вотъ придетъ мой царевичъ, придетъ мое царство. И сейчасъ все я жду еще: вотъ, вотъ... (Страстно) Годикъ бы, только годикъ поцарствовать съ тобой. А тамъ бы на богомолье, въ Ерусалимъ,—всю бы жизнь замаливать стала. Отдала бъ тебя женѣ твоей назадъ... Охъ, не отдала бы, не отдала, Нефедушка... Ты ласковый, ты, что на людяхъ, что дома, для всякаго у тебя хорошее слово найдется...

НЕФЕДЪ. И все-то надо тебѣ мучить себя, ты не отдала бы, да и я не пошелъ... Любимъ и любимъ. Дай срокъ, будемъ и мы, какъ люди: изживемъ полегоньку бѣду... Горяча ты вотъ только больно,—надо было грѣхъ на душу еще брать, порошки тамъ эти... И такъ на ладонь дышалъ... Къ зимѣ какъ никакъ...

НАСТЯ. Охъ, и не говори... какъ полуумная стала...

НИКОЛАЙ. Пенить...

ФЕДОРЪ. Настя!

НАСТЯ. (Тихо Нефеду) Иди. (Нефедъ уходитъ, Настя входитъ въ избу)

ФЕДОРЪ. Испить проситъ... Сбѣгай-ка на погребъ, кваску холоднаго, вишь, горитъ въ немъ все...

(Настя, захвативъ ковшъ, уходитъ. Николай издастъ короткіе стоны, шевелится, открываетъ глаза)

ФЕДОРЪ. Что, худо?

НИКОЛАЙ. Охъ, худо...

ФЕДОРЪ. Видно и вправду помирать надумалъ?

НИКОЛАЙ. Страшно...

ФЕДОРЪ. А что страшно? Только въ лѣвую сторону отъ себя не гляди. (Понижаетъ голосъ) Тамъ онъ, мохнатый, а гляди вправо: свѣтлаго и увидишь, то и есть твой ангелъ-хранитель, на него и гляди только, за него и держись. И потомъ, какъ душенька вырвется изъ тѣла—все держись за него,—будутъ тебя отрывать мохнатые, а ты вцѣпись въ своего-то, да молитву Пресвятой Заступницѣ безъ устали читай, да читай себѣ...

НИКОЛАЙ. Дѣдушка... молитву-то... не знаю...

ФЕДОРЪ. О-охъ, то-то вотъ попѣ живутъ, безъ молитвы, безъ церкви, а такой вотъ случай придетъ...

НИКОЛАЙ. Дѣдушка... попа бы...

ФЕДОРЪ. (Встаетъ) О? Ну, значитъ и вправду помираешь, — учуялъ:.. Надо звать попа... (Идетъ, въ сѣняхъ

встрѣчаетъ Настю) Помирать собрался, за попомъ посылаетъ... (Уходитъ)

НАСТЯ. (Входитъ съ ковшомъ, смотритъ на мужа. Николай лежитъ съ закрытыми глазами; она ставитъ ковшъ на столъ, подходитъ ближе къ кровати)

НИКОЛАЙ. (Хрипло) Ишь, какъ смотришь, гадюка подколодная! Какъ мохнатый. Смерти ждешь? Царствовать безъ меня собираешься въ этой самой избѣ? Врешь, стерва... продалъ избу, деньги брату передалъ, вынесутъ меня и сама уйдешь, броситъ тебя и полюбовникъ...

НАСТЯ. Каркай передъ смертью. А сына куда дѣну?

НИКОЛАЙ. Не мой сынъ!

НАСТЯ. Будь ты проклятъ и съ твоей избой. (Отходитъ равнодушно къ окну)

НИКОЛАЙ. (Закрываетъ глаза. Молчаніе) И не помру я... (Настя быстро поворачивается, съ ужасомъ глядитъ на него) Врешь, не помру, чую, что отпустило, жить буду, даи срокъ... (Настя заламываетъ руки, отворачивается къ окну. Николай лежитъ съ закрытыми глазами) Что жъ, значитъ, жалости въ тебѣ ко мнѣ нисколько? (Приподнимается съ большимъ усиліемъ) Нѣтъ у тебя нисколько жалости?

НАСТЯ. (Азартно бросается къ нему) Жалости? За что жалость? Что гнобилъ меня своимъ гноемъ? Что какъ собаку непотребную билъ чѣмъ ни попало, да на цѣпь сажалъ, да срамилъ при людяхъ, пока сила была... Царство небесное отнялъ... а теперь жалость... Моя теперь сила, аспидъ! Чорту душу для тебя продала, проклятый... Помрешь, помрешь и вольный я человѣкъ опять буду! Какъ хочу, буду жить (наклоняется, шепчетъ съ злорадствомъ) съ Нефедушкой, съ Нефедушкой... (Николай кусаетъ ея руку, Настя вырываетъ руку) Вотъ же тебѣ... (Плюетъ ему въ лицо, отходитъ и осматриваетъ руку)

НИКОЛАЙ. (Падаетъ на подушку, молчитъ нѣкоторое время. Едва слышнымъ голосомъ) Испить...

НАСТЯ. (Быстро идетъ, беретъ ковшъ, отворачивается, вынимаетъ изъ кармана порошокъ, сыплетъ его въ ковшъ и несетъ мужу)

НИКОЛАЙ. (Все время наблюдавшій, хватаетъ другую руку Насти, въ которой зажатъ порошокъ, порошокъ разсыпается) А, змѣя подколодная!.. (Тоскливо, съ плачемъ) Брата, зови брата..

НАСТЯ. (Выскакиваетъ въ сѣни, отворяетъ дверь на дворъ, въ высшей тревогѣ) Нефедушка...

НЕФЕДЪ. Померъ?!.

НАСТЯ (Съ отчаяніемъ) Ожилъ. Усмотрѣлъ въ рукѣ порошокъ, брата велитъ скричать... Что жъ дѣлать?!. Что жъ дѣлать?!. И свѣтъ уже скоро... Попъ придетъ: все узнаютъ... А то къ окну подползетъ, — лѣто, народъ на дворѣ спитъ, крикнетъ — услышатъ. Нефедушка, что дѣлать?!.

НЕФЕДЪ. Господи... Не робь, Настя...

НАСТЯ. Не роблю, хуже звѣря стала... Идемъ въ избу... (Бросается въ избу, къ кровати, за ней Нефедъ. Николай дико смотритъ на нихъ. Настя выдергиваетъ изъ-подъ головы у него подушку, закрываетъ Николаю лицо, хрипло кричитъ Нефеду) Иди же, скорѣй... Подушкой его, сильнѣй дави! (Оба душатъ, пока тѣло Николая не вытягивается. Въ окнѣ за стекломъ лицо юродиваго. Настя и Нефедъ поднимаются, подушка падаетъ, трупъ Николая съ открытыми глазами, оскаленными зубами смотритъ на зрителей)

ГОЛОСЪ ЮРОДИВАГО ЗА ОКНОМЪ. Упокой Господи и покой дай новопреставленному страничку Божію Николаю и прежде усопшимъ Сильвестру, Авдѣю, Петру.

НАСТЯ. (Вздрагиваетъ, оглядывается, видитъ лицо Николая) О-о?!. уйдемъ... (Увлекаетъ за собою Нефеда въ сѣни, оттуда во дворъ)

ЮРОДИВЫЙ. (Входитъ въ сѣни и изъ сѣней въ избу, становится на колѣни передъ Николаемъ) Вонъ какой растрепой ты вырвался отсюда... Ну, теперь все самъ поймешь, поймешь и успокоишься. (Закрываетъ ему глаза, ротъ, складываетъ ему

руки, нѣжно, ласково) Такъ-то, милый, такъ, дорогой мой - все принять надо... Пульки мы всѣ, пульки изъ ружья,— вонъ какъ охотничекъ стрѣляетъ, пульки Божіи, странички Божіи, — Его волю творимъ, пока живемъ, — ничего въ толкъ не возьмемъ, а какъ помремъ—все поймемъ... Вотъ, вотъ... Вотъ и успокоился ты, вотъ и понялъ все... Гляди, какой красавецъ у меня вышелъ...

(Встаетъ и любуется, трупъ Николая съ закрытыми глазами, сжатымъ ртомъ, сложенными на груди руками)

ФЕДОРЪ. (Входитъ тяжело по-стариковски) О, Господи! (Крестится) Опоздалъ... и безъ попа, безъ причастія...

ЮРОДИВЫЙ. И не надо попа, я за попа и денегъ не возьму... (Опускается на колѣни)

(Входятъ бабы, крестятся, подходятъ ближе)

МАТРЕНА. (Замѣчаетъ порошокъ на тулупѣ, незамѣтно стряхиваетъ, про себя) О, глупая баба...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Внутренность избы. Лунная ночь. На столѣ горитъ ночникъ. На полу спятъ Степанъ и Ирина. На кровати Настя съ ребенкомъ. Ирина иногда поднимаетъ голову, посмотритъ на мужа и опять ложится со вздохомъ. Легкій стукъ въ окно. Ирина быстро приподнимается. Въ окнѣ показывается лицо Антона. Ирина осторожно подходитъ къ нему. Разговоръ громкимъ шопотомъ.

АНТОНЪ. (Сурово) Ну, что жъ, долго еще мы будемъ тамъ его дожидаться?

ИРИНА. (Смущенно) Такъ вѣдь... Не хочетъ идти: что я съ нимъ сдѣлаю? Неможется ему, что ли...

АНТОНЪ. А я-то что жъ заяцъ по твоему? Двѣ облавы выдержалъ: третью велишь?! (Нетерпѣливо) Ну, такъ вотъ... Еще пождемъ съ Нефедомъ, а тамъ сюда сами за нимъ придемъ... Пропадать, такъ пропадать всѣмъ...

ИРИНА. О, Господи... Антоша... (Антонъ исчезаетъ, окно опускается) Что жъ мнѣ дѣлать?! (Стоитъ нѣкоторое время, оправляетъ машинально очипокъ, подходитъ къ ночнику, снимаетъ нагаръ, вздыхаетъ и идетъ къ мужу. Тихо, съ тоской) Степанъ, а Степанъ, вставать пора...

СТЕПАНЪ. (Сонно мычитъ)

ИРИНА. (Стоитъ въ забытьи, потомъ встряхивается и опять начинаетъ будить Степана) Вставай же...

СТЕПАНЪ. (Поднимаетъ голову, сердито) Чего вставай? Сказалъ не пойду.

ИРИНА. Какъ не пойдешь? За тебя что ли кто караулить станетъ? Времена, самъ знаешь, нонѣ какія: годъ голодный,—того и гляди амбаръ подломаютъ... Кто отвѣ

чать будетъ? Люди на тебя надѣются, а ты тутъ спишь. (Въ сторону съ тоской) О, Господи, что только говорю...

СТЕПАНЪ. (Встаетъ, молча собирается. Ирина подаетъ ему азямъ, затѣмъ поясъ, которымъ Степанъ туго подпоясывается, подаетъ палку, шапку, колотушку. Степанъ оглядывается и въ полъ-оборота къ двери угрюмо говоритъ женѣ) Благословляй...

ИРИНА. (Упавшимъ голосомъ) Съ Богомъ!

(Степанъ уходитъ, Ирина быстро идетъ къ окну и прильнувъ къ нему лицомъ, провожаетъ глазами мужа. Отходитъ отъ окна и съ гримасой тошноты тупо смотритъ передъ собой. Идетъ къ постели, оправляетъ очипокъ, ложится и нѣкоторое время лежитъ безъ движенія... Порывисто вскакиваетъ и съ лицомъ ужаса шепчетъ, ломая руки: «Господи, Господи», идетъ къ лавкѣ, садится и опять впадаетъ въ столбнякъ).

НАСТЯ. (Поднимается, сонно качаетъ ребенка) Что не спишь?

ИРИНА. (Укоризненно) Ушелъ...

(Настя сонно опускаетъ голову къ ребенку, засыпаетъ и валится на подушку).

ИРИНА. (Вскакиваетъ) Ой, тоска... (Бросается къ окну, растворяетъ его, высовываетъ голову и прислушивается, поворачивается къ Настѣ) Настя, Настя... Ой, не могу! (Бросается къ окну) Братецъ, братецъ... Люди... Ой, ой, тоска... Не могу.. тоска... чуетъ сердце... (Съ воплемъ) убили Степана!

СОННЫЙ ГОЛОСЪ. (За сценой) Кого убили?

ИРИНА. (Ревущимъ голосомъ) Бѣги, братецъ, бѣги скорѣе къ амбарамъ... скорѣй, какъ можно... чуетъ сердце... Ой, ой, ой...

(На улицѣ сперва рѣдкіе голоса: „айда, ребята, слышь, Степана убили“, „айда“, „айда“, „бѣжать надо“, за окномъ пробѣгаютъ беззвучно босые крестьяне, безъ шапокъ, затѣмъ все стихаетъ)

ИРИНА. (Напряженно прислушивается)

ГОЛОСЪ ЮРОДИВАГО. Упокой Господи и покой дай

новопреставленному странничку Божію Степану (Ирина вскрикиваетъ и падаетъ) и всѣмъ раньше усопшимъ страничкамъ твоимъ Сильвестру, Авдѣю, Петру.

(Сильный шумъ. Голоса: «убили», «убили», «амбаръ подломали». «На телѣгахъ пріѣзжали»)

ГОЛОСЪ ФЕДОРА. О, Господи, Господи...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація I-го дѣйствія. У волостного правленія группа крестьянъ сидятъ на землѣ, на корточкахъ, прижавшись къ стѣнѣ, лежатъ. Народъ постоянно прибываетъ.

НИКИФОРЪ. (Не спѣша, пытливо обводя глазами всѣхъ) Ну, вотъ смагинскіе и посылали развѣдчиковъ: какъ, что, почему? Дѣйствительно и вышло: и грамота и землю подѣлили и другое все прочее...

ИВАНЪ. А за что жъ ихъ усмиряли? И выходитъ—смутьяны...

НИКИФОРЪ. (Помолчавъ) А вотъ ты не смутьянъ,—поди, да разскажи, кому надо, что я вотъ тутъ про грамоту калякую,—будешь вовсе умникомъ...

ИВАНЪ. (Смущенно) Мнѣ что доносить?

НИКИФОРЪ. А не доносчикъ, такъ ты и слушай, что говорятъ тебѣ. Чать, свои люди развѣдчики,—аль чужіе? Врать тебѣ что ли станутъ? Своими глазами видѣли своими ушами слышали. Понялъ? А почему все остальное прочее—тоже понять не мудро...

ЕГОРЪ. (Сплевывая) И очень даже не мудро...

ПЕТРЪ. Ну, а какъ же они нарѣзку земли и прочаго дѣлали?

НИКИФОРЪ. Каждая деревня по своему: гдѣ лаской, гдѣ таской. Хорошій онъ,—хорошій и будетъ.

ПЕТРЪ. Ну, а хоть бы у насъ—Красныя Горки, всего-то дворовъ пятьдесятъ, а земли три тысячи. Тутъ на дворъ сколько придетъ? По десяти ежели десятинъ,

пятьсотъ, еще по десяти—тысяча, еще тысяча, да еще шестьдесятъ десятинъ—на-ка! а въ Куроѣдовкѣ кругомъ только казенная... Имъ откуда взять?

никифоръ. (Пренебрежительно) Дура... Казенную нарѣзываютъ и сейчасъ.

голосъ. (Съ горечью) Нарѣзываютъ-то такъ, да страннимъ... А ты тутъ сиди, да кусай локти: и близко, да не ухватишь...

петръ. (Блаженно) Эхъ, и дѣло бы вышло какое... Только подумать. (Толпа задумывается)

иванъ. (Горячо, рѣзко) Никогда не выйдетъ... Въ жисть не выйдетъ!

никифоръ. Почему?

иванъ. Нѣтъ, не сойдется...

никифоръ. А почему у людей сходится?

петръ. (Мечтательно) Красногорцамъ-то благодать: поля какія—ровныя, а въ каждомъ полѣ—водопой, луга: царство небесное, помирать не захотятъ.

торговецъ. (Выходитъ съ Андреемъ. Андрею скороговоркой) Такъ ты такъ и удѣлывай.

андрей. Будь безъ сумлѣнія.

торговецъ. Еще разъ имъ накажи потверже, чтобъ не спутались: мельница сто, сѣнокосъ — семьсотъ, ну, хоть восемьсотъ.

(Во время дальнѣйшаго Андрей поодиночкѣ шепчется то съ тѣмъ, то съ другимъ крестьяниномъ. Иногда къ нимъ примыкаетъ третій. Этого третьяго или принимаютъ въ разговоръ, или Андрей рѣзко говоритъ: «тебѣ чего?» и отходитъ съ говорящимъ отъ подошедшаго)

торговецъ. (Подходя къ сидящей группѣ) Миръ вамъ...

голоса. Милости просимъ.

торговецъ. (Садится на ступеньки крыльца) Э-хе-хе... Ну, какъ дѣла?

НИКИФОРЪ. (Не торопясь) Дѣла, какъ сажа бѣла...

ТОРГОВЕЦЪ. Что такъ?

НИКИФОРЪ. Не уродило,—околѣвать будемъ зимой...

ТОРГОВЕЦЪ. А Богъ?

НИКИФОРЪ. Богъ-то, можно сказать, и сыскалъ насъ...

ТОРГОВЕЦЪ. Какъ такъ?

НИКИФОРЪ. А такъ. (Учитель выходитъ на свое крыльцо и садится на ступеньки). Сѣвъ въ самую Пасху угодилъ: Страстная да Пасха, а тутъ засуха, холода,—сѣмена мѣсяцъ и пролежали въ землѣ, а тамъ жары, да вѣтра... Только вотъ на купеческихъ земляхъ, что до Пасхи сѣяли, и хлѣбъ, а на своей—хоть шаромъ покати.

ТОРГОВЕЦЪ. Больно ужъ вы до праздниковъ охочи.

УЧИТЕЛЬ. Нѣтъ, тутъ не ихъ вина. Они (указываетъ рукой на крестьянъ) ходили къ батюшкѣ разрѣшенія просить работать въ праздникъ.

ТОРГОВЕЦЪ. Ну?

УЧИТЕЛЬ. (Торжествующе) Ну, вотъ и разскажите господину, что онъ вамъ отвѣтилъ.

НИКИФОРЪ. Что отвѣтилъ? Безъ разрѣшенія Синода не можетъ.

УЧИТЕЛЬ. А вся сила въ томъ, что на Страстной говѣнье, а на Пасху молебны—главный доходъ батюшки.

ТОРГОВЕЦЪ. А вамъ удобно потѣшаться такъ надъ батюшкой?

УЧИТЕЛЬ. Кто потѣшается?

ТОРГОВЕЦЪ. То-то кто... Неудобно какъ будто, а вамъ, учителю, и особенно.

УЧИТЕЛЬ. Такъ вѣдь что жъ я? Я къ батюшкѣ съ полнымъ уваженіемъ. Я говорю только, что если бъ духовенство получало жалованье вмѣсто сборовъ... а также по новому бы календарю справляли Пасху, — въ этомъ году, напримѣръ, за границей Пасха на двѣ недѣли раньше, — я справлялся за двѣнадцать лѣтъ, — только

два года совпало, а остальные года тамъ удобнѣе: или до сѣва или послѣ сѣва... Пишутъ, вотъ, про новый календарь,—какъ народъ его приметъ, а народъ съ радостью...

торговецъ. Одначе... Батюшка, что жъ, одобряетъ вотъ этакіе ваши разговоры?

учитель. Что жъ, по вашему, мнѣ на каждый разговоръ испрашивать разрѣшеніе?—это первое, а второе—я и не учитель больше: я въ винную лавку опредѣлился. Развѣ можно жить на мое жалованье? (Встаетъ и уходитъ)

торговецъ. Ну, въ винную и съ Богомъ: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше.

никифоръ. Извѣстно... Ладно, кто можетъ куда податься... а намъ вотъ какъ на цѣпи у пустого пойла... Тутъ только околѣвать...

голосъ. Желудевый квасъ пить, да мякину съ хлѣбомъ пополамъ жевать.

голосъ. А ты скажи: и то слава Богу, еще будетъ...

торговецъ. Плохо-то, плохо... Не знаю, старики, можетъ и не покажется вамъ моя рѣчь, а только и въ васъ вѣдь много причины... Ну, вотъ гляжу я, какъ землю вы обихаживаете: вонъ какіе комья,—такъ, поцарапали кое-какъ и ладно: и въ хорошій годъ—чего тутъ ждать, а вотъ этакій придетъ...

никифоръ. Такъ-то такъ, да на все причина есть: сегодня дѣлить, завтра дѣлить... Нынѣ хорошій пахарь угодитъ: самъ хорошъ, сбруя хорона, скотина хорона,—выходитъ, какъ надо, землю. А на будущій годъ досталась она маломощному: и самъ плохъ и лошаденка—брюхо соломой набито, отъ вѣтру валится—перегадитъ землю,—на десять лѣтъ она не кормилица.

голосъ. (Нервно) Отбилась земля, на вовсе отбилась.

голосъ. (Еще горячѣе) Перестала родить, какъ пустая утроба.

никифоръ. (Медленно, раздѣльно) Земля, какъ баба, по рукамъ пошла (машетъ рукой) непотребной стала...

торговецъ. Сказать бы другой не понимаетъ, а вотъ и сами вѣдь смекаете, въ чемъ тутъ дѣло: ну и раздѣлите на года землю...

голосъ. (Иронически) Какъ нашъ миссіонеръ тогда: далась имъ на года...

никифоръ. (Пренебрежительно) Дѣлили... Не такъ просто все это... Міръ не одинъ человѣкъ, — всѣхъ не сообразишь... Тотъ номеръ, у того сынъ выросъ, третій изъ солдатъ пришелъ, тому плохая земля досталась, десятому прямо булгу надо сдѣлать... Какъ ни бейся, дѣлить опять надо... А со стороны все просто, — какъ говорится,—чужую бѣду руками разведу.

торговецъ. Опять водка губитъ вашего брата.

никифоръ. Губитъ... И опять ничего не подѣлаешь: воръ всякій къ людямъ съ отмычкой идетъ, а къ міру съ водкой. Опять, если выпить: за пустую посуду пойдешь пятачекъ получать, а глаза разбѣгаются: много ее еще на стойкахъ,—дай-ка еще... А тутъ опять опросталась посудка: она, какъ удочка, глядишь и выудитъ всѣ деньги изъ кармана. Что говорить: умно придумано...

староста. Ну, что же, старики, собрались? Начинать что ли сходъ?

голоса. Такъ что, начинай... (Встаютъ)

староста. (Чешетъ въ затылкѣ) Несетъ нелегкая... (Показываетъ на идущаго приказчика)

никифоръ. Это черный воронъ птица...

приказчикъ (Подходя, снимаетъ шапку) Здраствуйте, старики.

(Крестьяне молча киваютъ, кто снимаетъ шапку, окружаютъ приказчика)

СТАРОСТА. (Здороваясь за руку, приказчику) Дѣло что ли есть?

ПРИКАЗЧИКЪ. Есть небольшое отъ хозяина.

СТАРОСТА. Ну, вотъ, старики, слушайте: Шибаева кунца приказчикъ волю вамъ свою объявить хочетъ.

ПРИКАЗЧИКЪ. Не свою: моя бы воля, хоть даромъ бери землю.

ГОЛОСА. Понять можно.

ПРИКАЗЧИКЪ. Мое дѣло у хозяина, можетъ, еще хуже вашего.

НИКИФОРЪ. А ты бы когда самого приволокъ покалякать съ нами. (Смѣхъ. Голоса: «вотъ, вотъ», «давно ждемъ», «милости просимъ», «въ оврагъ бы живо стащили за заднія ноги»)

СТАРОСТА. А вы тише тамъ, чего гавкаете? Пустыми рѣчами тѣшиться успѣете.

ПРИКАЗЧИКЪ. Вотъ, старики, приказъ хозяина: деньги за землю несите, — безъ этого сноповъ не велѣно отпускать... Кто не взнесъ...

ГОЛОСА. (Строптиво) А кто взнесъ?

ГОЛОСА. (Азартно) Кто взнесъ? Никто... съ какихъ до статковъ взносить-то?

СТАРОСТА. (Спокойно) Ну, никто, такъ никто, чего галдѣть-то...

ГОЛОСЪ. А дожди пойдутъ... Хлѣбу гнить что ли?..

ПРИКАЗЧИКЪ. Кто желаетъ молотить, запрету нѣтъ отъ хозяина,— только зерно въ хозяйскій амбаръ — видали, выстроили?

НИКИФОРЪ. (Иронически) Какъ не видать? Какъ по Евангелію: не сѣетъ, не жнетъ, а въ житницы сыплетъ...

СТАРОСТА. (Никифору) Ты еще тутъ что? И посѣва твоего тамъ нѣтъ...

НИКИФОРЪ. Такъ что жъ, что нѣтъ,—у людей есть. Запретишь мнѣ что ли говорить?

СТАРОСТА. Говори, пожалуй, бей боталомъ, доколь не распухло.

НИКИФОРЪ. Ладно, дай срокъ и твои шашни раскросмъ...

СТАРОСТА. (Иронически) И такъ! охъ, испугался... Ну, вотъ говори, какія такія шашни, говори при народѣ, а я, кому надо, про твои разскажу...

НИКИФОРЪ. (Смущенно) Попробуй!

СТАРОСТА. Шляются тамъ по заводамъ, набалуются... На вотъ тебѣ, дослужился: шашни... съ вами, со всѣми вашими дѣлами только и наживешь голову съ котелъ... На, садись на мое мѣсто, хоть сейчасъ, своди, какъ знаешь, всѣ дѣла, коли выберутъ, а я погляжу...

ПРИКАЗЧИКЪ. Такъ вотъ, старики, и срокъ выкупа: Покровъ...

ГОЛОСЪ. Этакъ: какъ разъ, когда ни цѣны — барки всѣ ужъ уйдутъ тогда, ни дорогъ за дождями не будетъ, — ловко...

ГОЛОСЪ. И хлѣба всего тогда не хватитъ за землю только заплатить. А работа, а сѣмена, это ужъ все прими, значитъ, купецъ, Христа ради, пожалуйста, а мы съ дѣтками въ твою славу и желудевымъ квасомъ да мякиной сыты будемъ.

ГОЛОСЪ. Что ужъ говорить? ловко... Хуже, чѣмъ въ крѣпостное время. Тамъ хоть половина работы на людей была, а тутъ вся!

ГОЛОСЪ. Достать бы его самого, — хоть разокъ пріѣхалъ бы...

ГОЛОСЪ. Онъ тебѣ пріѣдетъ...

СТАРОСТА. Ну, что опять за пустое взялись... Такъ вотъ слышали? (Приказчику) Ну и съ Богомъ, — дѣлъ много еще... (Отводитъ его въ сторону) Такъ за снопами я пришлю?

ПРИКАЗЧИКЪ. Ладно, ладно.

СТАРОСТА. То-то...

ПРИКАЗЧИКЪ. Ну, до увиданья, старики, я пошелъ...

ГОЛОСА. (Иронически) Съ Богомъ...

СТАРОСТА. (Смотритъ на подходящихъ бабъ, изможденныхъ, плохо одѣтыхъ) На вотъ тебѣ: вдовъ-сиротъ несетъ еще... (Подходящимъ бабамъ) Чего вамъ?

ОДНА ИЗЪ БАБЪ. (Кланяясь, смиренно) Мы къ міру...

СТАРОСТА. Ну?

ОДНА ИЗЪ БАБЪ. (Нерѣшительно) Просить земельки подъ яровое хотимъ... хоть по осьминничку бы.

СТАРОСТА. На вотъ тебѣ... Да на что вамъ земля, глупый народъ? У мужика дѣло отбивается, что-у васъ выйдетъ? Васъ вонъ двадцать три человѣка. Двадцать три осьминника, — шесть десятинъ, — шестьдесятъ рублей. Сѣмена? Нѣту... Опять, значитъ, по міру? Вспахать, посѣять, сжать? Опять міромъ, водкой? А водку опять Христа ради, а уродитъ, какъ нынѣ? а двѣсти рублей уже у міра выбрано. Да за землю-то выкупное опять міру платить (Раздраженно) ну, убирайтесь, — ровно дѣти малыя, думаете, безъ васъ тутъ мало дѣла? Христарадничаете и знайте свое...

БАБІЙ ГОЛОСЪ. (Глухой, измученный) А ты думаешь, легко христарадничать?

СТАРОСТА. Легко? А ты думаешь міру легче? Некому безъ васъ стричь его? Скубутъ... Какъ собаку паршивую, съ петлей на шеѣ, есть кому кромѣ васъ топить. (Раздраженно) Ну, идите... (Бабы разводятъ руками и медленно отходятъ, остается Ирина. Ирина, низко кланяясь, останавливается, потому что торговецъ отводитъ старосту въ сторону)

ТОРГОВЕЦЪ. (Озабоченно) Боюсь я, какъ бы этотъ Никифоръ не спуталъ намъ дѣло?

СТАРОСТА. Гм... дай срокъ, отойди пока... Никифоръ, подь сюда на часокъ... (Никифоръ подходитъ, дружелюбно ему)

Слышь, вчера земскій, а понѣ урядникъ пріѣхалъ,—про тебя все пытаютъ...

НИКИФОРЪ. (Смущенно) Ну?

СТАРОСТА. Уйти бы тебѣ до времени на заводъ...

НИКИФОРЪ. Такъ что...

СТАРОСТА. Пока ищутъ тебя, пока что, а твой ужъ и слѣдъ простылъ... Ты такъ, непримѣтно...

НИКИФОРЪ. (Отходитъ задумчиво къ толпѣ, погодя незамѣтно исчезаетъ)

СТАРОСТА. (Манитъ проходящаго Андрея) Ты насчетъ Антона-то приготовилъ все?

АНДРЕЙ. (Возбужденно) Все, все... Уряднику какъ сказалъ, что отъ этакого дѣла въ становые онъ выскочитъ,—на стѣну лѣзетъ... Вѣдь все на виду: кому другому надо было убивать его? Амбаръ подломалъ, зерно раскидалъ, слѣдъ будто телѣги,—а зерно все въ амбарѣ... Кому зерно надо, станутъ ли сторожка еще убивать? Ну, тамъ свяжутъ для порядка, да кляпъ въ ротъ... Только отпускайте скорѣе Прину...

СТАРОСТА. Не задержимъ... То-то глядн... Міръ не подведи... Согласіе Антону, значитъ, дадимъ?

АНДРЕЙ. Давайте, давайте... Не сумлѣвайтесь... Какъ придетъ, тутъ и кричи насъ.

СТАРОСТА. (Отходя) Ладно... (Ринѣ) Ну?

РИНА. (Опять кланяется) Я къ вамъ, старики, недоимка послѣ мужа осталась,—то все была тридцать два рубля, а тутъ на шестьдесятъ семь выскочила...

ПИСАРЬ. Такъ ты что же считаешь? Начетъ что ли на тебя міръ сдѣлалъ?

РИНА. Ничего я, батюшка, не считаю, а только міръ прошу: нельзялн ослобонить... Землю отняли, видно, Богъ съ вами, а продадите послѣднюю скотину, чѣмъ стану хозяйничать? (Вдовы робко подходятъ ближе)

СТАРОСТА. А тебѣ что хозяйничать? Что ты за цаца про-

тивъ людей? (Показываетъ на вдовъ) Всѣ Христовымъ именемъ кормятся, а ты одна будешь домовничать?

ОДНА ИЗЪ ВДОВЪ. (Вздыхая) Видно, больше людей хочетъ быть...

ИРИНА. (Кланяется въ землю) Пожалѣйте, старики...

ГОЛОСЪ. Мы тебя пожалѣемъ, а насъ кто пожалѣетъ?

ИРИНА. Отсрочку хоть дайте.

ГОЛОСЪ. Пока проѣшь все?

СТАРОСТА. Чего пустое толковать? Все равно не миновать тебѣ Христовымъ именемъ кормиться. Баба, кажись, умная, а лѣзешь. Не видишь: міръ. Чать, слыхала же присказку: міръ, что волкъ,—что въ пасть попало, то говори пропало... Чего мучить-то себя да дуру валять безъ толку?

(Ирина встаетъ).

АНДРЕЙ. (Наклоняясь къ Ринѣ) Урядникъ тебя что-то кличетъ.

ИРИНА. (Упавшимъ голосомъ) Ой, батюшки! Гдѣ?

АНДРЕЙ. Въ избѣ у меня. А ты иди, не бойся.

ИРИНА. (Запирая) Охъ, боюсь...

(Толпа смотритъ на нее во всѣ глаза, Ирина медленно съ опущенной головой уходитъ. Входитъ Федоръ, Матрена съ тремя подростками: двое мальчиковъ, меньшая дѣвочка)

МАТРЕНА. (Бодрясь, весело) Ну, старики, прощайте, лихомъ не поминайте. (Низко кланяется)

ГОЛОСА. Ты куда?

МАТРЕНА. Да вотъ въ городъ... У пустого поѣла, пожалуй, стой,—зима придетъ и одежонки теплой нѣтъ, чтобы хоть Христовымъ именемъ кормиться... Только пухнуть въ избѣ съ голоду и останется.

ГОЛОСЪ. А въ городѣ лучше?

МАТРЕНА. Тамъ что Богъ дастъ... Народу тамъ все-таки побольше здѣшняго, да и не землей одной кор-

мятся... Тамъ и кузнецы и столяры и мало ли тамъ всякихъ заведеній,—можетъ и разберутъ, Христа ради, ребятъ-то, а сама стряпкой тамъ что ли,—Богъ не безъ милости, проживемъ какъ-нибудь...

голосъ. Не робкая же ты... Мужику и то страшно подумать, какъ отъ земли оторваться, а на вонъ тебѣ: баба, да трое ребятишекъ...

матрена. Вамъ, старики, оторваться еще надо отъ земли, а меня вы, спасибо, оторвали ужъ... Съ голоду моя храбрость. Нечего больше терять. Бывало, покойникъ мой говорилъ: „вотъ, Матрена, полторы тыщи выкупныхъ ужъ уплатилъ". Думала тогда, хоть и бьетъ, хоть и въ грошъ не ставитъ меня мой богоданный, да дѣткамъ будетъ хорошо. И жнетъ, бывало, Матрена, не разгибая спины... Въ волчью пасть пала работа Матрены. Не обезсудьте, старички,—старосты нашего умное слово,—примите же, Христа ради и мою работу, хоть работой на людей и донила до того, что дѣтокъ, пожалуй, живыхъ въ могилу клади. (Вытираетъ слезы)

голосъ. А вотъ вырастутъ,—приводи ихъ и получать опять свою долю.

матрена. (Весело) Нѣтъ, ужъ, старички, такъ надѣюсь, что въ ловушку вашу не попадутъ мои дѣтки: Богъ не безъ милости, научатся свой собственный хлѣбъ ѣсть,—такой, что и дѣтямъ своимъ передадутъ... Въ мѣщане выпишусь, буду, какъ люди: что мое—мое, а не такъ: твое—мое, а мое не твое. Теперь я на полторы тысячи какую бы лавчонку открыла, а такъ... ни мнѣ, (Машетъ рукой) да и ни вамъ, старики... хоть и кормитесь вы нами, сиротами да вдовами, да видно не мимо же: на чужомъ горѣ тоже далеко не уѣдешь. Не обезсудьте: простите, Христа ради... Кланяйтесь, дѣтки... (Кланяются земными поклонами)

староста. И уходи съ Богомъ, да вотъ забрала бы

и этихъ... (Указываетъ на вдовъ) еще десятка четыре тебѣ прикинули бы добра всякаго...

АКИМЪ. (Вздыхаетъ). Подсыпали бы!

МАТРЕНА. (Добродушно) А можетъ и сами придутъ, какъ съ цѣпи оборвутся какъ я...

ТОРГОВЕЦЪ. (Смѣется) Ну и баба!

СТАРОСТА. (Машетъ рукой, весело) Бѣды! вотъ такъ одинъ попадись къ нимъ,—какъ въ крапиву... (Смѣется, смѣхъ въ толпѣ)

ГОЛОСЪ. Осы настоящія...

ГОЛОСЪ. Или вотъ какъ вороны на ястреба въ небѣ накинутся: и въ голову и такъ и сякъ наровятъ его...

ГОЛОСЪ. И безъ порошка засушатъ...

ТОРГОВЕЦЪ. Какого порошка?

СТАРОСТА. А вотъ бѣлаго, что крысъ морятъ... Это у нихъ первая мода: въ три мѣсяца высушатъ и въ гробъ уложатъ.

БАБА. (Съ изможденнымъ лицомъ, поводитъ страшными глазами, замогильнымъ голосомъ) А иначе какъ съ вашимъ братомъ?

СТАРОСТА. (Торговцу) Слышь, каркаетъ?.

ДАРЬЯ. (Матренѣ) Господи, Господи, и какъ это ты съ малыми ребятишками да еще на зиму глядя пой день?..

МАТРЕНА. (Вытирая слезы) О - о, милостивъ Богъ... Дядя Федоръ до города доведетъ... Айда, дѣтки, айда, милыя! (Идетъ и плачетъ)

(Бабы, вдовы идутъ за ней и тоже плачутъ, иныя громко причитаютъ)

ФЕДОРЪ. (Идетъ послѣдній, осторожно, точно боится раздавить кого-нибудь, кланяясь на ходу на всѣ стороны) Простите, Христа ради...

СТАРОСТА. (Добродушно къ подросткамъ) Да вотъ и этихъ стрекулистовъ бы забрала... Брысь, проклятые! (Тѣ весело отекакиваютъ) Духъ надъ губой не показался еще, а ужъ цыгарки, да водка, да Аленки изъ ума не идутъ... Дай

срокъ, всѣмъ вамъ, какъ Никиткѣ, одинъ конецъ будетъ,—будете съ портняжками гнить по тюрьмамъ, давней тамъ кормить...

торговецъ. Ну, что жъ, староста, пора бы и за дѣло,—время идетъ...

староста. Что дѣло? Дѣло не медвѣдь—въ лѣсъ не уйдетъ... Вишь парша всякая одолѣваетъ... И дѣла не дѣлаемъ, а время идетъ... Тьфу ты! Вотъ и еще нелегкая несетъ.

(Входитъ письмоводитель, за нимъ паренъ, съ четвертною бутылью водки и стаканомъ. Проходятъ Нефедъ съ Настей. Настя невеселая, равнодушная)

Андрей. (Проходя изъ своей избы Нефеду) Подь-ка сюда на часокъ... (Поворачивается назадъ и ведетъ Нефеда къ своей избѣ. Настя нѣкоторое время стоитъ и машинально идетъ за ними. Письмоводитель, подходя, здоровается за руку съ торговцемъ)

письмоводитель. Антону Павлычу!

торговецъ. (Радостно) Николаю Иванычу! (Трясутъ за руку другъ друга) Марья Ивановна?

письмоводитель. Благодаримъ васъ! Анфиса Семеновна?

торговецъ. Благодарю васъ! Дѣтки? Сроднички?

письмоводитель. Слава Богу, всѣ живы, здоровы... Ваши какъ?

торговецъ. Что имъ дѣлается?—жуютъ хлѣбъ. Напасай только...

письмоводитель. Ѣхать назадъ будете,—загляните.

торговецъ. Всенепремѣнно.

письмоводитель. (Съ достоинствомъ, крестьянамъ) Вотъ, старики, на помочь въ воскресенье звать васъ велѣно. Вотъ и по стаканчику велѣно вамъ поднести, если согласны, такъ сейчасъ что ли?

староста. Согласны-то ужъ, согласны,—куда дѣнутся? Вотъ только чего: водку-то ужъ сразу всю бы

нить... Мы вотъ чего... живой рукой кончимъ дѣла, а пока что вы айдате ко мнѣ въ избу, да накажите тамъ бабѣ самоварчикъ согрѣть, а тутъ и мы поспѣемъ,—глядишь и съ купцомъ за новое дѣло бутылочку раздавимъ красненькой.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. Ладно. (Письмоводитель съ парнемъ уходятъ)

ТОРГОВЕЦЪ. Ну, поскоряя.

СТАРОСТА. Вотъ еще послѣдній. (Входитъ Антонъ) (Тихо одному крестьянину) Бѣги къ Андрею,—скажи: пришелъ...

АНТОНЪ. (Кланяется сходу) Надумалъ я, старики, на вовсе у васъ въ селѣ остаться... (Толпа угрюмо молчитъ)

СТАРОСТА. Ну, что жъ? На вовсе, такъ на вовсе.

АНТОНЪ. Кажись, я міру ничѣмъ не согрубилъ... Что тамъ съ Степаномъ, да съ его родней было, то и поминать нечего,—прошло и прахомъ замело...

СТАРОСТА. Видно этакъ: концы всѣ въ воду.

АНТОНЪ. Я хочу, старики, къ вашему обществу приписаться. Если насчетъ водки, такъ я, сколько міръ велитъ...

СТАРОСТА. (Вздыхая) Въ водкѣ-то хоть купайся.

РАЗДРАЖЕННЫЙ РѢЗКІЙ ГОЛОСЪ. Такъ неужли такъ за водку все и продавать? Неужто и вовсе правды нѣтъ на землѣ... Что ужъ это? Кого хотимъ принимать къ себѣ, старики?!

СТАРОСТА. (Разставивъ ноги, сложивъ руки, говорящему) Вотъ дуракъ...

ГОЛОСЪ. Почему дуракъ? Самъ ты дуракъ?

СТАРОСТА. Я-то, знамо, дуракъ, что съ такими дураками связался...

ГОЛОСА. (Возражавшему) А ты дай срокъ,—помолчи.

СТАРОСТА. Дай человѣку сказать слово: пожалуйста дай,—а тамъ хоть до ночи ругайся.

АНТОНЪ. Хочу я, старики, вѣрой и правдой вамъ

служить. Бога вамъ въ свидѣтели зову... Заслужу я предъ вами. (За спиной Антона появляется урядникъ) Будете за мной, какъ за каменной горой, — всѣ плутни и шашни, какими міръ за носъ водятъ, знаю я, а мнѣ ничего не надо... Грѣхи только зажить хочу.

УРЯДНИКЪ. Ты что ль Антонъ Лѣсогубовъ?

АНТОНЪ. (Поворачивается, надменно) Ну, хоть и мы?

УРЯДНИКЪ. Да вотъ обвиненіе противъ тебя, что убилъ Степана Шиповалова.

АНТОНЪ. (Мрачно, помолчавъ) Еще что?

УРЯДНИКЪ. Ну, полно,—всѣ вѣдь ужъ повинились.

АНТОНЪ. Ладно, ври другому...

УРЯДНИКЪ. (Пожимаетъ плечами, кричитъ) Эй, тамъ, ведите ихъ сюда.

(Входятъ съ путами на рукахъ и ногахъ Ирина, Настя, Нефедъ)

АНТОНЪ. Ну? Чего они наврали тебѣ?

ИРИНА. (Антону) Охъ, ты Господи! (Показываетъ на урядника) Вѣдь онъ же самъ запуталъ меня, — сказалъ, что во всемъ ты повинился...

АНТОНЪ. (Презрительно Нефеду) Ну тѣ, бабы, дуры, а ты-то...

НЕФЕДЪ. Такъ вѣдь я что? (Показываетъ на Настю) Она сама все и выложила.

НАСТЯ. А мнѣ что здѣсь въ этомъ пеклѣ одной что ль оставаться? Нефедку запутали въ Иринино дѣло. (Показываетъ на урядника) Онъ Нефедкѣ батъ: „сошлютъ тебя“. А я и пытаю его: „а меня“? А онъ: „а тебя-то за что?“ Я и сказала про свое дѣло.

ИРИНА. (Антону, показывая на урядника) Они говорятъ, что за полное признаніе только на поселеніе,—всѣхъ вмѣстѣ и погонятъ насъ.

АНТОНЪ. (Дико оглядывается) О, дуры... И поселенія-то нынче никакого нѣтъ: каждому изъ васъ въ своей

ямъ гнить доведется, а то на Сахалинѣ за душегубцевъ опять сплкомъ замужъ повыдаютъ, — только и видѣли другъ дружку.

НАСТЯ. (Съ воплемъ) Нефедушка! О-ой! Такъ вотъ оно какое мое пришло царство...

АНТОНЪ. (Показываетъ на урядника) Онъ, дрянь, вамъ вретъ все...

УРЯДНИКЪ. Ладно: хватайте его!

АНТОНЪ. (Нѣсколько человѣкъ: Андрей, Акимъ и другіе бросаются на него сзади, онъ дѣлаетъ энергичное движеніе, вырывается, въ рукѣ его ножъ) Прочь, шушера проклятая! (Медленно оглядываясь) Жилъ, какъ хотѣлъ и умру, какъ хочу. Оставайся, кому не надоѣло! (Быстрымъ движеніемъ перерѣзываетъ себѣ горло и падаетъ. Ирина съ воплемъ закрываетъ себѣ лицо руками. Настя дико смотритъ)

ЛЮБУШКА. (Круто поворачивается къ своей избѣ) Бабушка?! (Опрометью бѣжитъ съ воплемъ) Зарѣзался... (Не добѣгая до избы, падаетъ)

БАБУШКА. (Выскакиваетъ изъ избы, бросается къ ней) Дитятко?!

(Юродивый озабоченно пробирается къ трупу)

ЗАНАВѢСЪ.

М. ГОРЬКІЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

I.

...Въ часы усталости духа,—когда память оживляетъ тѣни прошлаго и отъ нихъ на сердце вѣетъ холодомъ,—когда мысль, какъ безстрастное солнце осени, освѣщаетъ грозный хаосъ настоящаго и зловѣще кружится на одномъ мѣстѣ, безсильная подняться выше, летѣть впередъ;—въ тяжелые часы усталости духа, силою моего воображенія, я вызываю предъ собоїї величественный образъ Человѣка!

Человѣкъ! Точно солнце рождается въ груди моеї, и въ яркомъ свѣтѣ его, необъятный, какъ міръ, медленно шествуетъ—впередъ! и—выше! трагически прекрасный Человѣкъ!

Я вижу его гордое чело и смѣлые, глубокіе глаза, а-въ нихъ—лучи безстрашноїї, мощноїї Мысли, тоїї Мысли, что постигла чудесную гармонію вселенноїї, тоїї величавоїї силы, которая въ моменты утомленья—творитъ Боговъ, въ эпохи бодрости—ихъ низвергаетъ

Затерянный среди пустынь вселенноїї, одинъ на маленькомъ кускѣ земли, несущемся съ неуловимоїї быстротою куда-то въ глубь безмѣрнаго пространства, терзаемый мучительнымъ вопросомъ—„зачѣмъ онъ существуетъ?“—онъ мужественно движется—впередъ! и—выше! по пути къ побѣдамъ надъ всѣми таїнами земли и неба.

Идетъ онъ, орошая кровью сердца свой трудный, одинокій, гордый путь, и создаетъ изъ этоїї жгучеї

крови—поэзіи нетлѣнные цвѣты; тоскливый крикъ души своей мятежной онъ въ музыку искусно претворяетъ, изъ опыта—науки создаетъ и, каждымъ шагомъ украшая жизнь, какъ солнце землю щедрыми лучами,—онъ движется все—выше! и—впередъ! звѣздою путеводной для земли...

Вооруженный только силой Мысли, которая то молніи подобна, то холодно-спокойна, точно мечъ,—идетъ свободный, гордый Человѣкъ далеко впереди людей и выше жизни, одинъ—среди загадокъ бытія, одинъ среди толпы своихъ ошибокъ... и всѣ онѣ ложатся тяжкимъ гнетомъ на сердце гордое его и ранятъ сердце, и терзаютъ мозгъ, и, возбуждая въ немъ горячій стыдъ за нихъ, зовутъ его—ихъ уничтожить.

Идетъ! Въ груди его ревутъ инстинкты, противно поетъ голосъ самолюбья, какъ наглый нищій требуя подачки, привязанностей цѣпкія волокна опутываютъ сердце, точно плющъ, питаются его горячей кровью и громко требуютъ уступокъ силѣ ихъ... всѣ чувства овладѣть желаютъ имъ, все жаждетъ власти надъ его душою.

А тучи разныхъ мелочей житейскихъ подобны грязи на его дорогѣ и гнуснымъ жабамъ на его пути.

И какъ планеты окружаютъ солнце—такъ Человѣка тѣсно окружаютъ созданья его творческаго духа: его—всегда голодная—Любовь; вдали, за нимъ, прихрамываетъ Дружба; предъ нимъ идетъ усталая Надежда; вотъ Ненависть, охваченная Гнѣвомъ, звенитъ оковами терпѣнья на рукахъ, а Вѣра смотритъ темными очами въ его мятежное лицо и ждетъ его въ свои спокойныя объятья...

Онъ знаетъ всѣхъ въ своей печальной свитѣ—уродливы, несовершенны, слабы созданья его творческаго духа!

Одѣтыя въ лохмотья старыхъ истинъ, отравленныя ядомъ предразсудковъ, они враждебно идутъ сзади Мысли, не поспѣвая за ея полетомъ, какъ воронъ за орломъ не поспѣваетъ, и съ нею споръ о первенствѣ ведутъ и рѣдко съ ней сливаются они въ одно могучее и творческое пламя.

И тутъ же—вѣчный спутникъ Человѣка—нѣмая и таинственная Смерть, всегда готовая поцѣловать его въ пылающее жаждой жизни сердце.

Онъ знаетъ всѣхъ въ своей безсмертной свитѣ и, наконецъ, еще одно онъ знаетъ—Безуміе...

Крылатое, могучее, какъ вихрь, оно слѣдитъ за нимъ враждебнымъ взоромъ и окрыляетъ Мысль своею силой, стремясь вовлечь ее въ свой дикій танецъ...

И только Мысль — подруга Человѣка, и только съ ней всегда онъ неразлученъ, и только пламя Мысли освѣщаетъ предъ нимъ препятствія его пути, загадки жизни, сумракъ тайнъ природы и темный хаосъ въ сердцѣ у него.

Свободная подруга Человѣка, Мысль всюду смотритъ зоркимъ, острымъ взглядомъ и безпощадно освѣщаетъ все:

— Любви коварныя и пошлыя уловки, ея желанье овладѣть любимымъ, стремленье унижать и унижаться и—чувственности грязный ликъ за ней;

пугливое безсиліе Надежды и Ложь за ней — сестру ея родную,—нарядную, раскрашенную Ложь, готовую всегда и всѣхъ утѣшить и—обмануть своимъ красивымъ словомъ:

— Мысль освѣщаетъ въ дряблomъ сердцѣ Дружбы ея расчетливую осторожность, ея жестокое, пустое любопытство и зависти гнилыя пятна и клеветы зародыши на нихъ:

— Мысль видитъ черной Ненависти силу и знаетъ:

если снять съ нея оковы,—тогда она все на землѣ разрушитъ и даже справедливости побѣги не пощадитъ!

Мысль освѣщаетъ въ неподвижной Вѣрѣ и злую жажду безграничной власти, стремящейся поработить всѣ чувства, и спрятанные когти изувѣрства, безсиліе ея тяжелыхъ крылій, и—слѣпоту пустыхъ ея очей.

Она въ борьбу вступаетъ и со Смертью: ей, изъ животнаго создавшей Человѣка, ей, сотворившей множество боговъ, системы философскія, науки—ключи къ загадкамъ міра,—свободной и безсмертной Мысли—противна и враждебна эта сила, безплодная и часто глупо-злая.

Смерть для нея ветошницѣ подобна,—ветошницѣ, что ходитъ по задворкамъ и собираетъ въ грязный свой мѣшокъ отжившее, гнилое, ненужные отбросы, но порою воруетъ нагло здоровое и крѣпкое.

Пропитанная запахомъ гніенья, окутанная ужаса покровомъ, безстрастная, безличная, нѣмая, суровою и черною загадкой всегда стоитъ предъ Человѣкомъ Смерть, а Мысль ее ревниво изучаетъ—творящая и яркая, какъ солнце, исполненная дерзости безумной и гордаго сознанія безсмертья...

Такъ шествуетъ мятежный Человѣкъ сквозь жуткій мракъ загадокъ бытія—впередъ! и—выше! все—впередъ! и—выше!

II.

Вотъ онъ усталъ, шатается и стонетъ; испуганное сердце ищетъ Вѣры и громко проситъ нѣжныхъ ласкъ Любви.

И Слабостью рожденныя три птицы—Унынiе, Отчаянье, Тоска,—три черныя уродливыя птицы—зловѣще рѣютъ надъ его душою и всѣ поютъ ему угрюмо пѣсню

о томъ, что онъ—ничтожная букашка, что ограничено его сознанье, безсильна Мысль, смѣшна святая гордость и—что бы онъ ни дѣлалъ, онъ умретъ.

Дрожитъ его истерзанное сердце подъ эту пѣснь и лживую, и злую, сомнѣній иглы колютъ мозгъ его, и на глазахъ блеститъ слеза обиды...

И если гордость въ немъ не возмутится, страхъ Смерти властно гонитъ Человѣка въ темницу Вѣры, Любовь, побѣдно улыбаясь, влечетъ его въ свои объятья, скрывая въ громкихъ обѣщаньяхъ счастья печальное безсилье быть свободной и жадный деспотизмъ инстинкта...

Въ союзѣ съ Ложью, робкая Надежда поетъ ему о радостяхъ покоя, поетъ о тихомъ счастьѣ примиренья и мягкими, красивыми словами баюкаетъ дремотствующій духъ, толкая его въ тину сладкой Лѣни и въ лапы Скуки, дочери ея.

И, по внушенью близорукихъ чувствъ, онъ торопливо насыщаетъ мозгъ и сердце пріятнымъ ядомъ той циничной Лжи, которая открыто учитъ, что Человѣку нѣтъ пути иного, какъ путь на скотный дворъ спокойнаго довольства самимъ собою.

Но Мысль горда, и Человѣкъ ей дорогъ,—она вступаетъ въ злую битву съ Ложью, и поле битвы—сердце Человѣка.

Какъ врагъ, она преслѣдуетъ его; какъ червь, неутомимо точитъ мозгъ; какъ засуха, опустошаетъ грудь; и, какъ палачъ, пытаетъ Человѣка, безжалостно сжимая его сердце бодрящимъ холодомъ тоски по правдѣ, суровой мудрой правдѣ жизни, которая хоть медленно растетъ, но ясно видима сквозь сумракъ заблужденій, какъ нѣкій огненный цвѣтокъ, рожденный Мыслью.

Но если Человѣкъ отравленъ ядомъ Лжи неизлѣчимо и уже твердо вѣритъ, что на землѣ нѣтъ счастья

выше полноты желудка и души, нѣтъ наслажденій выше сытости, покоя и мелкихъ жизненныхъ удобствъ, тогда въ плѣну ликующаго чувства печально опускаетъ крылья Мысль и—дремлетъ, оставляя Человѣка во власти его сердца.

И, облаку заразному подобна, гнилая Пошлость, подлой Скуки дочь, со всѣхъ сторонъ ползетъ на Человѣка, окутывая ѣдкой, сѣрой пылью и мозгъ его, и сердце, и глаза.

И Человѣкъ теряетъ самъ себя, переродженный слабостью своею въ животное безъ гордости и Мысли...

Но если возмущенье вспыхнетъ въ немъ, оно разбудитъ Мысль, и—вновь идетъ онъ дальше, одинъ сквозь терній своихъ ошибокъ, одинъ средь жгучихъ искръ своихъ сомнѣній, одинъ среди развалинъ старыхъ истинъ!

Величественный, гордый и свободный, онъ мужественно смотритъ въ очи правдѣ и говоритъ сомнѣніямъ своимъ:

— „Вы лжете, говоря, что я безсиленъ, что ограничено сознаніе мое! Оно—растетъ! Я это знаю, вижу, я чувствую—оно во мнѣ растетъ! Я постигаю ростъ сознанья моего моихъ страданій силой, и—знаю—если-бъ не росло оно, я не страдалъ бы болѣе, чѣмъ прежде.

— „Но съ каждымъ шагомъ я все большаго хочу, все больше чувствую, все больше, глубже вижу, и этотъ быстрый ростъ моихъ желаній—могучій ростъ сознанья моего! Теперь оно во мнѣ подобно искрѣ—ну, что жъ? Вѣдь искры—это матери пожаровъ! Я—въ будущемъ—пожаръ во тьмѣ вселенной! И призванъ я, чтобъ освѣтить весь міръ, расплавить тьму его загадокъ тайныхъ, найти гармонію между собой и міромъ, въ себѣ самомъ гармонію создать и, озаривъ весь мрачный хаосъ жизни на этой изстрадавшейся землѣ, покрытой, какъ накож-

ною болѣзнью, корой несчастій, скорби, горя, злобы, всю злую грязь съ нея смести въ могилу прошлаго!

— „Я призванъ для того, чтобы распутать узлы всѣхъ заблужденій и ошибокъ, связавшіе запуганныхъ людей въ кровавый и противный комъ животныхъ, взаимно пожирающихъ другъ друга!

— „Я созданъ Мыслію затѣмъ, чтобъ опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тѣсное и грязное, все злое,—и новое создать на выкованныхъ Мыслью незыблемыхъ устояхъ свободы, красоты и—уваженья къ людямъ!

— „Непримиримый врагъ позорной нищеты людскихъ желаній, хочу, чтобъ каждый изъ людей былъ Человѣкомъ!

— „Безсмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, въ которой непосильный и рабскій трудъ однихъ безслѣдно, весь уходитъ на то, чтобы другіе пресыщались и хлѣбомъ, и дарами духа!

— „Да будутъ прокляты всѣ предразсудки, всѣ предубѣжденья и привычки, опутавшіе мозгъ и жизнь людей, подобно липкой паутинѣ. Они мѣшаютъ жить, насилуя людей;—я ихъ разрушу!

— „Мое оружье—Мысль, а твердая увѣренность въ свободѣ Мысли, въ ея безсмертіи и вѣчномъ ростѣ творчества ея—неисчерпаемый источникъ моей силы!

— „Мысль для меня есть вѣчный и единственно неложный маякъ во мракѣ жизни, огонь во тьмѣ ея позорныхъ заблужденій; я вижу, что все ярче онъ горитъ, все глубже освѣщаетъ бездны тайнъ, и я иду въ лучахъ безсмертной Мысли, во слѣдъ за ней, все—выше! и—впередъ!

— „Для Мысли нѣтъ твердынь несокрушимыхъ и нѣтъ святынь незыблемыхъ ни на землѣ, ни въ небѣ! Все создается ею, и это ей даетъ святое, неотъемлемое

право разрушить все, что можетъ помѣшать свободѣ ея роста.

— „Спокойно сознаю, что предразсудки—обломки старыхъ истинъ, а тучи заблужденій, что нынѣ кружатся надъ жизнью, всѣ созданы изъ пепла старыхъ правдъ, сожженныхъ пламенемъ все той же Мысли, что нѣкогда ихъ сотворила.

— „И сознаю, что побѣждаютъ не тѣ, которые берутъ плоды побѣды, а только тѣ, что остаются на полѣ битвы...

— „Смыслъ жизни—вижу въ творчествѣ, а творчество самодовлѣетъ и безгранично!

— „Иду, чтобы сгорѣть какъ можно ярче, и глубже освѣтить тьму жизни. И гибель для меня—моя награда.

— „Иныхъ наградъ не нужно для меня, я вижу: власть—постыдна и скучна, богатство—тяжело и глупо, а слава—предразсудокъ, возникшій изъ неумѣнія людей цѣнить самихъ себя и рабской ихъ привычки унижаться.

— „Сомнѣнія! Вы—только искры Мысли, не болѣе. Сама себя собою испытуя, она родитъ васъ отъ избытка силъ и кормитъ васъ—своей же силой!

— „Настанетъ день—въ груди моей сольются въ одно великое и творческое пламя міръ чувства моего съ моей безсмертной Мыслью, и этимъ пламенемъ я выжгу изъ души все темное, жестокое и злое, и буду я подобенъ тѣмъ богамъ, что Мысль моя творила и творитъ!

— „Все въ Человѣкѣ, все—для Человѣка!“

Вотъ снова, величавый и свободный, поднявъ высоко гордую главу, онъ медленно, но твердыми шагами, идетъ по праху старыхъ предразсудковъ, одинъ въ сѣдомъ туманѣ заблужденій, за нимъ—пыль про-

шлаго тяжелой тучей, а впереди—стоитъ толпа загадокъ, безстрастно ожидающихъ его.

Онѣ безчисленны, какъ звѣзды въ безднѣ неба, и—Человѣку нѣтъ конца пути!

Такъ шествуетъ мятежный Человѣкъ—впередъ! и—выше! все—впередъ! и—выше!

С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ.

ВЪ ПРИХОДѢ.

I.

Село Воскресенское разбросалось по сторонамъ извилистыхъ поворотовъ неглубокой и тихой рѣки. Въ центрѣ его стояла красивая каменная церковь, издалека видная со степныхъ дорогъ; вокругъ церкви, образуя площадь, расположились лучшія постройки: правленье съ зеленой крышей и пожарною каланчею школа, діаконскій флигелекъ съ рѣзьбою по фронтону, похожій на тюрьму домъ купца Климова, а рядомъ съ нимъ, противъ церкви, некрасивый, сѣрый старинный поповскій домъ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ обитала чета духовныхъ—о. Викторинъ Голгофскій съ матушкой. О. Викторинъ былъ человѣкъ уже пожилой и многосемейный. Въ молодые годы онъ долго служилъ по бѣднымъ приходамъ, видѣлъ не мало нужды, особенно—когда семья съ каждымъ годомъ разросталась и ему приходилось напрягать всю свою изобрѣтательность, чтобы всѣхъ обуть, одѣть, накормить, дочерямъ сдѣлать приданое, а сыновей воспитать приличнымъ образомъ. Въ то трудное время онъ много хлопоталъ о переводѣ на какой-нибудь богатый приходъ, но дѣло стояло за малымъ: богатые приходы не давались въ руки даромъ. И пока, наконецъ, о. Викторину удалось осуществить свою давнишнюю мечту, найти, если не богатый, то относительно обезпеченный и спокойный приходъ,—семья его успѣла вырости и наполовину разбрестись по свѣту: двухъ дочерей онъ отдалъ за свя-

щенниковъ, два сына кончали курсъ въ семинаріи, а третій, неудачный, выгнанный еще изъ перваго класса за шалости и пристрастіе къ пѣшему, гдѣ-то пропадалъ, не то въ фельдшерахъ, не то на желѣзной дорогѣ, нигдѣ подолгу не уживаясь и рѣдко подавая о себѣ вѣсть. О. Викторинъ давно махнулъ на него рукой. Теперь въ Воскресенскомъ о. Викторинъ проживалъ какъ бы на почетномъ покоѣ. Жизнь его проходила тихо и сонно, день за днемъ, въ мирномъ благодушіи и этого ряда однообразно-текущихъ дней, казалось, ничто не могло нарушить. Но вѣянія времени проникли и подъ его тихій кровъ.

Въ одно чудное осеннее утро о. Викторинъ проснулся съ смутнымъ и непріятнымъ сознаніемъ, что ему предстоитъ въ этотъ день неотложное дѣло: ѣхать въ Курычанку собирать на сѣмена. Сколько разъ онъ откладывалъ, сколько разъ изобрѣталъ предлоги, но наконецъ принужденъ былъ дать попадьѣ слово, что сегодня непремѣнно поѣдетъ.

Онъ потянулся и мягко позвалъ:

— Попадьюша-а!

Въ сосѣдней комнатѣ заскрипѣли половицы, будто тамъ передвинулось что-то большое и тяжелое. Въ спальню заглянуло лунообразное женское лицо, строгое, съ крупными чертами, съ легкимъ пушкомъ черныхъ волосъ надъ верхней губой.

— Ну? что еще?—проговорила попадья.

— Ужъ, полно, ѣхать ли мнѣ сегодня? та-акъ не хочется...

— Лежи, лежи, лежебокъ! Долежишься, что ѣсть будетъ нечего!

— Хлопоть-то стоитъ ли? Всегда съ этой Курычанки шести пудовъ не вывезешь...

— А шесть пудовъ не хлѣбъ?

— Хлѣбъ-то оно... конечно... Всегда съ мусоромъ!

— Птица съѣстъ.

— Шутка ли... десять верстъ... да взадъ десять! лѣсомъ... плохая дорога-то...

— Нечего, нечего! Вставай... чай готовъ. Да и поѣзжай! Время-то, самъ знаешь, какое: осень! Сборы да недоимки... Порастрясетъ мужикъ пшеницу по базарамъ, -и собирай потомъ съ голаго-то мѣста!

Половицы опять заходили съ жалобнымъ скрипомъ. Попадья съ шумомъ перетирала посуду и говорила, раздражаясь отъ собственныхъ словъ:

— Шесть пудовъ! А ты знаешь, чего по нонѣшнимъ цѣнамъ шесть пудовъ стоютъ? По семь гривенъ пшеничка-то... плохинька! Четыре цѣлковыхъ! Шесть пудовъ... бросить ихъ по твоему? Чивый какой! Тамъ шесть, да здѣсь шесть, а глядишь—амбарчикъ-то и полонъ!

О. Викторинъ сладко потягивался на перинѣ, слушая попадью и въ душѣ удивляясь ея практической мудрости. Потомъ онъ сталъ лѣниво обуваться и, напаривъ подрясникъ, не торопясь залѣзъ въ него. Онъ казался совершенно круглымъ отъ соединенія приземистаго роста съ обиліемъ мягкихъ туковъ, разлававшихъ его въ ширь. Голова его была кудрява, а лицо такъ густо заросло жесткимъ волосомъ, что ротъ совершенно скрывался въ ихъ зарослп, мясистый носъ съ синими жилками казался островкомъ, а лѣнивые, вѣчно прищуренные глаза точно затерялись между черными лѣсомъ начинавшейся около нихъ бороды и кудрями волосъ, закрывавшихъ лобъ. Кое-гдѣ у него уже пробивалась сѣдина. Шумно умывшись, о. Викторинъ долго молился передъ иконой, день и ночь освѣщенной краснымъ свѣтомъ лампады, широко крестился, часто кланялся въ землю, при чемъ, когда губы его

шептали привычную молитву, лицо было серьезно и точно слегка испугано.

— А отъ Валерки все такъ писемъ нѣтъ и нѣтъ!— сказалъ онъ, выходя въ столовую и замѣтивъ на столѣ номеръ „Свѣта“.

Онъ сѣлъ поближе къ раскрытому окну въ своемъ буромъ, распахнутомъ подрясникѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась длинная бѣлая рубаха и, мѣшая ложечкой чай, смотрѣлъ еще сонными глазами на площадь, гдѣ у церковной ограды бродили гуси и бѣгалъ на приколѣ пестрый теленокъ.

— Почему молчитъ Валерка? Безпокоитъ меня это обстоятельство! Второй мѣсяцъ ни строчки! Крѣпко я не надѣюсь на него! Крутой мальчикъ, Богъ вѣсть въ кого характеромъ! Дѣти, дѣти... сколько съ вами заботъ!

— Вотъ Никаша исправный!—сказала попадья, шумно втягивая съ блюдечка чай:—письма отъ него всегда такія пріятныя. Начнетъ такъ почтительно: „дорогіе папаша и мамаша“ и всегда прибавитъ что-нибудь такое въ концѣ... „Миръ вамъ о Господѣ“ или о „Христѣ радуйтесь“...

— По-апостольски...

— Благонравный мальчикъ... богомольный! Ужъ вотъ этотъ, можно сказать, въ меня!

— Избави Богъ!—разсмѣялся батюшка.

— Это что значитъ?!

— Вѣдь ты у меня, попадьюша... сорокаведерная!

— Ну, я не въ томъ, что значитъ... тѣлесное... Хотя вреда и въ этомъ нѣтъ! Здоровье—даръ Божій... А душа у него моя...

— Сельскохозяйственная?

— Не мели! Ужъ какъ хочешь,—природа всегда скажется... По хозяйству онъ внимательный... И въ пись-

махъ всегда справляется: когда Буренка отелилась и какимъ теленочкомъ... и все... обо всемъ пиши ему! А главное... богомолецъ! Ужъ этотъ будетъ за насъ молитвенникъ!

Попадья лѣниво махнула рукой на курицу, взлетѣвшую на подоконникъ.

— Кышь, подлая!

Курица съ кудахтаньемъ отлетѣла на площадь и съ негодованіемъ озиралась на окно.

— Совсѣмъ испортилась хохлушка,—вздохнула попадья,—не несется, побродяжка стала. Все къ дьяконову пѣтуху льнетъ... И чего нашла хорошаго! Обдергай... весь въ дьякона!

О. Викторинъ развернулъ газету.

— Финляндія-то!—бормоталъ, читая:—ну и народецъ... яко филистимляне!

— Бунтуютъ, что ли?—спросила попадья.

— Пассивное сопротивленіе...

— Ну, я тамъ этихъ словъ не понимаю... Начигался...

— Къ Швеціи хотятъ, должно быть, ну вотъ и колобродятъ...

— Какія новости пропечатаны, батюшка?—спросилъ за окномъ голосъ.

Въ окнѣ появилось лицо мужика, напоминавшее физіономію пряничной куклы, такъ оно было бѣло, румяно, по-дѣтски добродушно, будто съ подведенными густою краской бровями, раскрашенными щеками и наскоро, кое-какъ, приклеенной бородкой, какъ ленъ бѣлой.

— Нѣтъ ли на счетъ насъ, мужиковъ, какихъ-нибудь манихвестовъ?

— Нѣтъ, Софроновичъ,—сказалъ батюшка, здороваясь:—ничего нѣтъ! А ты зачѣмъ здѣсь?

Мужикъ поджалъ губы, сощурилъ глаза и покрутилъ головой съ веселымъ видомъ.

— По дѣламъ... по разнымъ такимъ... къ земскому... Судъ у меня!

— Съ кѣмъ это?

— Все съ Флегонтомъ вожусь! Слыхалъ, мотри, какъ онъ у меня избу оттягалъ? По міру пустилъ, жерехъ ненасытный, угаръ ему съ чадомъ!

Веселая улыбка не сходила съ кукольнаго лица Софроныча, словно онъ разсказывалъ забавный анекдотъ.

— Ты вѣдь его знаешь, Флегонта-то? То-то! Что говорить... Кто его не знать! Мальчикъ-недоносокъ: семи годовъ девяти пудовъ...

— Ты все съ прибаутками!—сказала попадья.

— Прибаутки, братъ, въ жизни не помогаютъ,—солидно вставилъ батюшка.

Софронычъ совсѣмъ осклабился.

— А какъ безъ прибаутокъ-то, матушка-кормилица? Безъ прибаутки скушно! Мужичье житье,—скопвѣшно нытье, а что съ того толку? Плачь не плачь, въ соху впрягайся: отъ слезъ хлѣбъ не вырастить! Въ прибауткѣ-то я и самому земскому правду скажу! Прямо-то правду скажешь,—она глаза рѣжетъ,—а въ прибауткѣ, какъ каша съ масломъ: идравлится! Я и земскому говорю: сильный сильнаго въ горку тянетъ, ваше благородіе, а бѣдный тонетъ, никому раздѣваться не хочется; съ берега кричатъ—за бороду держись! Теперича Флегонтъ мою избу проглотилъ, не подавился,— а защиты нѣтъ! Земскій-то мнѣ:—законъ!—Законъ, говорю, ваше благородіе, веревка: однимъ концомъ изъ ямы вытащилъ, на другомъ повѣсилъ...

— Ну, ужъ это... вольномысліе! Земскій что же?

— Головой крутитъ:—я, говоритъ, тебя за такія рѣчи въ тюрьму!—Что жъ, говорю, отъ тюрьмы, да отъ сумы

не отрекайся! Сума-то ужъ и то за плечами, хоть и не съ калачами, легонька, прости ей Богъ,—плечикъ нашихъ хрестьянскихъ не оттягиваетъ... а въ тюрьмѣ, стало-быть, тоже не все воры живутъ, коли отрекаться не велѣно... Господь-Батюшка тоже въ темницѣ сидѣлъ, и по честнымъ ланитамъ Его нещадно били... Ну, земскій-то крутитъ такъ головой, крутитъ... сунится... а ничего! Потому... прибаутка!

Софронычъ ткнулъ пальцемъ по направленію къ газетѣ:

— Такъ, говоришь, нѣтъ распоряженіевъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Софронычъ.

— А ждутъ мужики... жду-тъ! Податься некуда! Эхъ, угаръ съ чадомъ! Тебя вотъ, батюшка, до себя ожидаютъ старики... давно ожидаютъ!.. хотятъ совѣтъ держать!

— О чемъ?

— Заглоталъ Флегонтъ Курычанку-то... какъ сомъ! Завладалъ нами! Таки слухи ходятъ... таки слухи... страсть!

— Сегодня ѣду къ вамъ по сбору, Софронычъ.

— Поѣзжай, поѣзжай... ждутъ! Къ вечерку-то и я вернусь... А пока-что, прощай, батюшка. Я только затѣмъ и забѣжалъ,—позвать тебя. Матушка-кормилица, прощай!

Мужикъ скрылся.

— Какіе тамъ совѣты?—заговорила попадья:—ты, въ самомъ дѣлѣ, не сунься тамъ... съ мужиками-то... Съ Флегонтомъ-то разссоришься, да еще и до генерала дойдетъ!

— Малютка я что ли?

— Мнѣ и то вотъ все сны снятся... Хожу будто по какимъ-то полямъ и спотыкаюсь... А по полямъ-то все будто амбары. И всѣ съ хлѣбомъ. И вотъ будто куда ни погляжу... все амбары.

— Батюшка!—спросилъ изъ кухни работникъ:—пологъ возьмешь, аль мѣшки положить?

— Зачѣмъ пологъ... много ли наберешь! Положь три мѣшка.

Когда на просторномъ, чисто выметенномъ дворѣ о. Викторинъ усаживался въ плетушку, — матушка, стоя на крыльцѣ, говорила ему:

— Смотри же, отецъ, съ совѣтами-то не больно тамъ распространяйся! Долго ли до грѣха...

— Знаю, знаю.

— То-то. Да у. черничекъ-то тоже не засиживайся. Все-то помѣстье тридцать дворовъ,—а всегда до поздней ночи валандаешься... Ну, ступай съ Христомъ! Дай Богъ побольше набрать!

О. Викторинъ тронулъ возжами и, выѣхавъ за ворота, направился по дорогѣ къ турникетовскому лѣсу.

II.

Лѣсъ уже пожелтѣлъ подъ дыханіемъ осени.

Сухой листъ трепеталъ на вѣткахъ и, опадая, крутился въ воздухѣ, устилая колею пестрымъ ковромъ, настолько мягкимъ, что тарантасъ катился почти безшумно. Чѣмъ глубже въ лѣсъ,—тишина становилась торжественнѣе, краски разнообразнѣе. Казалось, лѣсъ, умирая, задумался и смотрѣлъ въ блѣдное небо безнадежнымъ взоромъ, прислушиваясь, какъ соки деревьевъ текутъ все медленнѣе, какъ умираютъ листья и вянетъ трава. Тишину оттѣнялъ временами трескъ сухой вѣтки подъ ногами пугливаго звѣрька, шумный полетъ вальдшнепа или безпокойный и сердитый крикъ вороны. О. Викторинъ, покачиваясь въ тарантасѣ, мечтательно смотрѣлъ, какъ чередовались на деревьяхъ багровые зеленые, желтые, красные цвѣта и размышлялъ, что владѣльцу этихъ обширныхъ лѣсовъ не надо ходить по

приходу, собирать пшеницу и щупать куръ... Получилъ себѣ денежки за дѣлянки да за аренду и полеживай! О. Викторину почему-то представлялся генералъ Турникетовъ возлежащимъ на такой же постели, какая и у него, о. Викторина, но непремѣнно въ красной фескѣ и съ длинной трубкой въ зубахъ.

„Поди кальянъ курить!—думалъ онъ:—ему что... наша!"

Ему вспомнилось, какъ однажды, въ первый годъ его служенія на Воскресенскомъ приходѣ, генералъ пріѣзжалъ въ свое имѣніе, и о. Викторинъ распорядился встрѣтить его колокольнымъ звономъ,—а потомъ объ этомъ узналъ владыка и сдѣлалъ строгое внушеніе. О. Викторинъ до сихъ поръ недоумѣвалъ, откуда узналъ владыка! Должно быть самъ же генералъ и разсказалъ владыкѣ... „Чать поди бываютъ другъ у друга, чаи распиваютъ,—вотъ какъ мы съ урядникомъ"...

Онъ вздохнулъ:

„Ему же слава—слава, а ему же честь, честь"...

Колея бѣжала зигзагами и поворотами.

За однимъ изъ поворотовъ открылась широкая поляна, озаренная мягкими лучами осенняго солнца. По ея желтѣющимъ жнивьямъ уже здѣсь и тамъ пролегли черныя полосы и квадраты осенней пашни. У самой опушки, составляя неправильную улицу, разбросалось десятка три избушекъ.

При въѣздѣ въ деревню стояла кузница, сколоченная изъ почернѣвшихъ отъ дыма и времени досокъ, вокругъ которой валялись старыя колеса, бороны, сошники. Около кузницы толпилось человѣкъ шесть мужиковъ. Они сильно шумѣли. Проѣзжая мимо нихъ, о. Викторинъ придержалъ лошадь.

Внутри кузницы, въ горнѣ, еще тлѣли угли, бросая багровый свѣтъ на наковальню, на кучи угля и обрѣз-

ковъ желѣза по угламъ. Въ дверяхъ стоялъ плечистый мужикъ съ мускулистыми руками и, слегка опираясь на увѣсистый молотъ, говорилъ убѣдительно и взволнованно:

— Робята! Есть у васъ крестъ на шеѣ? Пошто травите, какъ звѣря!

Кузнецъ былъ лохматъ и черенъ. Его лицо, добродушное отъ природы, борода, настолько длинная, что онъ пряталъ ее за грудь кожанаго фартука, и самый этотъ фартукъ, и рубаха, и шапка взлохмаченныхъ, будто поднятыхъ вѣтромъ волосъ, — все такъ прокоптѣло за долгіе годы въ дымѣ горна среди упорнаго труда и самъ онъ такъ весь былъ взволнованъ въ этотъ моментъ, что напоминалъ человѣка, только что кончившаго гдѣ-то борьбу съ гигантскимъ пожаромъ и теперь, задыхаясь, стоявшаго тутъ передъ толпой, чтобы разсказать о томъ, какъ онъ своими сильными руками разбрасывалъ горящія бревна и метался въ тучахъ дыма, ища выхода...

— Что у васъ тутъ, братіе, за шумъ? — спросилъ о. Викторинъ: — аль наслѣдство дѣлите? На полъ-лѣса гомонъ...

Мужики разступились и поснимали шапки.

Къ тарантасу метнулся человѣкъ, напоминавшій городского подрядчика, небольшой, очень подвижной. Одѣтъ былъ онъ въ пиджакъ, высокіе сапоги, на жилетѣ его болталась толстая стальная цѣпочка, изъ-подъ козырька фуражки взглянули на батюшку острые, бѣгающіе глаза: истощенное лицо, съ жидкими, безпокойно вздрагивающими усами и подстриженной черной бородкой, искажалось судорогой гнѣвнаго возбужденія.

— Благословите, батюшка! — говорилъ онъ, наскоро принимая благословеніе: — а о томъ будьте свидѣтелемъ-съ! Извольте принять во вниманіе-съ...

Онъ говорилъ дѣловитымъ и отрывистымъ тономъ.

— Это вы насчетъ чего, Флегонтъ Кирилычъ?

— Насчетъ, стало-быть, этого самаго... поведенія-съ! Воровства допустить не могу, ежели на моихъ глазахъ... Хотя лѣсъ и не мой, но передъ его превосходительствомъ мы всѣ отвѣтчики... потому они наши благодѣтели! Можно сказать,—отцы-съ! Совѣсть не позволяетъ мнѣ быть укрывателемъ... не могу-съ! Законъ—великое дѣло!

При словѣ „законъ“ Флегонтъ Кирилычъ какъ-то поджался и вытянулся, словно всей своей фигурой желалъ изобразить что-то суровое и неумолимое.

— Кириловичъ! — заговорилъ кузнецъ: — пущай батюшка разсудитъ... по духовному чтобы... Не дѣло ты затѣялъ! Оставь! Звѣрь ты что ли... братецъ мой... а? За что взъѣлся?

— На судѣ узнаешь!

— На Божьемъ, что ли? — уныло усмѣхнулся кузнецъ:—такъ, мотри-ка, не на радость будетъ онъ тебѣ. Крови ты мужичьей попилъ достаточно! Не ей ли мотри-ка, крышу на своихъ хоромахъ разукрасилъ... ишь сіяетъ!

Всѣ, даже Флегонтъ Кирилычъ и батюшка, невольно взглянули въ сторону шести-оконнаго, широкаго и неуклюжаго, будто распухшаго отъ водянки, дома, съ рѣзнымъ крыльцомъ будкой, зелеными ставнями и красной крышей. Флегонтъ Кирилычъ побагровѣлъ, лицо его съежилось, онъ сдернулъ фуражку, провелъ дрожащей рукой по волосамъ и опять обернулся къ батюшкѣ.

— Будьте и объ этомъ свидѣтели-съ, ваше благословеніе! Такія рѣчи... Какъ возможно! съ угроженіемъ!

У него губы тряслись и усы судорожно вздрагивали.

— Ахъ ты... сволочь!!—обернулся онъ къ кузнецу: какъ ты можешь... угрожать мнѣ!

— Богомъ грожу-то!—сказалъ кузнецъ:—аль и Его не боишься? А сволочью ругаться не смѣй... Знаешь поговорку: сволочи-то не эти, а вашего отца дѣти!

— Зосима! Придержи языкъ! — укоризненно сказалъ о. Викторинъ: — ну, можно ли такъ отвѣчать почтеннымъ людямъ!

— Да чѣмъ онъ такимъ почтенный? — насмѣшливо отвѣчалъ Зосима: — мошна у него толста да домъ на полдеревни? И впря-мь... и впрямь онъ почтенный, коли и ты, отецъ, передъ нимъ шапку гнешь!

— Духовнымъ-то не груби... смутьянъ!

— Нынче и правды сказать нельзя,—обижаются!

— Правдолюбъ какой!—сказалъ батюшка.

— Вотъ покажутъ тебѣ на судѣ правду! — шипѣлъ отъ гнѣва Флегонтъ Кирилычъ:—ужъ я, другъ, постараюсь! Не къ управляющему тебя отправлю, — а прямо въ волость,—къ земскому... Ужъ я научу тебя, — какъ воровскими дѣлами заниматься, да честныхъ людей порочить!

— Это ты, что ли, честный-то?

Подъ чернымъ слоемъ сажи на лицѣ Зосимы медленно разливалась краска.

— Помолчи-ка ты, Кириловичъ!—сказалъ онъ, спокойно и внушительно: — и воромъ меня не называй! Не кралъ я... свое взялъ! Такъ и запомни!

— За-апомню!

— Души моей не тревожь! Я, братъ, терпѣливый... а только ты того... помолчи! Лучше будетъ... Не тебѣ мнѣ говорить, потому первый — ты есть подлецъ и мошенникъ!

— Будьте свидѣтели!—взмахнулъ руками Флегонтъ Кирилычъ:—батюшка!

Зосима! Супротивникъ ты... можно ли такъ!

— Да вѣдь онъ... воромъ! За что?!.

За дѣло!

— Всѣ мужики въ этомъ дѣлѣ виноваты... Вотъ и староста... и понятые... всѣ тѣмъ грѣшны! Стало-быть всѣ — воры! За что же меня... Ахъ, вы... по-одлыя души!

— Бери его!—хрипло заоралъ Флегонтъ Кирилычъ.

— Нѣтъ, постой!—рѣшительно сказалъ Зосима:—ты меня въ яму загналъ, а теперь утопить хочешь? Погоди... Какъ же такъ? За что, звѣрь, кусаешься? Пускай батюшка разсудитъ...

Я не судья, Зосима! — торопливо подобралъ о. Викторинъ возжи: — я, братъ, по приходу... некогда мнѣ! А ты смирись!

О. Викторинъ тронулъ лошадь.

Нѣтъ ужъ вы позвольте-съ, батюшка! — кинулся къ нему Флегонтъ Кирилычъ: — сдѣлайте уваженіе, останьтесь, чтобы все по формѣ было засвидѣтельствовано...

— Да я вѣдь не при чемъ тутъ, Кириловичъ!

— Нѣтъ, ужъ уважьте... Мы въ минуту-съ!

Онъ опять обернулся къ мужикамъ.

— Вы чего? Потакать ему? Бери... я отвѣчаю!

— Зосима! Сдайся добромъ!—сгрудились десятскіе:—не подводи насъ-то подъ грѣхъ!

— Робята! — сказалъ рѣшительно Зосима:—не подходи! Не добро затѣяли ему, змѣю, угождать! На судѣ буду отвѣчать... пущай на судъ требуетъ... А въ руки не дамся!

— Сопротивленіе? Староста!—закричалъ Флегонтъ Кирилычъ.—Нацѣпи значокъ... чтобы по формѣ!

— Кобылинъ! Чепляй!

Староста, тучный и бѣлый мужикъ, съ круглымъ,

глупымъ лицомъ, нацѣпилъ значокъ и сразу сталъ храбрымъ. Онъ началъ взмахивать руками и подступать къ Зосимѣ, впереди десятскихъ.

— Ты воевать, вопить? Ну, ну... попробуй-ка фордыбачить... при значкѣ-то!

На лицѣ Зосимы проступило отчаянное выраженіе. Борода его вздулась и выползла изъ-за фартука, покрывъ всю грудь, на лбу вздулись синія жилы, глаза стали остры и впились въ противниковъ, а сквозь приподнявшіяся отъ гнѣва губы блеснули, какъ у волка, бѣлые зубы.

— Подступись только кто... убью! — взмахнулъ онъ молотомъ.

Этотъ вызовъ раззадорилъ мужиковъ.

Они двинулись къ Зосимѣ.

Тотъ отступилъ въ кузницу, озираясь, будто ища выхода, но видя, что мужики готовы окружить его, съ размаху опустилъ молотъ въ толпу. Староста присѣлъ и жалобно заголосилъ, точно запѣлъ.

О. Викторинъ зажмурилъ глаза и, преслѣдуемый крикомъ старосты, сталъ хлестать лошадь концами вожжей, торопясь поскорѣе уѣхать отъ мѣста происшествія. „Убійство... въ свидѣтели попадешь,—сновали въ головѣ его мысли,—до владыки дойдетъ... по судамъ затаскаютъ“... Онъ проскакалъ черезъ всю деревню, согнувшись въ тарантасѣ, не отвѣчая на поклоны, чувствуя одышку и сердцебіеніе. У послѣдней избы онъ подвернулъ къ воротамъ и тутъ только обернулся.

Вдали по улицѣ шли безпорядочной толпой десятскіе и присоединившіеся къ нимъ любопытные. Среди нихъ, выше всѣхъ на голову, неестественно прямо шагалъ Зосима съ руками, скрученными за спину.

— Убилъ!—вслухъ подумалъ о. Викторинъ.

У воротъ стоялъ въ тепломъ тулупѣ старый Вуколъ,

хозяинъ избы. Вуколъ былъ такъ старъ, что сѣдая борода его давно пожелтѣла, а тѣло согнулось, будто онъ все собирался сѣсть. Въ груди у него хрипѣло, какъ въ испортившейся машинѣ,—и вся рѣчь его походила на безпрерывный кашель...

— Убилъ?—говорилъ онъ:—Боже... мой! Пропадаетъ... народъ... хрестьянскій! Лю...тыя вре...мена пришли!

Отъ толпы отдѣлился молодой парень и бѣгомъ направился къ батюшкѣ.

— Убилъ?—спросилъ его о. Викторинъ.

— Но значку попалъ... Богъ - миловалъ! — сказалъ весело парень.—Скрутитъ его теперь Флегонтъ... давно добирался... Пѣть будемъ, батюшка?

— Зачѣмъ пѣть-то?

— Я думалъ ты съ молебномъ...

— Но сбору, Степанъ... Пойдемъ-ка помоги мнѣ.

— Можно! Я теперича присяжный... Какъ тебя мужики завидятъ, такъ и кричатъ мнѣ:—бѣги, пѣвчій, съ батюшкой подъ окнами пѣть.—Откуда, батюшка, начнемъ?

— Да вотъ съ Вукола.

— Вуколъ! Сыпь-ка батюшкѣ пшеницы... пуловку для почину!

Вуколъ поползъ въ калитку, а за нимъ батюшка и пѣвчій съ мѣшкомъ. У Вукола дворъ заросъ бурьяномъ, въ которомъ валялись черныя отъ времени бороны зубьями кверху и разбитыя телѣги съ разсохшимися колесами почти безъ спицъ. Вуколовъ амбаръ скривился, какъ самъ Вуколъ, былъ весь источенъ червями. Изъподъ амбара глядѣла черная съ сѣдиной собака и скалила зубы, но отъ старости лаять не могла.

— Слава Христу... Слава Христу!—напѣлъ Вуколъ, цѣпляясь трясущимися руками за притолки двери и влѣзая при помощи пѣвчаго въ амбаръ:—отвелъ Господь отъ Зо...симы... отвелъ! Вотъ я... въ молодыхъ го...дахъ...

тоже... при помѣщикахъ... дѣвочку, слышь... дочку... молоденьку... Ну, съ ру...жьемъ я...

— Ты чего это?—прервалъ его пѣвчій:—пшеницы развѣ нѣтъ?...

— Просца... просца...

— Проса возьмешь, батюшка?

Батюшка заглянулъ въ амбаръ.

— Пшенички бы, Вуколъ.

— Нѣту-ка... пшенички-то! По найму... сѣю-то!.. Не самъ! Одинъ я... Померли всѣ... одинъ живу... зажился вотъ... На сѣмена только... три пудовочки... Одну-то... Флегонту... слышь... долгъ! А двѣ-то...

Сынъ проса!

Вуколъ зачерпнулъ ковшомъ проса, чуть покрывавшаго полъ сусѣка и, засыпая его въ разставленный пѣвчимъ мѣшокъ, половину упустилъ на полъ. Онъ сѣлъ на краї сусѣка и сталъ собирать просо горсточками и сыпать въ сусѣкъ, хрипя и кашляя:

— Во...жій даръ... просцо-то!.. Маленько его... проса-то у меня... уродилъ Богъ.

Когда они уходили со двора, собака вылѣзла изъподъ амбара и безсильно лаяла имъ вслѣдъ.

— Куда?—спросилъ батюшка на улицѣ.

— Пойдемъ по правої сторонѣ, а потомъ по лѣвої... до Флегонта. Чаї поди отдыхать будешь у Флегонта?

— Пригласитъ такъ...

— Какъ не пригласитъ! А сеїчасъ къ Зосимової бабѣ...

Пѣвчій взялъ возжи и пошелъ рядомъ съ тарантасомъ.

У Зосимової избы, смотрѣвшей изъ земли какъ черный грибъ,—у воротъ безъ воротины взадъ и впередъ ходила Зосимова баба.

Зосимова баба была женщина изсохшая, желтая,

какъ листъ въ старинномъ гербаріи. Чувствовалось при взглядѣ на нее, что когда-то она была очень красива, быть можетъ—полна, весела, здорова, съ высокой грудью и гордой поступью. Теперь отъ этой царственной прелести остался только нервный блескъ большихъ черныхъ глазъ, зло вопившихся въ о. Викторина.

— Чего надобно? — рѣзко спросила она, будто не узнавая его.

— Что ты, Прасковьюшка! Аль не узнала отца духовнаго?—даже отступилъ на шагъ о. Викторинъ.—Какіе вы съ мужемъ-то... Богъ съ вами...

Прасковья снова забѣгала у воротъ.

— Ступай, ступай мимо! Мы не подаемъ!

— Да ты съума сошла... Прасковья!

— Ступай, говорю!—злобно крикнула она:—обиралы! Обирать васъ взять! А какъ заступиться... вскачь поровите!

— Дура! Отвѣтишь ты за свои святотатственныя рѣчи!

— А... все равно мнѣ!!

Волосы выбились у нея изъ-подъ платка космами. Она тряслась мелкой дрожью и все ходила у воротъ,—точно натыкаясь на невидимыя препятствія, мѣшавшія ей куда-то идти и что-то сдѣлать... Отъ рѣзкихъ движеній платокъ у нея съѣхалъ на затылокъ, упалъ на плечи и волосы разсыпались волнами. Она подняла высохшую руку и грозила костлявымъ кулакомъ, по направленію къ деревнѣ, къ лѣсу, къ солнцу.

— Сво-о-лочи!!.

— Пойдемъ, братъ!—сказалъ батюшка пѣвчему.

На пути къ слѣдующей избѣ, изъ переулка вырвалась вихремъ и наскочила на батюшку дѣвочка-подростокъ въ свѣтломъ платьѣ, съ косынкой на плечахъ, въ ботинкахъ, съ крупными чертами миловиднаго лица. Она вскрикнула, но не растерялась, метнула на батюшку

бойкій взглядъ своихъ карихъ глазъ,—и попросила благословенія.

— Здравствуйте, батюшка! Что пишетъ Валерьянъ Викторинычъ? Будете ему писать, поклонитесь отъ меня!

Батюшка пришелъ въ недоумѣніе и хотѣлъ спросить ее, чья она и откуда знаетъ сына,—но она, лукаво разсмѣявшись, быстро подхватилась и скрылась въ воротахъ Зосимовой хаты.

— Шустра дѣвочка... Не видалъ ее раньше!—сказалъ батюшка.

— Она только съ весны здѣсь...

— Чья такая?

Пѣвчій слегка раскраснѣлся и смотрѣлъ любовнымъ взглядомъ вслѣдъ убѣжавшей.

— Анфиса Флегонтьевна!

III.

Солнце взошло на полнеба.

У батюшки въ тарантасѣ два мѣшка были уже полны и надулись какъ піявки. Пѣвчій усталъ, взмокъ и все чаще поглядывалъ на рѣзное крыльцо Флегонтовой избы, предвкушая угощеніе. Они переходили отъ хаты къ хатѣ, встрѣчаемые у воротъ мужиками или бабами. У иной земляпки къ нимъ выходила вдова, зажимая въ подолъ горсть сорной пшеницы.

— Ужъ не прогнѣвайся, батюшка...

О. Викторинъ косился на пшеницу.

— Ты бы, вдовица честна̀я, хоть парочку яичекъ прикинула!

— И-и, ба-атюшка! Курочка-то одна, много ли нанесетъ...

— А Богъ благословитъ, такъ и нанесетъ! — наставительно говорилъ о. Викторинъ.

— Коли Онъ — батюшка — захочетъ... Конешно! А только Флегонту намеднись всѣ отнесла въ лавочку: соли да того-сего надобно...

— То-то... соли да фасоли...

— Нужда! Ну и отнесла.. Вдова, вѣдь, мальчоночка на рукахъ. Ужъ не обезсудьте... чѣмъ богата!

— А ты пошарь все-таки: можетъ и на насъ найдется. Кто духовнымъ подаетъ, Господь тому невидимо посылаетъ сторицею.

Вдова томилась и безпомощно оглядывалась по сторонамъ.

— Не обезсудьте!

— Скупенька, вдовица! — укоризненно покачивалъ головой о. Викторинъ:—яичка жалко... а? Батюшка-то молится за васъ, — трудится, ѣдетъ десять верстъ, печется о душахъ вашихъ...

Вдова смущенно улыбалась.

— Ну, пойду, посмотрю не то, не снеслась ли хохлушка!

— Поди, поди.

Черезъ минуту, въ то время, какъ гдѣ-то все еще кричала потревоженная курица, вдова выносила только что снесенное, еще теплое и слегка выпачканное яйцо.

Въ другомъ мѣстѣ ихъ встрѣчалъ рослый парень, сажень въ плечахъ, но худой и угрюмый, съ серьгой въ ухѣ, съ волосами, налѣзавшими на глаза, такъ что ему приходилось постоянно ихъ отбрасывать рѣзкимъ движеніемъ головы.

— Чѣмъ благословишь, Яковъ?

Рослый Яковъ выносилъ лукошко сорнаго овса.

Батюшка жевалъ губами.

— А пшенички развѣ нѣтъ, Яковъ? Вѣдь ты молодожонъ... хе-хе! Чать, поди, стыдно бы батюшкѣ пше-

нички не дать... для новаго жительства... Пошарь-ка тамъ, Яковъ... въ сусѣкѣ-то... Хе-хе!

Яковъ оставался серьезенъ, точно онъ въ жизни никогда не улыбался. Онъ энергично откидывалъ волосы и говорилъ съ рѣзкой откровенностью, отъ которой умирали батюшкины шутки:

— Не родилось нынче... сѣять негдѣ!

Иная изба была высока и плотно сколочена изъ стараго лѣса. Но батюшка уже зналъ ее и говорилъ неувѣренно пѣвчему:

— Заходить ли?

Изба смотрѣла тусклыми окнами на солнце, но его блескъ ея не радовалъ: она походила на вымерочный баракъ, еще полный воспоминаній о недавнихъ стонахъ и смертной агоніи: оголенныя стропила ея крыши, черныя и изсохшія, какъ чумныя руки, безнадежно вздымались къ небу, не грозя и не умоляя.

— Караваевъ!

На окликъ, раздававшійся эхомъ въ пустой избѣ, выползалъ изъ нея тощій, какъ скелетъ, апатичный мужикъ, съ вялыми движеніями и безцѣльнымъ взглядомъ.

— Че-о?—говорилъ онъ, какъ сонный, забывая даже поздороваться и попросить благословенія.

— Сними шапку-то передъ батюшкой... дерево!—говорилъ пѣвчій.

Мужикъ механически исполнялъ приказаніе.

— Есть, что ли, пшеница-то? Выноси!

— Не прогнѣвайтесь!

— Почему такъ?

— Не сѣяно...

— Который годъ не сѣешь-то!

— Годъ-то? А хто его знаетъ... годъ-то! Раззоримши, извѣстно... Сѣяли! Какъ же... Семья была... все было! Теперича отощали, извѣстно... Земли... нѣту... хлѣба...

— Айда дальше!—сердито говорилъ батюшка.

Они шли, а мужикъ все стоялъ у воротъ, забывая идти въ избу,—и смотрѣлъ въ землю, точно въ глубинѣ ея роились тѣ смутныя грезы, къ которымъ онъ прислушивался,—загадки жизни,—для которыхъ онъ не зналъ разгадокъ...

У Флегонтовой избы нѣвчій съ чувствомъ самоудовлетворенія громко и продолжительно сказалъ:

— Т-п-пр-рр-р-у-у-у...

Флегонтъ Кирилычъ встрѣтилъ батюшку на крыльцѣ.

— Милости просимъ, батюшка-съ... отдохнуть, закусить, чѣмъ Богъ послалъ...

— Можно, можно...

— Поди притомились?

— А то!

— Тепленько-съ нынче! Да и безполезно самое хожденіе... толку отъ здѣшняго народу нѣтъ... голытьба-съ!

Нѣвчій заискивающе поддакнулъ:

— Безпортошники!

Пока батюшка входилъ на крыльцо, Флегонтъ Кирилычъ кричалъ работникамъ, чтобы они выносили батюшкѣ что̀ приказано. Одинъ работникъ вынесъ громадную пудовку пшеницы, насыпанной сверхомъ. Онъ несъ ее въ обхватъ, кряхтя.

„Куда два будетъ!“—подумалъ батюшка.

Нѣвчій почтительно снялъ шапку.

Когда пшеницу ссыпали въ мѣшокъ, мѣшокъ съ шумомъ вздохнулъ, распухъ и ужъ не хотѣлъ умѣщаться въ тарантасѣ съ другими мѣшками, словно стыдясь ихъ плебейскаго сосѣдства, такъ что его пришлось положить въ задокъ на сѣно.

Другой работникъ вынесъ подъ мышкой баранью ногу, а въ рукахъ связанную и отчаянно кричавшую утку.

— Ножку для васъ, батюшка!—посмѣивался Флегонтъ Кирилычъ:—чтобы по приходу безъ устали ходить-съ... А уточку—матушкѣ... въ гости къ намъ летать-съ!

Батюшка, посмѣиваясь, проходилъ въ избу, говоря по пути пѣвчему:

— Прилежный человѣкъ!

Изба была просторна, чиста, свѣтла, на двѣ половины.

Въ первой половинѣ,—опрятной кухнѣ,—встрѣтила батюшку скромная, болѣзненная женщина, съ испуганнымъ взглядомъ и несмѣлой рѣчью.

— Лизета!—сказала она, попросивъ благословенія, при чемъ руки у нея сильно дрожали: -поцѣлуй у батюшки ручку.

Лизета, ширококостная, неуклюже-сложенная дѣвица съ лѣнивымъ, плоскимъ лицомъ и точно съ подушками на груди за платьемъ, сказала оттопыривъ губы:

— Что ужъ это, мамаша, какъ вы выражаетесь!

Шумя накрахмаленными юбками, наскороодѣтыми для пріема батюшки и ослѣпляя его краснымъ цвѣтомъ платья, напоминавшаго мѣшокъ, передѣланный въ каноть,—Лизета слегка коснулась губами батюшкиной руки и потомъ горячо ее пожала, считая это за утонченный пріемъ городского этикета.

— Пожалуйте, батюшка, въ гостиную!

Комната, которую Лизета назвала „гостиною“, — была оклеена синими обоями; на окнахъ висѣли кисейныя занавѣски; на стѣнахъ портреты Царствующихъ Особъ, военныхъ разнаго званія, карточки хозяина и его семейства въ разныхъ видахъ. Вдоль стѣнъ стояли вѣнскіе стулья, столики, крытые вязаными скатертями; въ углу—этажерка съ книгами, межъ которыми бросался въ глаза „сводъ законовъ“; въ простѣнкѣ распространялся неуклюжій, но обширный кле-

ячатый диванъ; надъ нимъ картина „вечеръ въ Малороссіи“ и въ золоченой рамѣ большой портретъ генерала Турникетова, пожилого человѣка съ красивымъ и гордымъ лицомъ. Передъ диваномъ краснаго дерева столъ на толстой лапѣ, упиравшейся въ ярко-красный коверъ, былъ уже уставленъ винами и закусками, окружавшими весело кипѣвшій самоваръ.

Батюшка потеръ руки.

Онъ уже забылъ-было и помолиться, смотря заискрившимися глазами на яства, но спохватился и усердно покрестился, низко кланяясь, на иконы въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ, передъ которыми, свѣтясь, ярко зеленѣла большая лампада. Потомъ онъ сѣлъ на диванъ. Пѣвчій смотрѣлъ въ комнату, широко улыбаясь, но не рѣшаясь войти.

— Ты, Степанъ Макаровичъ, того,—сказалъ ему Флегонтъ Кирилычъ, быстро входя въ комнату:—присядь ужъ тамъ въ кухонкѣ... хозяюшка угоститъ.

Пѣвчій разочарованно повелъ носомъ и губами, и сѣлъ въ кухнѣ къ столу, затая обиду.

Лизета разливала чаи, смущая батюшку шумомъ юбокъ.

— Пожалуйте, батюшка-съ!—угощалъ Флегонтъ Кирилычъ:—передъ чайкомъ-то! Согласно усмотрѣнія! Вотъ малороссійская... очень полезный напитокъ! Вотъ Кюмель-съ...

— Я простеца... съ устатку!

— Прошу-съ!

Они выпили.

Батюшка, прожевывая селедку и вспоминая давешнюю сцену, сказалъ, чтобы угодить хозяину.

— Веліе развращеніе въ народѣ пошло... какъ Господь терпитъ!

— Именно-съ!—возбужденно подхватилъ Флегонтъ

Кирилычъ:—истину изволили сказать-съ! Я такъ, батюшка, ваше благословеніе, полагаю-съ!—подѣлъ онъ ближе къ столу и ткнулъ куда-то худымъ пальцемъ въ пространство:—смотри въ статью... чтобы по статьѣ все выходило... не правда-ли-съ?

– Конечно!—подтвердилъ батюшка, не понимая, о какой статьѣ рѣчь.

— Согласно закона!

Батюшка понялъ и горячо согласился:

— Вотъ, вотъ! Закономъ общество устрояется...дабы не было колебанія!

— Законъ зачѣмъ данъ?—грозилъ пространству Флегонтъ Кирилычъ, будто пространство передъ нимъ полно было беззаконія:—для прожитія... и во всемъ продовольствія-съ! Всякое пропитаніе отъ закона-съ... и согласно тому порядокъ! На все есть своя статья! Купить хочешь?—Статья!—Продать желаешь?—Параграѳъ-съ... и по силѣ примѣчаніе!

— Предусмотрительно!—покрутилъ головой батюшка.

Флегонтъ Кирилычъ рисовалъ въ пространствѣ дуги.

– Каждому сословію своя линія положена!—дѣлалъ онъ круглые глаза:—и ограждено... согласно интереса-съ! Военное сословіе? Пожалуйте, военный кодѣксъ! Гражданское? Извольте-съ, уложеніе! Крестьянскому сословію свой артикулъ-съ, духовному свой. И все предусмотрѣно... согласно, чтобы... Не правда-ли-съ, батюшка?

— Премудро!—вздыхалъ батюшка:—и все сіе составляетъ сводъ! И все сіе земное благоусмотрѣніе,—дабы усмирить въ человѣцѣхъ алчбу тѣлесную и страстей кипѣніе, и направить всякъ шагъ человѣчь на стезю доброзрачную... Но есть такожде инъ законъ, законъ небесный, данный человѣкамъ во спасеніе душъ ихъ... яко лѣствица, возводящая на небо!

Батюшка слегка растрогался отъ собственныхъ словъ, представивъ лѣствицу, уводящую куда-то кверху, въ небо. Онъ поднялъ даже глаза къ потолку, но ничего тамъ не увидѣлъ, кромѣ чернаго крюка для лампы, слегка заржавѣвшаго.—„А вѣдь люстру купить когда-нибудь... дѣлецъ! Въ гору идетъ!“ — подумалъ онъ и съ невольнымъ уваженіемъ перевелъ глаза на Флегонта Кирилыча.

— Я мужиковъ за что ненавижу-съ? — ловилъ Флегонтъ Кирилычъ пространство всѣми пятью пальцами:—ненавижу ихъ за хамство-съ!

— Ненависть—не христіанское чувство,—мягко замѣтилъ батюшка.

Флегонтъ Кирилычъ заморгалъ глазами и усы его запрыгали.

— Батюшка! Ваше благословеніе... вникните-съ! Какъ и что... Мужикъ—воровская нація! Вы не смотрите, что онъ въ лапоткахъ ходитъ и смиренный... Зна-ю я его! Онъ свою думу думаетъ, какъ бы гдѣ что чужое присовокупить-съ... По какому случаю Зосима лѣсъ воруетъ... а?

Флегонтъ Кирилычъ ударилъ ладонью по столу и оставилъ ее тутъ съ растопыренными пальцами.

— Развѣ я позволю-съ? Конечно... оно... лѣсъ не мой! Но онъ нашъ помѣщикъ, онъ нашъ благодѣтель! Который человѣкъ, ежели съ умомъ, отъ него проштаніе жизни своей имѣетъ-съ... и во всемъ благополучіе! И теперича ѣду я по лѣсу... Тяпъ! Тяпъ!.. Какъ я долженъ поступить, всѣ его превосходительства благодѣянія ежечасно чувствуя? Ага! Ты воровать? Ну, и поступай на воровскую линію... Пожалуй, херувимъ, въ тюремное заведеніе!

Батюшка смущенно прихлебывалъ чай, а Флегонтъ Кирилычъ злобно жестикулировалъ руками, будто тутъ

же наскоро сооружалъ тюрьму и заключалъ въ нее преступника.

— Отъ нужды вѣдь!—сказалъ батюшка:—Зосима-то, какъ будто мужикъ... ничего себѣ!

— Какъ-съ?! Развѣ нужда воровству оправданіе?

— Оно вѣрно... А все-таки...

Батюшка вздохнулъ и опять посмотрѣлъ на ржавый крюкъ въ потолкѣ.

— Жалко какъ-то...

— Ужъ вотъ этого я отъ васъ, батюшка, не ожидалъ-съ!—развелъ Флегонтъ Кирилычъ руками и скосилъ голову на плечо:—Какъ будто это... не того маненько! А развѣ ихъ превосходительства не жаль? Кругомъ везутъ и тащутъ! Воръ на ворѣ кругомъ! Ихъ превосходительство даромъ ихъ на своей землѣ держатъ... изъ одного, можно сказать, благодѣянія-съ... по старинной цѣнѣ! А развѣ теперь землѣ прежняя цѣна? Повсюду вздорожаніе-съ! По настоящему, ежели я собственникъ, и своей землѣ хозяинъ, могу я любую цѣну назначить... хочешь, плати, не хочешь, убирайся... безъ тебя найдется желающій, потому нынче она, земелька-то,—подороже денегъ будетъ... да-съ! Да и вообще оно, ежели разсудить... какой мужикъ хозяинъ!... Горку-то за Козьимъ Логомъ изволите знать... на курычанской же землѣ?

— Знаю...

— Втуне горка пропадаетъ. А горка-то алебастровая! Тамъ такой заводище можно взбухать, ахнуть всѣ! Известка-то нынѣ въ большой цѣнѣ... Дорога-съ! Желѣзная-съ! Городъ растетъ, постройки много,—известкѣ ходъ. А горка-то пропадаетъ... Нѣтъ-съ, мужика надо въ кулакѣ зажать, чтобы онъ пищалъ, вотъ тогда онъ хозяиномъ будетъ... А ихъ превосходительство, извѣстно, милостивцы-съ... Кого они не милуютъ, кого не ласкаютъ?

Флегонтъ Кирилычъ понемногу умилялся.

— Ежели вотъ мою-то жизнь поразсказать... историческое происшествіе-съ! Истинно! И все отъ ихъ превосходительства! По гробъ жизни долженъ чувствовать... рабъ!

— Вы вѣдь у нихъ на службѣ состояли, кажется?

— Дворецкимъ! Персона-съ, батюшка! Золотое шитье, галуны... хе-хе! Генеральская одежда! До сихъ поръ храню... святыня! Съ ея превосходительствомъ при дворѣ бывали-съ... Какъ же! Вѣдь ихъ-то превосходительство по женской линіи—князь.

— Прирожденный?

— Отъ Люрика! Да-съ... служилъ-съ! Съ графами и князьями обхожденіе имѣлъ... по благородному-съ! Ну, только у меня свое мечтаніе было... чтобы въ деревню... по хозяйственной части я всегда старатель былъ... и было у меня склоненіе... Господь сподобилъ, а ихъ превосходительство всякую помощь изволили оказать. Жалко было отпускать, но одобрили! И въ землѣ всякое пособіе оказали... Какъ-же-съ! По гробъ жизни... Вы извольте-съ взглянуть на портретъ, батюшка! Сіятельная персона!

Батюшка обернулся къ портрету.

— Домовладыка!—сказалъ онъ:—мужчина видный...ликъ весьма пріятный!

Флегонтъ Кирилычъ замѣтилъ пыль на рамѣ и сказалъ:

— Лизета! Возьми-ка, матушка, тряпочку да потри у его превосходительства рамку, запылилась.

И, когда шумя юбками, точно обернутая въ бумагу, Лизета лѣниво встала на диванъ, чтобы обтереть раму,—Флегонтъ Кирилычъ совсѣмъ размякъ и на лицѣ его появилось блаженное выраженіе.

— Генеральская крестница!—подмигнулъ онъ ба-

тюшкѣ:—не правда ли, батюшка, ужъ совсѣмъ невѣста-съ?

— Юница... великовозрастная!—невольно покосился батюшка на Лизетины подушки.

— Лизетой ее ихъ превосходительство прозвали.—„Лизета! говорятъ:—хочешь за офицера замужъ?“—Хе, хе! Истинно, благородные люди-съ! А вотъ... Анфиски не люблю!—опять нахмурился онъ:—и въ кого не знай... въ мать, что ли? Къ мужикамъ льнетъ! Вѣтрена дѣвчонка... не въ меня... въ мать! Мужичья кровь сказывается...

Онъ пришелъ въ раздраженіе и сталъ опять ловить пальцами пространство.

— Нашла пріятелей... мужиковъ! Отца мѣняетъ! Ужъ такъ жалѣю, что въ гимназію отдавалъ... противно желанія его превосходительства! Хотѣлось все, чтобы по благородному...

— Долго была въ гимназіи?

— Со второго года пришлось взять,—по озорству характера, да уже успѣла испортиться дѣвчонка, отъ рукъ отбилась... Изъ городу-то, видите ли, не сразу взялъ, все хотѣлъ еще куда-нибудь отдать... ну, и набаловалась!

— Въ монастырь собирается!—насмѣшливо проронила Лизета.

— Это все ее чернички сбиваютъ! Н-ну, доберусь я до нихъ когда-нибудь!

— Дѣти, дѣти!—вздохнулъ батюшка:—сколько съ ними заботъ, сколько огорченій... А вѣдь я вотъ о ваней-то Анфисочкѣ, Флегонтъ Кириловичъ,—и не зналъ, что есть у васъ такая. Бойкая дѣвочка! Сына моего, оказывается, знаетъ...

— Вотъ какъ-съ!

— Да! Валерьяна-то! И гдѣ могли познакомиться?

— У Маѳы Ивановны Анфиса въ городѣ-то жила, у свояченицы Климова: можетъ тамъ?

— А! Пожалуй...

— А вы что-же-съ чаю, батюшка... еще пожалуйте!

— Спасибо! Я уже сытъ.

— Ну, водочки!

— Это можно!

Они выпили.

Батюшка солидно отеръ бороду и, намѣтивъ себѣ на закуску давно привлекавшій его вниманіе грибокъ,—подцѣлъ его на вилку и съ удовольствіемъ раздавилъ на зубахъ.

— А что я слышалъ, Флегонтъ Кирилычъ,—сказалъ онъ, внезапно расположившись къ откровенности:—будто вы сами хотите тутъ... собственникомъ задѣлаться?

— Какъ-съ это? — насторожился Флегонтъ Кирилычъ.

— Ну... слухи ходятъ... что... до нѣкоторой степени... пріобрѣтеніе произвести желаете... купить землицу здѣшнюю...

Флегонтъ Кирилычъ подозрительно взглянулъ на батюшку и забарабанилъ пальцами по столу.

— Какъ Богъ-съ... какъ Богъ-съ!—сухо забормоталъ онъ:—всѣ въ Его волѣ... всѣ... А слухамъ не извольте вѣрить... дѣламъ вѣрьте-съ... А слухи что... слухи... пустое!

Онъ вдругъ замолчалъ и батюшкѣ стало неловко.

— Ну, пойду!—поднялся онъ:—пока засвѣтло... Благодарю за угощенье.

— Помилуйте-съ!

— Заѣзжайте въ гости... И Лизеточка бы пріѣхала когда...

— Мерси!—сказала Лизета лѣнивымъ голосомъ.

Въ сѣняхъ о. Викторинъ пріостановился и таинственно сказалъ Флегонту Кирилычу:

— Вы вотъ что, Флегонтъ Кириловичъ... Ужъ ежели у васъ что будетъ тамъ съ Зосимой... Ради Бога! Не ставьте меня въ свидѣтели! Хуже смерти мнѣ это! Отъ прихода отрывка... И не люблю! Пожалуйста!

Флегонтъ Кирилычъ хотя и съ неохотой, но обѣщалъ и проводилъ батюшку на крыльцо, гдѣ его уже ожидала черничка съ приглашеніемъ:

— Посѣтите нашу келейку, батюшка!

— Можно, можно.

IV.

Черничкина келья стояла на задворкахъ, за огородомъ, у лѣсной опушки. Она смотрѣла однимъ окномъ въ темную гущу лѣса,—двумя—на просторъ поляны. О. Викторинъ подумалъ, что въ этомъ уединеніи одинаково хорошо молиться и грѣшить.

— Пустыня!—улыбнулся онъ Аннушкѣ.

Аннушка скромно опустила глазки.

— Воистину! Уединенно тутъ у насъ... отъ суеты мірской далеко... отъ искушеній!

— А я слышалъ,—улыбнулся батюшка,—у васъ тутъ и градскіе иноки бываютъ, изъ Козьмо-демьянской обители... кои по сбору...

Аннушка вспыхнула и еще скромнѣе поджала губы.

— Посѣщаютъ-съ!

Она бѣгомъ опередила батюшку и встрѣтила его у дверей съ калачомъ, сверху котораго стояла солонка. Въ своемъ красиво-сидящемъ шерстяномъ платьѣ и помонастырски повязанномъ платочкѣ, она встала у двери, придала своему пухлому, лукавому личику благочестивое выраженіе и сказала, кланяясь:

— Во имя Господне благословите, батюшка!

— Что же, что же... Богъ благословитъ! — солидно говорилъ батюшка, благословляя согнувшуюся головку и кладя пухлую руку на калачъ для поцѣлуя:—во имя Отца... и Сына...

— Аминь! — тоненькимъ голоскомъ отвѣчала Анпушка.

Пока черничка хлопотала въ сѣняхъ съ самоваромъ, батюшка прошелъ въ комнату. Она была невелика, но уютна, въ ней пахло ладаномъ, рыгальнымъ масломъ и кипарисомъ іерусалимскихъ сундуковъ. По полу разстилались домоткапныя половички,—ярко-пестрыя; по гладко - выструганнымъ стѣнамъ висѣли картины Афона и Іерусалима лаврскоії печати, въ перемежку съ портретами духовныхъ особъ греческаго типа, въ клобукахъ и мантіяхъ; на особоії полочкѣ прилаженъ былъ вырѣзанный изъ дерева и окрашенный въ черную краску, точно вымазанный ваксою инокъ. Передній уголъ заполняли иконы въ яркихъ фольговыхъ ризахъ, передъ которыми горѣла „неугасимая“; — изображеніе старца Серафима, согнувшагося отъ старости и Симеона Верхотурскаго, худого и высокаго. Велѣдъ за батюшкоії вошли въ комнату еще двѣ черички, запыхавшіяся и пунцовыя отъ быстраго бѣга, — одна, — Евгеньюшка, — высокая, дебелая, — съ выгнутыми черными бровями и открытымъ, спокойнымъ лицомъ, иногда озарявшимся тихою и задумчивой улыбкоії,—другая,—Лукерьюшка,—пышка, вѣчно улыбающаяся невѣдомо чему,—своимъ ли мыслямъ или чужимъ словамъ. Онѣ попросили благословенія и, называя другъ друга „сестрицами“, хлопотливо начали собирать на столъ.—„Сестрица, гдѣ у Анпушки изюмъ-то?“—„Въ поставцѣ, сестрица!“ Батюшка улыбался, слушая ихъ,—и когда его спросили:

— Водочки: закусите, батюшка?

Онъ отвѣчалъ въ тонъ имъ, посмѣиваясь:

— Закушу, сестрицы.

Когда Аннушка внесла самоваръ, о. Викторинъ пригласилъ черничекъ непремѣнно присѣсть къ столу и выпить съ нимъ за компанію чаю. Онѣ пили съ блюдечекъ, маленькими глоточками, какъ пьютъ въ монастыряхъ, и вёли съ батюшкой благочестивые разговоры о путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ, о жизни иноковъ въ глухихъ обителяхъ, сокрушались о близкой кончинѣ міра,—потому-что православному народу жить стало совсѣмъ тяжело. Онѣ представляли себѣ міръ, какъ огромное пространство, въ которомъ народъ мучается среди бѣдъ и напастей, а вокругъ него—пустыня съ врагами лютыми.

Въ окна заглядывалъ вечеръ.

О. Викторинъ совсѣмъ размякъ.

Ему необыкновенно нравилась эта маленькая комната, напоминавшая келью, запахъ кипариса, и эти здоровыя, красивыя дѣвицы, совсѣмъ походившія на монашекъ. Онъ даже забылъ про чай и водку.

— Дѣвочки... дѣвочки!—бормоталъ онъ,—а ну-те спойте канту, эту... какъ ее... чувствительную!

Въ этотъ моментъ дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату ворвалась Анфиса. Лицо ея разгорѣлось отъ быстраго бѣга,—еще неоформившаяся грудь порывисто дышала, глаза блестѣли веселымъ задоромъ и тою смѣлостью, которая еще давеча смутила о. Викторина.

— Споемъ, дѣвушки, про рай! — сказала она, заложивъ руки за спину и ставъ у притолки:—батюшкѣ понравится.

— Кака востра!—разсмѣялся о. Викторинъ, любуясь ею:—поди безъ спроса отъ отца прибѣжала, Анфиса Флегонтьевна? Жалуется онъ на тебя...

– Боюсь я!—мотнула она небрежно головой.

– Шустра!

– Такой Богъ создалъ!

– А къ родителю-то надо почтительнѣе относиться, дѣвушка, онъ тебѣ отъ Бога данъ!—нашелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе о. Викторинъ, принявъ строгій видъ. Но Анфиса состроила такую уморительную гримасу, что онъ разсмѣялся.

— Ну же, про рай! Евгеньюшка! Аннушка! — бросилась къ черничкамъ и начала ихъ тормошить Анфиса:— страсть хороша пѣсня, сестрицы... споемъ!

И она присоединила свой тонкій голосокъ къ пѣнію.

Ужъ вы, голуби, вы сизые!
«Мы не голуби, мы не сизые...
Мы ангели, мы архангели!
— «Вы нгдѣ бывали?
Вы чего видали?
— «Ужъ мы видѣли чудо страшное,
Преужасное!
Какъ душа съ тѣломъ разставалася,
Распрощалася!
Прощай, тѣло, прощай, бѣло...
Тебѣ, тѣло, въ сыру землю итить,
А мнѣ, душѣ, на второй судъ итить...
На второмъ судѣ огонь горитъ,
Смола кипитъ, раскипается...
Бѣсы съ крючьями распинаются...
Они съ крючьями,
Они съ копьями!

Батюшкѣ это мѣсто особенно нравилось и онъ подпѣвалъ густымъ басомъ:

Они съ крю-чья-ми...
Они съ ко-пья-ми!

Отъ удовольствія у о. Викторина глаза стали масляные и сощурились, а руки сами собою протягивались въ воздухѣ и регентовали.

А я, душа, мимо рая шла,
Въ рай не зашла...
У крынь зашла,
У крынь—пески,
Гдѣ ни хлѣба, ни воды,
Ни зеленой травы...
Какъ денной ангелъ проглашалъ душѣ:
— «Что-же ты, моя душенька,
Мимо рая шла, а въ рай не зашла?
Какъ у насъ, моя душенька,
Въ раю жить хорошо, а жить—некому!
Тамъ цвѣты цвѣтутъ лазоревы,
Растутъ древа купаресовы,
Лежатъ луга непокошены,
Стоятъ хлѣба непоубраны!

Голоса черничекъ становились все печальнѣе и приняли совсѣмъ скорбный и рыдающій оттѣнокъ, когда онѣ дружнымъ хоромъ продолжали отъ лица души:

— «Увы, увы, мой прекра-сный рай!..

Вдругъ Анфиса оборвала пѣніе, метнулась къ батюшкѣ, сѣла съ нимъ рядомъ и заглянула ему прямо въ лицо, такъ что батюшка невольно подался назадъ.

— Батюшка! Возьмите меня... отдайте меня въ монастырь!

Лицо ея поблѣднѣло и глаза утратили свой веселый блескъ...

— Съ чего это ты вздумала, стрекоза!—удивился батюшка.

Она всплеснула руками, прижала ихъ къ груди и вскричала со слезами:

— Ахъ, скучно мнѣ здѣсь... скучно! Не могу я... Такое здѣсь все...

— Какое?

Она не могла объяснить и повторяла:

— Такое... такое...

Въ это время дверь отворилась и въ нее съ трудомъ пролѣзъ рослый, крупный мужикъ, съ большой, какъ жбанъ, головой и добродушнымъ лицомъ, къ которому точно привѣшена была широкая рыжая борода. Онъ съ шумомъ и хрипомъ помолился на образа, крестясь волосатыми, крупными, какъ медвѣжьи лапы руками.

— Здорово, дѣвчата! Здравствуй, батюшка!

— Откуда ты, Демьянъ? Я тебя не засталъ давеча дома.

— Съ городу, вишь ты... пшеницу продавалъ... Ничего, цѣна добра! Отъ Флегонта нанямши, вишь ты...

— Каки новости въ городѣ?

Демьянъ вздохнулъ.

— Ужъ каки тамъ новости намъ, хрестьянамъ... вишь ты! Одинѣ намъ новости... Помирать вотъ надо!

— Что такъ?

— Ужъ такъ! Выдь-ка, батюшка, на улицу... Хрестьяне тебя видѣть желаютъ.

— Зачѣмъ?

— Вишь ты... дѣла тамъ!

Поблагодаривъ черничекъ за угощенье, о. Викторинъ вышелъ къ мужикамъ.

Солнце уже опускалось за деревья и обливало поля, крыши хатъ и дальнія опушки лѣса багровымъ свѣтомъ, будто заревомъ громаднаго, но далекаго пожара. Этимъ же отблескомъ освѣщались и возбужденныя лица мужиковъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ на землѣ возлѣ кельи. Тутъ батюшка увидѣлъ Парамона, оттопыривавшаго свои рыжіе усы съ хмурымъ видомъ, и рослаго Якова, постоянно откидывающаго волосы со лба рѣзкимъ дви-

женьемъ, точно онъ отгонялъ назойливую мысль. Сюда приплелся даже старый Вуколъ съ вѣчнымъ хрипомъ въ груди. Онъ сѣлъ на землѣ, низко свѣсивъ голову и кашлялъ такъ, будто собиралъ капель въ подолъ рубахи. При видѣ батюшки онъ всталъ съ помощью пѣвчаго и стоялъ, трясясь отъ кашля, и пристально смотря на батюшку потухшими глазами. Позади всѣхъ, подъ деревомъ, стоялъ Караваевъ, худой, какъ призракъ голода, и смотрѣлъ въ землю все время упорно и безучастно, такъ что нельзя было сказать, прислушивается онъ къ разговору или занятъ собственными мыслями.

— А гдѣ же Софронычъ?—спросилъ батюшка:—сказывалъ онъ мнѣ давеча, что вернется къ вечеру.

— Не вернется Софронычъ...—сказалъ Демьянъ:—проѣзжалъ я черезъ Воскресенское, сказывали: повздорилъ съ земскимъ Софронычъ... посадили, говорятъ...

Мужики обступили батюшку.

— Батюшка! Мы къ тебѣ съ просьбой! Теперича таки дѣла... вотъ Демьянъ сказывать.

— Таки дѣла, старички?

— Таки дѣла!

Мужики уныло смотрѣли въ землю и разводили руками.

— Бѣда подходитъ! Демьянъ! Сказывай батюшкѣ... про всѣ дѣла!

Демьянъ тоже развелъ волосатыми руками.

Его широкое лицо смущенно и напряженно улыбалось.

— Вишь ты... сказываютъ въ городѣ... Цѣловальникъ тамъ есть изъ нашинскихъ, Павелъ Степанычъ,— въ казенной лавкѣ. Давно эти слухи у насъ ходили, вѣрнаго никто не зналъ, а теперь Павелъ-то Степанычъ божится... будто... Флегонтъ-то... вишь ты... проглотить насъ хочетъ!

— Демьянъ!—поспѣшно прервалъ батюшка.

Онъ указалъ глазами на Анфису, стоявшую въ дверяхъ кельи.

Демьянъ на минуту расцвѣлъ.

— Ничаво!—сказалъ онъ:—она на насъ не доношница!

Все же... Негодится дочери про отца слушать...

Онъ обернулся къ дѣвочкѣ.

— Анфиса... уйди!

Она хмуро мотнула головой и осталась, но потомъ отошла къ опушкѣ и стала за деревьями, такъ что платье ея бѣлѣло въ лѣсныхъ сумеркахъ.

— Ну,—сказалъ Демьянъ:—теперича... вотъ и говоритъ Павелъ Степанычъ-то, что раскидывать Флегонтъ сѣти... И безъ того тутъ гиблое мѣсто было, а теперь... что и дѣлать будемъ, не знаи... Смотри, вотъ онъ лѣсъ-то кругомъ... э-вонъ... лѣсъ-то какой! И туда взгляни... И сюда... Эвонъ!

Демьянъ широко бороздилъ по воздуху волосатой рукой, будто чертилъ магическіе круги, изъ которыхъ нѣтъ выхода.

— Чужой! — Стѣна кругомъ... Тюрьма! Своего-то лѣса у насъ прута нѣтъ!—а земли... вотъ вся она тутъ... земля-то... какъ на ладони! Сколько въ нее нашего поту легло... и родителевъ нашихъ... А что толку! Глянь, много ли ее...

Батюшка невольно пробѣжалъ взглядомъ по полянѣ до дальнихъ лѣсныхъ опушекъ, обагренныхъ заревомъ заката, будто тамъ потъ, о которомъ говорилъ Демьянъ, — превратился въ кровь и осѣлъ на деревья.

— Рендой насъ Турпикетовъ не тѣснилъ, — продолжалъ Демьянъ, — что говорить! Какъ была цѣна въ прежніе годы, — та же и теперь... малость такъ развѣ понадбавилось... Да и немного ее тутъ, земли-то, — при-

купать приходилось. Въ прежни годы прикупали мы земли-то у Турнкетова... Эвона, тамъ за лѣсомъ, вишь ты, тамъ, гдѣ колка березова,—поле было! И теперича вотъ въ ту сторону тоже участокъ ха-р-ошій былъ! Присѣвали съ грѣхомъ! Тѣснилъ насъ управляющій съ той землей, цѣну бралъ безбожную,—ну,—а куда мужику податься! Рады были, что въ чужи руки ту землю не отдаютъ... енаральская воля была на то, чтобы намъ... Плохо ли, хорошо ли, жили! А нонѣшній годъ Турнкетовъ распалился на насъ... Порубки, вишь ты, много... Ну,—извѣстно, нельзя мужику безъ порубки! Штраховалъ насъ управляющій,—Германъ Иванычъ,—кои и на отсидкѣ побывали... а ничего, жить можно было! А какъ завелся у насъ Флегонтъ... и пошло! И пошло! Самъ, вишь ты, высѣживаетъ, самъ енаралу доноситъ... Ну, и распалился енаралъ-то! Участокъ-то, тамъ, за березками,—продалъ вашинскому купцу... Климову. А поле, что тамъ за лѣсомъ,—искони-то наше поле... вишь ты... Флегонту. Чуешь, батюшка?

— Ну? Дальше что же?

— А теперича ходитъ слухъ, будто сманилъ Флегонтъ енарала-то по всей округѣ ему землю продать, съ лѣсомъ, со всякимъ угодіемъ... и будемъ мы, стало быть, Флегонтовы крѣпостные! Потому,—и наша земля къ нему отойдетъ...

Демьянъ смолкъ.

Батюшка погладилъ бороду въ раздумьи и помолчалъ.

— Что же!—сказалъ онъ,—не вижу причины безпокойства. Дѣло хорошее! Флегонтъ Кирилычъ человѣкъ при капиталахъ... А вамъ не все ли равно, кому деньги платить?

— Какъ это возможно!—встрепенулись и вразъ заговорили мужики:—что ты, батюшка, говоришь... неладно этакъ-то!

У Парамона удивленно и обиженно заходили брови, а рослый Яковъ ожесточенно тряхнулъ волосами и плюнулъ куда-то въ сторону, будто плевалъ въ лицо лютому врагу.

— Флегонка, прямо сказать, слопаетъ насъ!—сказалъ онъ. — И теперь мы батраки его! На себя ништо работаемъ? Изъ-за куска хлѣба,—изъ-за клочка земли идетъ къ нему народъ, — кто въ работники, кто въ пахари... и въ погонщики и въ возчики... за долги работаемъ и еще пуще должаемъ. Кабала!

— Да онъ съ насъ, цѣну-то, батюшка, какую хочетъ слупитъ!—взмахнулъ руками Парамонъ:—его воля будетъ? Сживетъ насъ, прогонитъ насъ съ земли!

— Однимъ лѣсомъ изведетъ! У него прута не срубишь! За хожалое по лѣсу штрафами доймётъ!

— Зосиму-то видалъ? Чѣмъ кузнецъ ему поперекъ горла всталъ! Какъ песъ сторожитъ чужое...

— Не чужое, свое ужъ, мотри-ка!

Мужики пришли въ возбужденіе.

— Мы не желаемъ, чтобы такъ.... чтобы къ нему! Полонъ! Какъ возможно... Раззорить! За что Зосиму? Онъ всѣхъ такъ-то! Притѣснитель! Мы и Зосимы не дадимъ! Онъ старатель! Ослобоним его!

— Сбѣжалъ Зосима-то!—сказалъ Демьянъ.

— Н-ну? Ахъ ты...

— Во-тъ... прія-тно!

Демьянъ, уныло стоявшій, расцвѣлъ и хитро мигнулъ мужикамъ по направленію къ лѣсу, гдѣ въ густѣвшихъ сумеркахъ межъ ближнихъ деревьевъ все еще бѣлѣло платье Анфисы.

— Анфиска, слышь... указала бабъ-то...

— Да ну?

— Привела... бабу-то! А та замокъ сшибла... Флегонтъ-отъ воюетъ! Молчи только, робята!

— До-бра дѣвушка!

Мягкій и добродушный смѣхъ пошлылъ надъ огородами.

— Батюшка!—сказалъ Демьянъ:—такъ не такъ, а мы до тебя! Рѣшили старики... вишь ты... Пойдемъ до батюшки, попросимъ, пусть похлопочетъ!

— О чемъ, старики?

— Съѣзди къ енералу-то!

Батюшка мгновенно пришелъ въ ужасъ и замахалъ руками.

— Что вы... что вы, старики... Что вы!

— Съѣзди! Мы подводу дадимъ... и все... какъ слѣдуетъ! Объясни ему! Ты — отецъ духовный... ты — священникъ... ты заступникъ намъ... больше у насъ хто... Тебя послушаетъ! Пущай не отдаетъ Флегонту... остервенится народъ! Нельзя намъ... вишь ты... понимаешь, како дѣло? Безъ того мы раззоренный народъ... отощали... обнищали... Мощи! Глянь, шкилетами ходятъ мужики-то! Ништо мы жители? Волки!

Голосъ Демьяна становился все убѣдительнѣе.

Онъ грустнымъ взглядомъ обвелъ поляну, лѣсъ, небо, будто ища выхода, защиты, поддержки и не находя ихъ.

— Гибель пришла! Не выдержимъ! Куда дѣться намъ? Убѣди енерала-то! Мы было Зосиму снаряжали... Совсѣмъ дѣло на ладу было, да... вишь ты... прослышалъ, стало быть, Флегонтъ-то, и напалъ! Караулилъ... Да и староста-то у насъ, вишь ты, его руку держитъ... А потомъ старики такъ разговаривали:—кому, какъ не батюшкѣ, стало быть... Ежели бы и съ Зосимой-то, то вмѣстѣ...

Батюшка въ смущеніи сѣлъ на завалинку.

Онъ чувствовалъ легкое сердцебіеніе и поляна плыла у него передъ глазми.

— Старики! Не дѣло вы задумали! Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся! Какъ возможно мнѣ въ этакое дѣло вступаться!

— Отецъ! Ты—нашъ заступникъ!

— Передъ Богомъ... молиться ежели! Молебствіе! О всемъ просить можно... что на потребу! Онъ Царь небесный! Онъ—все сдѣлаетъ! А съ людьми... съ людьми-то надо, знаешь, какъ... жить-то, то-есть? По разуму! Се что добро или что красно, но еже жити намъ, братіе, вкупѣ! А я какъ же въ дѣла такія вотрусь? Съ какого конца? Мое дѣло... небесное... А тутъ—земная каптель! Какъ вступлюсь? Что скажу? На меня и Флегонтъ Кирилычъ оскорбится, и генералъ обидится! Скажутъ, я васъ и подговаривалъ-то... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Да мнѣ и домой пора, братцы... Пора... ночь! Пойду-ка я...

Онъ поднялся съ завалинки.

— А вамъ, старички, посовѣтую... смирненько надо! По хорошему! Всѣ люди, всѣ братья! Смиреніе — всѣ любятъ... И Царь Небесный и... всѣ люди именитые! Господь нашъ, Іисусъ Христосъ,—былъ агнецъ смиренный, возложивый на рамена свои пречестныя грѣхи всего міра... Съ Него примѣръ берите! Злостраждетъ ли кто изъ васъ? Терпи! Трудись во славу Божію! Ѣшь хлѣбъ свой со смиреніемъ и вкушай воду съ кротостію! А Господь все разберетъ, кому и что, коемуждо по дѣломъ его... да, да! И Флегонтъ Кирилычъ не звѣрь, а человѣкъ... и человѣкъ благочестивый, разумный, дому хозяинъ прилежный! Не раззоритель! Примѣръ ученія съ него надо брать! И къ тому же онъ въ чести у помѣщика! Какъ можно! Какъ можно! А ежели бѣдность... сіе отъ Господа! Въ наказаніе намъ посылается и дабы не пристращались къ временному, но стремились къ небесному... Ибо, какъ поется въ церковномъ пѣснопѣніи: „гдѣ есть мірское пристрастіе, гдѣ есть злато и сребро,

гдѣ есть рабовъ множество и молва,—вся персть, вся пепелъ, вся сѣнь!“ Такъ-то! Прощайте, братіе! Подумайте надъ словами моими и смиритесь! А ежели что... сами хлопочите... а меня увольте!

Онъ поспѣшно пошелъ черезъ огородъ къ улицѣ.

Мужики понуро молчали. Демьянъ еще разъ позвалъ неувѣренно:

— Батюшка!

Батюшка махнулъ рукой, спѣша къ улицѣ.

V.

Еще надъ полями густѣли сумерки, а въ лѣсу уже царила ночь. Ея прохладная тишина понемногу успокоила о. Викторина. Въ то время, какъ Саврасый нога за ногу плелся по лѣсной колеѣ, и все еще мысленно пережевывалъ прекрасный овесъ,—какимъ его угостили у Флегонта, о. Викторинъ отдавался безцѣльному блужданію мысли, то размышляя о разговорѣ съ мужиками и хваля себя за благоразуміе,—то, при видѣ звѣздъ,—удивляясь Божію величію и непосредственно переходя затѣмъ къ соображеніямъ о паденіи благочестія въ народѣ, причемъ, представляя, какъ тотъ или другой прихожанинъ вынесъ хлѣба не по достатку своему, шепталъ:

— Скупенекъ!

Потомъ о. Викторинъ пустился въ сложныя вычисленія, пріобщая собранную пшеницу къ общему количеству пшеницы, хранящейся въ двухъ его амбарахъ и умножая ее на базарную цѣну. Получалась въ аккуратъ цифра годовой затраты на воспитаніе сыновей...

— Вотъ тутъ и поживи! Хоть бы Валерка вышелъ въ люди... Не жалко бы... А то... Вотъ Никаноръ,—дѣльный! И въ службѣ помогаетъ, когда на вакатахъ, — и

во все вникаетъ. Я, говоритъ, сельскимъ священникомъ буду и долженъ все знать... Строгонекъ будетъ, правда... есть въ немъ это... въ мать! Да что жъ... не бѣда! Нужна строгость-то на мужиковъ... распустились! Вотъ и епископъ совѣтовалъ, чтобы проповѣдями покрѣпче донимать! А вѣдь я что жъ... гдѣ мнѣ возиться на старости лѣтъ... Проповѣди, да школы! Да строгости! Нѣтъ ужъ... Богъ съ ними... на покой пора! Только бы Никанора дождаться... Дѣльный, дѣльный попъ будетъ Никаноръ! А Валерка... Ахъ, Валерка, забота моя... Боюсь, что непутевый выйдетъ, въ Петьку. Тоже будетъ болтаться Богъ вѣсть гдѣ и какъ... Все не по немъ! Распоряженія начальства критикуетъ, не только духовнаго, но и свѣтскаго... Въ духовные идти и слышать не хочетъ... Въ университетъ... Ну, что жъ, пусть идетъ... не воспротивлюсь... Думаетъ, слаще на свѣтской-то службѣ! Пусть вкуситъ!

О. Викторинъ вздохнулъ и ему сочувственнымъ вздохомъ отозвался Саврасый.

— Ты чего, старикъ, вздыхаешь?—слегка тронулъ Саврасаго вожжей о. Викторинъ:—какія у тебя заботы? Трогай-ка, старикъ, трогай... тебѣ до конюшни пора, а мнѣ до спальни!

Саврасый сочувственно мотнулъ головой и затрусилъ, а о. Викторинъ, представивъ спальню и теплую постель, на которой ужъ, навѣрное, нѣжится попадья, возвышаясь горою подъ стеганымъ одѣяломъ, — захотѣлъ спать и сладко потянулся на мѣшкахъ, такъ туго набитыхъ, что ему неудобно было сидѣть.

Ночь густѣла.

Сквозь вѣтви деревъ виднѣлось черное небо, усѣянное звѣздами. Лѣсъ безмолствовалъ и, казалось,—смотрѣлъ въ небо широкооткрытымъ и неподвижнымъ окомъ, прислушиваясь къ тайнамъ, струившимся отъ звѣздъ

на землю вмѣстѣ съ ихъ сіяньемъ. Тьма, какъ что-то живое, зрячее, но незримое, обнимала лѣсъ, таилась въ немъ,—вѣяла на дорогу безшумной прохладой и, выползая выше лѣса, казалось, поднимала къ звѣздамъ безформенныя руки, чтобы потушить ихъ одну за другой и столкнуть съ неба. Чтобы не уснуть, о. Викторинъ присматривался къ темнотѣ и ему чудилось, что тамъ, гдѣ она всего болѣе сгущалась, межъ стволовъ деревьевъ, потерявшихъ очертанія,—что-то таилось, двигалось, то здѣсь, то тамъ выростало, шагало вровень съ деревьями безшумными шагами или, пригибаясь къ землѣ, ползло, выслѣживая. О. Викторина охватила смутная тревога. Она сообщилась ему отъ молчанія просѣкъ, отъ треска вѣтви въ лѣсной чащѣ,—пріобрѣтавшаго зловѣщій характеръ, отъ безпокойнаго трепетанія звѣздъ, будто на нихъ вѣяло гигантское опахало. О. Викторинъ напряженно приглядывался къ темнотѣ, шепча про себя молитву. И вдругъ ему показалось, что деревья, по молчаливому уговору, подступаютъ къ дорогѣ, тѣснятся и поднимаютъ вѣтви, будто готовясь вразъ опустить ихъ и придавить его къ землѣ. О. Викторинъ встряхнулся.

— Но, но, старикъ!—тронулъ онъ Саврасаго:—чего задумался!

Но Саврасый остановился,—сталъ пятиться, вдругъ испуганно метнулся въ сторону и захрапѣлъ.

У о. Викторина упало сердце.

На дорогѣ кто-то стоялъ, высокій, крупный, возвышаясь черной тѣнью.

У о. Викторина пересохло въ горлѣ и онъ, лизнувъ губы, спросилъ прерывающимся голосомъ:

— К...то это?!

Тѣнь зашевелилась и пошла къ тарантасу.

— Не бойсь, батюшка... это я!—произнесъ знакомый голосъ.

О. Викторинъ узналъ кузнеца и страхи его разсѣялись.

— Ты, Зосима?

— Я!

— Что ты полуношничаешь... по большимъ-то дорогамъ! Добрыхъ людей смущаешь!

— Тебя караулилъ!

— Зачѣмъ это?

— Съ просьбой до тебя, отецъ!

— Нашелъ время и мѣсто... Днемъ приди, честь честью, по хорошему! Чего воровскимъ-то манеромъ шетаться! Эй, Зосима! На кривой ты путь вступилъ. Зачѣмъ сбѣжалъ? Зачѣмъ начальство преслушаешь? Начальство, братъ, знаешь... Богомъ установлено! Шутка ли молотомъ воевать вздумалъ! Думаешь не отвѣтишь за значокъ-то старостинъ? Голова, голова!

— Защити меня, отецъ! — сказалъ Зосима, кладя руку на облучокъ:—окромя тебя не къ кому!

— Отъ чего защищать-то?

— Съѣли меня... че-ерти!!

— Не ругайся! Хоть чинъ-то духовный уважай...

— Прости, батюшка... не въ мочь больше! Не могу. Мысли у меня... такія мысли! Горитъ у меня... вотъ здѣсь!

Онъ ткнулъ себя въ грудь.

— Сосетъ!

— Это въ тебѣ совѣсть, Зосима... Съ пути ты сбиваешься...

— Не то! Эхъ... совѣсть! Несъ ли... Вотъ я... по совѣсти жилъ! По мыслямъ своимъ... все, значитъ, какъ по правильности... по Божьи! А теперь вотъ... охота... такое что-нибудь... поднять вотъ кулакъ да ударить, чтобы мокро стало и сердце спокоилось!

— Да ты что замышляешь? А?

— А что? Эхъ... чижало! Вотъ въ народѣ разное толкуютъ... Вотъ, говорятъ, Кавкацъ... Какъ что не по совѣсти, — онъ на конь, да въ горы, да и пошелъ съ топоромъ гулять... потому, гдѣ это показано, чтобы не по совѣсти? Унтеръ у насъ прохожій почевалъ, съ Кавкацу, служилый человѣкъ... сказывалъ,— твердый тамъ народъ! Сурьезный! Чуть не по немъ,— пзъ чижалу палитъ! Не тронь! Эхъ, вотъ это... такъ! Это я...

— Нехорошія у тебя мысли, Зосима... дурныя мысли! Врагъ тобой овладѣваетъ! Послушай меня, отца духовнаго! Покорись! Вернись, откуда пришелъ!

— Да вѣдь я никого не трогалъ...

— Ну, Зосима, мнѣ пора, однако... Ночь вѣдь!

— Ничего! Подъѣду я съ тобой, батюшка, до села... ужъ не погнѣвайся! Нужно мнѣ съ тобой пару словъ перемолвить.

— Садись на козлы.

Зосима вскочилъ на козлы и взялъ возжи. Когда Саврасый затрусилъ по дорогѣ, Зосима обернулся къ батюшкѣ и заговорилъ:

— Ты вотъ, отецъ, про совѣсть говоришь. Хорошее это дѣло, по совѣсти... А развѣ Флегонтъ по совѣсти живетъ?

— Флегонтъ человѣкъ... съ благочестіемъ! И ежели ему Господь невидимо посылаетъ...

— Не то! Эхъ... не то все! Зачѣмъ ты покрываешь Флегонта? Не ждалъ я... отъ тебя! Ты старый человѣкъ... священникъ! Разсуди! Зачѣмъ же такъ-то... Ну, разсуди... нешто это по совѣсти? Онъ, Флегонтъ-то, съ бѣднаго человѣка штаны сниметъ — и правъ! Потому у него—мошна толста... А теперича тотъ человѣкъ, который безъ штановъ, во всемъ виноватъ! Земскій на него

кричитъ:—засужу! Становой зыкаетъ:—упеку! И ежели свой братъ мужикъ значокъ нацѣпитъ, туда же тянетъ:—взять его, посадить въ каталажку! Да нешто это по совѣсти? Прости, батюшка, такое слово: — у чорта больше совѣсти... отъ креста бѣжитъ! Молитву прочелъ, онъ и откачнулся!

Зосима умолкъ, ссутулившись на козлахъ, — точно обезсилѣвъ отъ своихъ мыслей.

— Обида... куда ни коснись!—заговорилъ онъ уныло, словно успѣвъ сдѣлать смотръ всѣмъ безконечнымъ обидамъ своей жизни:—и податься некуды! Сказывалъ намеднись баринъ проѣзжій... умственный человѣкъ!.. былто есть такая земля:—за стѣной живетъ!

— Про Китай, что ли?

— Хто знатъ... Былто на тыщи верстъ стѣна... Каменна! Высота-а... И былто народу тому тѣсно и скушно... И тѣсно ему, и скушно, и былто ходитъ онъ вокругъ стѣны... а за стѣну нельзя!

— Ну, это... не то! Это такъ, отъ себя, баринъ-то, либо ты врешь.

— Нѣтъ, батюшка... Такъ оно и есть! Это ужъ вѣрно! Зачѣмъ барину врать... Онъ книгочетъ и въ разныхъ странахъ бывалъ. И... правильно это! Коснись нашей Курычанки... нешто мы не за стѣной живемъ? — коли разсудить по всей-то правильности! Тѣсно и скушно! Флегонтъ всѣхъ въ полонъ забралъ... все чужое! Лѣсъ ли... земля ли... Теперича... я дерево срубилъ! Мнѣ безъ дерева—пропадать... нужно мнѣ дерево! Нищій я человѣкъ, ничего у меня нѣтъ. Рукомесломъ только и кормлюсь. Нужно мнѣ дерево! Купить не на что... а нужно!

— Попроси у управляющаго!

На-адо! Нешто у нса просять? Ужъ я два раза его милости штрафъ платилъ! Ишь ты! Ежевику баба въ барскомъ лѣсу собирала. Такъ вѣдь онъ что сдѣ-

лалъ, управляющій-то? Верхомъ... чуть не смялъ! Наскакиваетъ! Матюкалъ ее, матюкалъ, — понимаешь... Не любитъ у меня этого баба... Зелена стоитъ! А опъ ей: сыпь, такая-сякая, на дорогу! Чего подѣлаешь, — высыпала! Такъ опъ на лошади-то... скокъ... скокъ! Потоптадъ ягоду! Ништо это правильно? Потомъ я ему рупь штрафу заплатилъ... взялъ... глазомъ не моргнулъ! Тоже съ грибами исторія была... Я тебя, батюшка, спрошу: грибъ-отъ... отъ Бога али отъ человѣка?

— Все отъ Бога, Зосима!

— Анъ нѣтъ! Теперича, смастерилъ я подкову... чья она? Или, къ примѣру сказать, — соху смастерилъ, борону? Или засѣялъ я хлѣба и выросъ опъ? Чей онъ? То-то! А грибъ кто сѣялъ? Ежевику кто садилъ? Бо-огъ! Вотъ что... Про всѣхъ! Иди, рви... ѣшь! Теперича... и дерево!

— Вотъ видишь, Зосима, какой у тебя духъ... вольномысленный! Не сносить тебѣ головы! Правду, стало быть, про тебя говорятъ, что ты съ разными тамъ... молоканами дружбу велъ!

— А велъ! Что съ того? Хо-орошіе люди! Говорить нечего—народъ правильный! Живутъ по Божьи!

— Я тебя за эти рѣчи причастья лишу, Зосима!

— Пошто? Я по ихней вѣрѣ не живу! А, стало-быть... друзья они! Да слово въ слово про нихъ и... Валерьянъ-отъ... сынъ твой! Хо-орошій народъ!

О. Викторинъ поникъ шляпой и промолчалъ.

— Я такъ, батюшка, думаю, — говорилъ Зосима: — Коли солнце про всѣхъ свѣтитъ...

— Замолчи-ка ты... Негоже мнѣ и слушать тебя!

— Нѣтъ... зачѣмъ же! Все про всѣхъ дадено, чтобы всѣ, значитъ, людіе... собча... по правильному закону! А крови не пей! Какъ ты можешь кровь пить! Ежели, который человѣкъ, какъ на большой дорогѣ... съ дубьемъ,

то, конечно, онъ все можетъ! Да развѣ это правильность? На то тебя и разбойникомъ зовутъ!

— Ты это про кого?

— Кого ни коснись!

Зосима волновался.

Онъ обращалъ къ батюшкѣ свое темное лицо съ длинной бородой и глаза его блестѣли въ ночной мглѣ.

— Защити меня, батюшка! Не дай въ обиду!

— Отъ чего я тебя защищу?.. И какъ?

— Отъ Флегонта и отъ всѣхъ... Ты—священникъ! Ты около Бога живешь, и все знаешь, какъ по божьему надо!

— Ни отъ чего я тебя, Зосима, защитить не могу... и не стану! Кругомъ ты самъ виноватый человѣкъ! На кого ты возсталъ, какъ демонъ нѣкій? Подумай! Пораскинь умомъ своимъ! Начальство преслушаешь! Плохо ли оно, хорошо ли... а оно начальство! „Нѣсть власть, аще не отъ Бога,—говоритъ св. апостолъ:—и всякія власти отъ Бога учинены суть!“ Почитать ихъ надо, а ежели что неправильно... земскій есть, къ нему ступай! Становой есть! А идти-то тебѣ и нельзя! Ослушникъ ты... бѣглецъ! И чужого добра расхититель! Знаешь, поди,—заповѣдь-то „не пожелай... дома ближняго своего, ни села его, ни раба его!“ А ты какія рѣчи ведешь? Эй, Зосима! Прими совѣтъ духовнаго отца своего... Покорись!

— Въ чемъ?—задумчиво произнесъ Зосима...

— Вернись! Ступай къ Флегонту... человѣкъ онъ сильный... пади ему въ ноги, чтобы простилъ! И я попрошу!

— Прошло время, отецъ! И обидно мнѣ, что ты... Я думалъ ты... ну! Будь я проклятъ, песъ-анафема, коли... Не смирюсь я! Пойду...

— Куда пойдешь?

— Въ городъ... Къ Турникетову... Пущай знаютъ! Къ губернатору пойду! За всѣхъ хрестьянъ... Пущай защиту окажутъ! Пущай намъ землю отдадутъ, а не Флегонту! Пущай... Зачѣмъ обижать? Пущай за плату! Мы готовы! Добришко послѣднее поразмотаемъ, въ батраки пойдемъ... а заплатимъ! Пущай подождетъ только... за все заплатимъ... по частямъ! Куда мы безъ земли... разсуди!

— На хлопоты надо довѣренность имѣть!

— Есть! Написали мужики... То и Флегонтъ наскочилъ на меня... Приговоръ! Печати нѣтъ... жаль! Не успѣлъ... все староста оттягивалъ. Н-ну теперь все одно... вертаться въ село никакъ невозможно!

— И не пустятъ тебя никуда въ городъ-то!

— Пу-стятъ! Какъ же человѣка не пустить, ежели онъ по правильности.

Ночь сгустилась вокругъ путниковъ.

Звѣзды въ небѣ разгорѣлись еще ярче и, казалось, смотрѣли во всѣ глаза на землю, наблюдая что-то таинственно-скрытое, видимое только сверху. По лѣсу шелъ неясный шопотъ, словно деревья составляли заговоръ и, временами,—на концахъ поля,—уже видимаго сквозь опушку,—какъ зарево отдаленныхъ взрывовъ, вспыхивали зарницы. И точно желая сказать священнику что-то такое тайное, что онъ хотѣлъ схоронить даже отъ воздуха и звѣздъ, Зосима нагнулся, близко придвинулъ къ о. Викторину лицо свое и зашепталъ:

— Я сонъ видѣлъ, батюшка.

— Какой еще? — также тихо спросилъ о. Викторинъ, поддаваясь вѣющей отовсюду таинственности.

— Сонъ! И такой сонъ, что... будто не сонъ... видѣніе!

— Ты скажешь. Всякому сны снятся... разные!

— То—особенный! Сорокъ лѣтъ на свѣтѣ живу, не

видалъ такого! Быдто небо и звѣзды... ночь! Иду я... И смотрю на звѣзды... и слезы... Плачу... И быдто... Вдругъ... пѣніе! Понимаешь! Хорошо такъ поютъ, согласно... и далеко гдѣ-то... и близко... не знаю гдѣ! И въ сердце, знаешь, такъ ударило... Какъ молотомъ! И побѣгъ я! Бѣгу... и плачу... и скушно мнѣ... сердце рвется! И вотъ... городъ! И быдто народъ идетъ... идетъ, поетъ... Спѣшно такъ! И все идетъ... Вижу улицы, и стѣны какія-то... не то церкви, не то... И — все народъ! И быдто сталъ я большой, выросъ... и все шагаю! И слышу кричатъ:—„Кузнецъ идетъ, кузнецъ идетъ! Ведите кузнеца сюда!“ Вижу, зовутъ меня, машутъ мнѣ!—„Сюда, сюда!“ И вижу — площадь... и наковальня! Молотъ мнѣ въ руки даютъ:—„Куй!“ Глянулъ я... золотая подкова! Не повѣришь, батюшка? Какъ жаръ горитъ! И весело мнѣ стало... духъ занялся! Поднялъ я молотъ, ахнулъ, ударилъ...

— Ну... что же?

— И все ахнуло кругомъ... и земля... и небо!

О. Викторинъ помолчалъ.

— Глупый сонъ!—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, батюшка!—я его два раза видѣлъ! Я... знаю.

Показалась опушка, дорога вышла въ поле.

Зосима соскочилъ съ козелъ, остановивъ Саврасаго.

— Прощай, батюшка! Благослови меня...

— Ну... Богъ благословитъ... Во имя Отца... и Сына... Ты куда жъ теперь... ночью-то? Вернись-ка, братъ, въ деревню... искренно совѣтую. Оставь свои... бредни! Покорись! Хуже будетъ... попадешь въ тюрьму, Зосима, за самовольныя дѣла! Ну... а вотъ что... Ты... слушай-ка, Зосима... ты тамъ никому ни слова, понимаешь? По настоящему-то я тебя представить долженъ, какъ бѣгуна... по начальству! Никому смотри... что вилѣлись... какъ тати совѣщались! Смотри же.

— Не бойсь, батюшка... не выдамъ!

Зосима пошелъ къ лѣсу и скрылся съ тьмоій.

Батюшка тронулъ возжами и поѣхалъ дальше. Ему думалось, что въ самомъ дѣлѣ жить такъ нельзя, какъ живутъ курычанцы. На его глазахъ они совсѣмъ отощали! „Бьется народъ". И ища причины этому, онъ со вздохомъ подумалъ, что палю древлее благочестіе и Господь посылаетъ кары народу, какъ Чадолюбивый Отецъ блудимъ дѣтямъ своимъ. Онъ даже подумалъ, что не плохо сказать проповѣдь на эту тему... Потомъ онъ вспомнилъ Зосимовъ сонъ и, среди жуткоій тьмы осеннеі ночи, ему вдругъ представилось, что Зосима теперь шагаетъ по лѣсу, — большой, высокій, выше лѣса, —съ чернымъ лицомъ и сверкающими глазами, съ молотомъ въ рукахъ... Шагаетъ верстовыми шагами...

О. Викторинъ перекрестился, и погналъ лошадь.

VI.

Наступила поздняя осень, съ дождями, съ туманами.

Тяжелыя тучи ползли день и ночь по небу, какъ чьи-то безнадежныя думы: вѣтеръ ревѣлъ по обнаженнымъ лѣсамъ и пустыннымъ полямъ, по кривымъ и грязнымъ деревенскимъ улицамъ; съ наглоій дерзостью онъ разворачивалъ крыши, хлопалъ ставнями и калитками, свистѣлъ и вылъ подъ застрѣхами, будто въ поискахъ лютаго врага. Земля похолодѣла, обнаженная и несчастная, политая дождемъ, какъ слезами...

О. Викторинъ давно утратилъ свое благодушное настроніе и съ каждымъ днемъ становился тревожнѣе.

Что-то непонятное творилось на свѣтѣ!

Сынъ Никаноръ написалъ ему, что пятый и шестой классъ закрыты, уроковъ нѣтъ и производится началь-

ствомъ какое-то разслѣдованіе. Написалъ онъ, однако, такъ глухо, ничего не сообщая вѣрнаго, что о. Викторину не спалось по ночамъ и все думалось. Что тамъ? Что случилось? Какое происшествіе? Говорятъ, епископъ каждый день пріѣзжаетъ въ семинарію. Увѣщеваетъ, что ли? Чего они натворили? О Валеркѣ ни слова... И самъ Валерка молчитъ... А тутъ по округѣ что-то неладно! Тревожное что-то въ воздухѣ! Про кузнеца какого-то легенда ходитъ, будто до Царя пополъ отъ всего міра православнаго... ужъ не про Зосиму ли сказка? Не слышно что-то про него... А тутъ неспокойно гдѣ-то... не то въ Пѣтухахъ, не то въ Богдановкѣ...

И пока попадья добирывала по приходу шерсть о. Викторинъ бродилъ по комнатамъ и хрустѣлъ пальцами:

— Неудобь сказуемое что-то дѣется!

Въ одно особенно хмурое утро попадья разбудила о. Викторина.

— Отецъ... встань-ка! Урядникъ спрашиваетъ.

О. Викторинъ вскочилъ и трясущимися руками сталъ шарить подрясникъ, стараясь уловить свои мысли, но онѣ разбѣгались, путались и точно стучались въ виски вмѣстѣ съ кровью, прилившей къ испуганной головѣ

Въ залѣ солидно откашливался урядникъ.

О. Викторинъ все больше пугался.

Но когда, одѣвшись и пригладивъ наскоро волосы, онъ вышелъ къ уряднику, тотъ такъ любезно поздоровался съ нимъ, что о. Викторинъ успокоился и про себя перекрестился.

Урядникъ былъ бравый мужчина, выправленный на службѣ при городской полиціи, съ громкой рѣчью, съ большой лысиной, съ закрученными кверху усами и припухшимъ лицомъ. У него были зоркіе глаза, — бѣ-

гающіе и высматривающіе, съ немного нахальнымъ выраженіемъ. Онъ былъ въ формѣ.

— А я на походѣ... къ вамъ завернулъ! — говорилъ онъ, проходя по приглашенію батюшки въ столовую громко стуча по полу сапогами и оставляя слѣды,—не поѣдете ли въ городъ? Одному скучно... а повозка чудесная, турникетовская... изъ экономіи отъ управляющаго взялъ.

— А вы что?

— Къ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ вызываютъ... насчетъ курычанскаго Зосимы...

— Вотъ что... Зосимы... вотъ что...

И батюшка притворился.

— Это какой же Зосима?

Кузнецъ.

— Ага! Что-то помнится... помнится... Да! Такъ вы вотъ какъ... Спасибо! Мнѣ, дѣйствительно, надо побывать въ городѣ...

Черезъ часъ урядникъ и батюшка скакали въ городъ по полямъ, такимъ мрачнымъ, будто они враждебно хмурились. Батюшка разсказывалъ о сыновьяхъ, о своемъ безпокойствѣ и вообще о тревогахъ міра сего. Урядникъ при вилѣ каждаго верстового столба говорилъ:—„напоминаніе!“ И вынимая изъ кулька бутылку, выпивалъ и угощалъ батюшку. Разговоръ урядникъ велъ главнымъ образомъ о политикѣ.

— Мы, — говорилъ онъ, разумѣя всю Россію (урядникъ любилъ отожествлять себя съ Россіей), — мы... скажемъ слово... и всѣ народы покорятся!

Онъ давился колбасой, жосткой, какъ камень.

— До единаго-съ! Скажемъ слово... и крѣпко! Что намъ Европа! Наплевать! Вы понимаете... у насъ пята! Наступимъ... и мокренько! Земельки тамъ маленькія, вся, напримѣръ, Англія въ любой нашей губерніи умѣ-

стится! Народъ жиблый... и къ тому же интриганы! А вѣдь у насъ Россія-то...

— Колоссальная страна! — вздыхалъ батюшка.

Урядникъ прищуренными глазами вематривался въ туманные и хмурые горизонты.

— Я полагаю такъ, батюшка! — говорилъ онъ,— что когда-нибудь повсемѣстно Россія будетъ... всесвѣтно русскій орёлъ!

Батюшка съ сомнѣніемъ крутилъ головой, но не рѣшался противорѣчить.

— А скажите,—спрашивалъ онъ, —за что, собственно, этого самаго... Зосиму привлекаютъ?

— Представьте! Говорятъ, къ губернатору ломился... Фигура! Ну, разумѣется, арестовали, оказался безъ паспорта, кромѣ того, по наведеннымъ справкамъ, выяснилось, — бѣжалъ со взломомъ, оказалъ сопротивленіе, и вообще... рѣчи велъ!

Урядникъ помолчалъ и коротко добавилъ:

— М-мер-завецъ!!.

Городъ былъ за семьдесятъ верстъ.

Едва дождавшись утра, о. Викторинъ отправился въ семинарію и вызвалъ сыновей. Сначала къ нему вышелъ Никаноръ,—черноволосый красивый юноша, державшійся солидно и самоувѣренно, съ чуть пробивавшимися усиками, которые онъ, очевидно, холилъ, съ холоднымъ выраженіемъ глазъ. О. Викторинъ засыпалъ его вопросами.—Ну какъ? Ну что?

— Что было-то? разскажи...

Никаноръ оттопырилъ губы и посмотрѣлъ себѣ на усы.

— Ректоръ обыскъ сдѣлалъ, ну и... нашелъ либеральныя книжки... извѣстно что!

О. Викторинъ сѣлъ на диванъ и ему показалось, что полъ поплылъ у него изъ-подъ ногъ, а потолокъ сталъ опускаться.

— А Валерьянъ?—сказалъ онъ неувѣренно.

Никаноръ помолчалъ.

— Да вотъ онъ самъ.

Съ лѣстницы сбѣгалъ, шагая черезъ двѣ ступеньки, неуклюжій, очень худой семинаристъ, съ подслѣповатыми глазами, которыми черезъ очки онъ радостно смотрѣлъ на отца. Онъ горячо поцѣловалъ его, и, не давая говорить, забросалъ вопросами о матери, о деревнѣ, о знакомыхъ крестьянахъ. — „Да ты постой!“ — говорилъ батюшка. Но онъ не слушалъ. Наконецъ, о. Викторинъ настойчиво повторилъ:

— Разсказывай скорѣй... что у васъ тутъ было!

— А развѣ Никаноръ не разсказалъ?

Валерьянъ обернулся къ брату.

Тотъ стоялъ у окна и смотрѣлъ насупившись.

Валерьянъ махнулъ рукой.

— Не стоитъ, папаша, разсказывать...

— Изъ-за книгъ опять?

— Ну изъ-за книгъ... Ну что же? Не все же изъ фундаментальной библіотеки читать! Жизнь-то по проповѣдямъ не узнаешь... Хотятъ, чтобы люди по ихнему жили... а люди не хотятъ... вотъ и все!

— Смутьянъ ты, Валерка! Отца съ матерью совсѣмъ не жалѣешь... Подумалъ бы хоть о нихъ, если о себѣ не заботишься... Чѣмъ же дѣло-то кончилось?

— Еще ничего неизвѣстно... Совѣтъ, должно быть, будетъ... Да мнѣ, собственно говоря, все равно...

Когда о. Викторинъ вышелъ изъ семинаріи, ему пришла въ голову мысль сходить къ Турникетову, благо—случай благопріятный. — „Когда еще въ городъ соберешься, а тутъ кстати“. И у него даже спокойнѣе стало на сердцѣ при мысли, какъ хорошо будетъ, если генералъ уважитъ его просьбу.

Турникетовскій домъ стоялъ въ концѣ главной улицы

города, выходившей на соборную площадь, противъ собора, рядомъ съ угрюмымъ, напоминавшимъ тюрьму, казначействомъ. Домъ былъ низокъ, но очень просторенъ, на двѣнадцать оконъ по фасаду. У крыльца стояла будка и часовой. О. Викторинъ уже шагнулъ на крыльцо, какъ дорогу ему угрожающе преградилъ солдатскій штыкъ.

— Я къ его превосходительству! — забормоталъ о. Викторинъ, отступая: — къ помѣщику нашему.

Солдатъ молчалъ.

О. Викторинъ смущенно отступилъ еще на шагъ, оглядѣлся по сторонамъ, разсмотрѣлъ, что тутъ входъ въ какое-то хранилище съ непонятной ему нѣмецкой надписью, и увидавъ другое крыльцо на противуположной сторонѣ дома, пошелъ туда и тамъ съ облегченнымъ вздохомъ прочелъ на золотой дощечкѣ: „генералъ-маіоръ Левъ Федоровичъ Туникетовъ".

Ему пришлось долго ждать въ темной передней, вздыхая и предаваясь размышленіямъ,—пока распахнулась дверь въ залу,—красивую, свѣтлую, уставленную цвѣтами, увѣшанную картинами, гдѣ по паркетному полу онъ шелъ на цыпочкахъ, чувствуя сердцебіеніе.

Генералъ принялъ его въ кабинетѣ.

Это былъ высокій старикъ съ гордо посаженной головой, которую при разговорѣ онъ вздергивалъ еще выше, будто стоялъ передъ полкомъ и собирался крикнуть: „здорово, ребята!" Манеры у него были дворянскія, мягкія, вѣжливыя, хотя сквозь нихъ сквозила легкая брезгливость къ посѣтителю, которую о. Викторинъ чувствовалъ и смущался. Онъ не умѣлъ сѣсть и вспомнилъ, что забылъ причесаться.

— Я, ваше превосходительство,—говорилъ онъ, багровѣя и чувствуя въ горлѣ перхоту: — вспоминая ваши... отеческія, можно сказать... да-а... касательно

церковнаго благолѣпія... и утварь, которую ея превосходительство...

Генералъ щелкнулъ портсигаромъ.

— Не угодно ли?

О. Викторинъ не курилъ, но почтительно взялъ папиросу.

— Относительно школы, вѣроятно, хлопочете? — говорилъ генералъ, закуривая:—слышалъ. Говорилъ мнѣ епископъ. Хлопочетъ старикъ! Опъ у васъ хлопотунъ, батюшка... вашъ епископъ!

— Святитель зѣло рачительный... Домостроитель!

— Только я не понимаю этого новаго вѣянія! Вы меня простите, у меня на этотъ счетъ свое убѣжденіе. Къ чему мужику школы?

Генералъ откинулся въ креслѣ и поднялъ голову, отчего углы губъ его брезгливо и презрительно оттянулись книзу.

— Толкуютъ: просвѣщеніе, просвѣщеніе!

Онъ раздраженно забарабанилъ пальцами по столу.

— Западная Европа насквозь прогнила съ этимъ хваленымъ просвѣщеніемъ. Хотятъ и Россію погубить. И погубятъ, помяните мое слово! Благо народа въ трудѣ. Народъ долженъ трудиться!

Генералъ пустилъ струйку пріятно-пахнущаго дыма.

— А обо всемъ, что нужно народу, есть кому позаботиться. У насъ есть начальство... есть духовенство, есть дворянство... позабытое дворянство, батюшка! И повѣрьте мнѣ...

Опъ сдѣлалъ мягкій жестъ, будто хотѣлъ въ конфиденціальномъ порывѣ положить на колѣно батюшкѣ руку, украшенную опаловымъ перстнемъ:

— Заботливое начальство гораздо нужнѣе народу, чѣмъ просвѣщеніе...

О. Викторинъ изъ уваженія къ генералу затянулся, но поперхнулся и потушилъ папиросу.

— Я, ваше превосходительство, — началъ онъ несмѣло:—собственно, насчетъ лѣсу... давно мы съ дьякономъ думали... помня ваше отеческое отношеніе... Чтобы, если возможно... нѣсколько древесъ...

— Для школы?

— Нѣтъ-съ... для бани!

Генералъ вопросительно поднялъ брови.

— Мы съ дьякономъ... собственно, давно лишены... въ этомъ смыслѣ, такъ сказать, необходимаго... для омовенія... Касательно соблюденія чистоты... Приходится въ неудобномъ помѣщеніи... Грязно и холодно! А средствъ у церкви нѣтъ! Десятка два древесъ, ежели...

О. Викторинъ чувствовалъ одышку, точно поднимался въ гору.

Генералъ брезгливо пожался и всталъ.

— Хорошо! — сказалъ онъ сухо: — я распоряжусь! Чѣмъ еще могу служить?

Впрочемъ, простился онъ очень вѣжливо и даже проводилъ до прихожей.

— Слышно, ваше превосходительство, что вы часть имѣнія своего продаете?—осмѣлился спросить о. Викторинъ.

Генералъ пожалъ плечами и улыбнулся, но ничего не сказалъ.—„Какъ это понять?“—подумалъ о. Викторинъ. Выйдя на улицу онъ вздохнулъ облегченно, словно послѣ долгаго восхожденія на гору спустился опять въ долину.

— Строгъ, но... благожеланенъ!

Онъ поспѣшно направился къ базару, разсчитывая до вечера сдѣлать всѣ покупки.

День былъ сумраченъ и угрюмъ.

Облака непрерывно осѣдали мелкой пылью, промозг-

лый туманъ одѣвалъ всѣ предметы, какъ безформенпымъ саваномъ. Мокрые дома бросали изломанныя отраженія въ лужи жидкой слякоти, по которой рѣдкіе прохожіе брели, едва не утопая. Міръ томился въ безконечной агоніи осени, точно злыя чары, побѣдивши яркое лѣто, съ его солнцемъ, тепломъ и ароматомъ цвѣтовъ, стремились задушить весь міръ туманной мглоіі такъ, чтобы онъ никогда не проснулся.

О. Викторинъ такъ задумался о судьбѣ своего Валерки, не дававшей ему покоя, что почти столкнулся съ солдатами, тяжело бороздившими слякоть казенными сапогами.

Онъ поднялъ глаза.

Предъ нимъ подъ охраной солдатъ шелъ Зосима. Зосима сильно похудѣлъ, осунулся, черный дымный нагаръ немного сошелъ съ лица его и оно было блѣдно, онъ смотрѣлъ измученнымъ, только глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ и въ нихъ свѣтилась работа упорной и настойчивой мысли.

— Зосима!—окликнулъ о. Викторинъ.

Зосима остановился: солдаты тоже пріостановились при видѣ священника. У Зосимы пропила по лицу блѣдная улыбка. Батюшка не зналъ, что сказать ему. Онъ полѣзъ въ карманъ, досталъ просторный замшевый кошелекъ и взялъ изъ него двугривенный. Какой-то текстъ стучался ему въ голову: „узника посѣти“... Онъ хотѣлъ сунуть двугривенный Зосимѣ, но Зосима отвелъ его руку и пристально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Что это ты... вздумалъ! Нешто я...

Онъ тряхнулъ головой и пошелъ по улицѣ, отвернувшись отъ священника.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

ВЪ ПУТИ.

I.

Назади все также подымался по горѣ городъ массою столпившихся бѣлѣвшихъ домиковъ, крышами, сплошной зеленью садовъ, сѣрыми прямыми спускавшимися по откосу улицами, а надо всѣмъ, возвышаясь надменно, вырисовывалась на горячемъ небѣ симметричная фигура собора, какъ шапкой покрытая сіявшимъ куполомъ, и все также несся сухой, жгучій, полный ѣдкой пыли, ни на минуту не слабѣющій, свистѣвшій въ ушахъ вѣтеръ.

Я отеръ катившійся потъ и съ ненавистью посмотрѣлъ на проклятую машину. Безсловесная вещь покорно стояла, виновато подобравъ подъ себя колесо и прижавъ уши руля. Хотѣлось схватить, хлопнуть о землю, чтобы въ дребезги разлетѣлась и съ облегченнымъ сердцемъ отправиться пѣшкомъ назадъ въ городъ, но вмѣсто этого я сталъ на подножку, поднялся на подавшееся пружинами сѣдло и нажалъ педаль.

Велосипедъ пошелъ впередъ нехотя, съ усиліемъ. Приходилось, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, наваливаться на тяжело и грузно подымающіяся педали, шагъ за шагомъ завоевывая у вѣтра пространство. Вся прелесть велосипедной ѣзды, легкость, быстрота, когда онъ безъ усилій, точно закусивъ удила, несется, пожирая сливающуюся сѣрой полосой дорогу, пропадала. Я тащился, какъ черепаха.

Изъ-подъ колесъ взрывами вырывалась сухая, горячая

пыль, вѣтеръ, не теряя ни секунды, подхватывалъ, она неслась назадъ чудовищнымъ, все разрастающимся, закрывающимъ городъ облакомъ.

Такія же колеблющіяся высокія дымящіяся облака шли навстрѣчу.

Ближе, ближе.

Уродливо вытягиваясь, наклоняясь, касаясь горячаго неба, они неслись по дорогѣ, вдругъ охватывая непроглядной сѣрой, сухой, ѣдкой, набивающейся въ носъ, въ ротъ, въ глаза горячей пылью. И тогда мутно проступала покачивающаяся лошадиная морда, оглобли, слегка прыгающая по вспотѣвшимъ бокамъ шлея, бѣгущія по дорогѣ колеса, мотающаяся въ повозкѣ изъ стороны въ сторону косматая сѣрая отъ пыли спящая голова. Потомъ лошадиная морда, дуга, оглобли, колеса, прыгающая шлея пропадаютъ, и по дорогѣ, все также касаясь мутнаго неба, уходитъ огромное, безформенное, клубящееся, какъ дымъ, съ наклоненной верхушкой облако.

И опять я одинъ, и опять, лежа на рулѣ, со свѣсившейся головой безнадежно съ отчаяніемъ работаю точно пудовыми медленно вращающимися педалями, также ясно видѣется городъ съ домами, съ церквами, та же скучная, сиалленая, изсушенная степь съ покорнымъ безсиліемъ простирается обнаженная, и вѣтеръ, обжигая, несется надъ ней безъ перерыва, безъ отдыха съ мертвымъ равнодушіемъ.

Мысль повернуть назадъ и подъ вѣтеръ быстро и легко вернуться домой чаще и чаще встаетъ въ головѣ, но я подавляю ее. Послѣ сборовъ, проводовъ, напутствій, когда всѣ вышли на улицу и долго слѣдили, пока я не скрылся за поворотомъ,—моя печальная возвращающаяся черезъ нѣсколько часовъ фигура была бы смѣшна.

Проходитъ часъ, два, ноги нѣмѣютъ, согнутая спина

деревенѣетъ. Я уже не оборачиваюсь, все равно отъ города не уѣдешь!

Наконецъ больше не могу. Останавливаюсь, слѣзаю. Свистъ вѣтра въ спицахъ, въ ушахъ, въ цѣпи, заглушаемый до того усиліями и ѣздой, теперь ясно и надоѣдливо носится тонкой, острой, воющей ноткой, наполняя безлюдную степь. И этотъ свистъ и вой вызываютъ представленіе зимней вьюги, въ глухую ночь, когда, надрывая душу, за окномъ на всѣ голоса носится мертвое пѣніе, но надъ головой стоитъ раскаленное солнце и по лицу стекаетъ потъ.

Оглядываюсь, и громадное облегченіе радостно охватываетъ: дома, улицы, крыши, сады, все затянулось сизовато-лиловой дымкой, и уже ничего нельзя разобрать въ отдѣльности, только куполъ собора сіяетъ далекой яркой звѣздой. И теперь, когда городъ потонулъ въ лиловатой дымкѣ, что-то незнакомое, новое и немножко таинственное, что̀ я, казалось, еще не зналъ о немъ, подернуло его.

II.

Гора казалась не особенно высокой, какъ всѣ эти степныя холмистыя возвышенности, но сколько я ни шелъ, ведя велосипедъ въ рукахъ, дорога незамѣтнымъ подъемомъ равнодушно тянулась на изволокъ, и перевалъ, пыльный и сѣрый все также невысоко рисовался на мутномъ небѣ, все также медленно и непрерывно отступая.

Внизу — прошлогодніе пашни, выбитая толока, по которой я недавно ѣхалъ. По ней змѣится, чуть примѣтно сѣрѣя и дымясь пылью, дорога. Дальше лугъ, сухой и жесткій, съ высохшими озерцами, колдобинами, порыжѣлой осокой, одинокими ветлами вплоть

до горизонта, въ мутной синевѣ котораго потонулъ городъ и потухла звѣзда купола.

Наконецъ гора незамѣтно выгнулась пыльнымъ горбомъ и скрыла мѣстность, по которой я ѣхалъ.

Кругомъ желтѣетъ жнивье, перемежаясь со старой заброшенной пашней, затянутой сѣрой пылью и сизымъ полынкомъ. Навстрѣчу несется вѣтеръ, шевелится сухой и жесткій бурьянокъ, и необозримо простирается мутная даль.

Я опять качаюсь на сѣдлѣ.

Далеко сзади нагоняетъ понемногу дребезжащая бричка. Въ дышлѣ бѣжитъ пара мотающихъ головами лошадей, позади изъ-подъ колесъ тянется клубящееся разрастающееся облако.

Я ѣду съ усиліемъ, съ страданіемъ, лошади бѣгутъ споро, и скоро я слышу позади гулъ и тарахтѣніе расхлябавшагося желѣза, дребезжаніе подвѣшеннаго ведра и стукъ копытъ.

Не оборачиваясь, съ усиліемъ нѣкоторое время не даю себя обойти, чтобъ не попасть въ удушливую клубящуюся сзади пыль, но понемногу сбоку выдвигается окованый конецъ дышла, пара сытыхъ потныхъ машталовъ, согнувшаяся въ пестрядинной рубахѣ и портахъ съ потрескавшимися загорѣлыми ногами фигура на передкѣ.

Лошади пошли шагомъ рядомъ со мной.

— Трудишься, баринъ?

Не хочется останавливаться и попадать въ пыль.

— Вѣтеръ встрѣчный, — недовольно бросаю я, не оборачиваясь.

— Трудно, — съ убѣжденіемъ говоритъ возница, — машина... повертка-съ...

Я стараюсь дѣлать видъ, что ужъ не такъ-то трудно, и ѣду, принимая непринужденную позу.

— Потому народъ непривышный... слабый народъ... повертика-съ ее... одно слово чижелесть...

Мнѣ очень хочется выругаться, хотя человѣкъ не даетъ къ этому никакого повода.

Онъ смотритъ на мои съ судорогой разгибающіяся ноги, дергающееся отъ напряженія лицо, на педали, въ которыхъ, думаетъ, вся тяжесть, и качаетъ головой.

— Ажныкъ мыло съ тибе тикёть.

Я останавливаюсь и слѣзаю. Онъ тоже натягиваетъ вожжи.

— Тьфу!.. да ты что привязался, чортъ.

Но я сейчасъ же жалѣю вырвавшееся рѣзкое слово. На меня смотрятъ добрые уже выцвѣтшіе изъ-подъ бѣлобрысыхъ бровей когда-то голубые глаза, все въ складкахъ точно выдѣланной кожи, голое, безбородое, какъ у скопца, лицо, открытая, загорѣлая, покрытая сѣткой черныхъ морщинъ шея и подъ облупившимся отъ жары носомъ бѣлобрысые объѣденные тараканами усы.

— Вѣтеръ и жарко, — говорю я извиняющимся тономъ.

— Садись, подвезу.

Это такъ добродушно, безхитростно, что я молча, не говоря ни слова, взгромоздилъ велосипедъ, и бричка покатилась.

На днѣ тарахтятъ обструганные дубовые колья, прикрытые мѣшками изъ-подъ хлѣба. Неизъяснимое наслажденіе охватываетъ все тѣло. Я разгибаю, протягиваю руки, ноги, и лежу неподвижно, подкидываемый тряской, на мягкомъ мѣшкѣ съ мякиной. По сторонамъ дребезжатъ высокіе закрывающіе степь бока брички.

Изъ-за прыгающаго передка мелькаютъ гнѣдыя съ отмѣтинами ноги, вѣтеръ сворачиваетъ на сторону хвосты; прыгаютъ по взмыленному заду шлеи, и смирно сидятъ на вспотѣвшихъ бокахъ съ подвѣтренной сто-

роны налипшія сѣрыми кучками мухи. Пропотѣлая, забитая пылью посконная рубаха, обтягивающая согнутую съ отчетливо выдавшимися позвонками и лопатками спину, мелькаетъ отъ тряски передъ глазами. Надъ нею прыгаютъ свѣсившіеся изъ-подъ засаленнаго картуза волосы, до того свалявшіеся, что вѣтеръ приподымаетъ ихъ колтуномъ, не умѣя развѣять и растрепать.

Сквозь щели бѣжитъ назадъ дорога, клубясь стелющейся изъ-подъ копытъ и колесъ пылью. Сзади же бурнымъ ураганомъ уносятся зловѣщіе чернѣющіе клубы, пожирая дорогу, степной просторъ, самое небо.

Мой возница сидитъ, согнувшись, покачиваясь отъ тряски, дергая вожжами и не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія.

Острота усталости проходитъ.

— Да ты откуда самъ?

Возница нѣкоторое время молча показываетъ согнутую спину, потомъ, не оборачиваясь, неопредѣленно мотаетъ головой:

— Съ плантаціи.

Я гляжу на него, на его руки, подогнутыя подъ себя ноги.

Бываютъ лошади: остро выступившія подъ кожей ребра, вся въ впадинахъ костлявая морда, измученные глаза, шерсть клоками, избитая въ ранахъ спина. Кажется, дорога ей только на живодерку, а она безъ устали день и ночь возитъ кирпичи, бревна, воду, ѣстъ труху, пьетъ протухлую муть, и годъ, и два, и десять лѣтъ.

И у этого человѣка такая же костлявая худоба, такія же худыя, сдѣлавшіяся желѣзными отъ непрестанной, непосильной безъ отдыху и сроку работы руки и ноги, эта согнувшаяся спина, все это изможденное изу-

мительно выносливое грязное, чуть прикрытое тѣло. Мужичонко, самый обыкновенный мужиченко изъ центральныхъ губерній.

— Тебя какъ звать-то?

— Онисимъ,— не мѣняя позы, роняетъ онъ, и вѣтеръ подхватываетъ и уноситъ такой же обыкновенный, какъ и у тысячи другихъ мужиковъ, голосъ.

Подвязанное снизу ведро ожесточенно, ни на минуту не смолкая, дребезжитъ, наполняя всю степь, которая медленно и непрерывно отходитъ назадъ, все также желтѣя жнивьемъ, или сизая отъ жесткаго горѣлаго, шевелящагося полынка.

— Это твои лошади, что ли, съ бричкой?

Онисимъ торопливо оборачивается, и я вижу доброе и немножко лукавое, какъ у скопцовъ, съ объѣденными усами лицо, на которомъ написано величайшее изумленіе, какъ будто я сказалъ огромную глупость.

— Нѣ-ѣ!.. хозяйскія...

И какъ бы извиняя мою наивность, добавилъ:

— Въ работникахъ живу.

И вдругъ засмѣялся.

— Помѣшшикъ возлѣ нашего хозяина, такъ къ ему баринъ пріѣзжалъ, важнѣющій баринъ, гладкой, бѣлотѣлой... Такъ кобылу издѣлалъ и сигалъ черезъ. Сигаетъ, сигаетъ, ажъ взопрѣтъ, да-а... истинно говорю... для ради моціёну, дохтора велятъ, скушно ему, стало быть, глиста ссётъ подъ сердцемъ... какъ же, много трудовъ прималъ.

И онъ смотритъ на меня, на велосипедъ голубыми смѣющимися глазами, отъ которыхъ во всѣ стороны бѣгутъ безчисленныя морщинки.

— Ты самъ откуда же будешь?

— Мы—рязанскіе... Жара!

— Жарко.

Я провелъ по спекшимся, шуршавшимъ сухой кожей губамъ.

— Издалече будете?

— Изъ города.

— А-а... далече... тоже трудовъ прималъ, жара, сушь, опять же вѣтеръ, а ее качай ногами... Небось, пить хоцца? А то не хоцца, все нутро палитъ, знамо, жара.

Онъ полѣзъ подъ полость, подъ которой тарахтѣли колья и на которой горой лежали пустые мѣшки, порылся рукой и вытащилъ небольшой, кулака въ два, арбузъ, кусокъ чернаго, какъ земля, съ налипшими волосками хлѣба и крохотную желтенькую дынку, скороспѣлку.

Арбузъ и дынку нарѣзалъ тоненькими ломтиками, хлѣбъ разломилъ пополамъ, пустилъ мотавшихъ головами лошадей шагомъ, повернулся ко мнѣ лицомъ, разложилъ все на пахнущей лошаднымъ потомъ полости, снялъ съ свалявшагося колтуна засаленный картузъ и истово покрестился.

— Ѣшь,—пододвинулъ онъ слегка ко мнѣ.

III.

Такихъ арбузиковъ и дынокъ въ эту жару можно съѣсть штукъ двадцать, и я жадно гляжу на влажные искрящіеся на солнцѣ розовые ломтики. Нѣкоторое время я крѣплюсь, у Онисима вѣдь это единственный рессурсъ, но палящая знойная жажда одолѣваетъ, — я съѣдаю одинъ кусокъ, другой, третій.

Онисимъ выгрызаетъ одну корочку, вытираетъ объѣденные усы, крестится, надѣваетъ картузъ, скромно поворачивается ко мнѣ спиной и подгоняетъ, дергая локтями, лошадей.

— Ты что же, Онисимъ?

— Спасибо, наѣлся, ѣшь самъ.

Но я вижу, какъ двигаются у него подъ ушами желваки—онъ уминаетъ свою половину краюхи.

„Эхъ, скверно,—думаю я,—ну да ничего, хорошенько заплачу ему“,—и съѣдаю и арбузъ и дыню.

Какъ пожаръ, залитый водой, утихаетъ палящая жажда. Мнѣ хочется отблагодарить, сдѣлать ему пріятное, и я завожу разговоръ.

— Что же семья дома?

— Семейство,—говоритъ онъ, не оборачиваясь.

— Большое?

— Сынъ женатый, дочь замужемъ, да дома четверо.

— Хозяйство?

— Какое наше хозяйство... по восьминкѣ на душу и то накланяешься... но-о, милаи!..

Попрежнему трюхаютъ лошади, сворачиваетъ имъ вѣтеръ все на одну сторону хвосты и гривы, мухи боязливо липнутъ съ подвѣтренной стороны, немилосердно съ надсадой, стараясь покрыть самое себя, дребезжитъ ведро, и палитъ солнце сожженную степь, все также уныло теряющуюся въ мутной дали.

— Изъ дома-то давно?

Онисимъ слегка поворачивается, и я вижу въ полъоборота голое, и не разберешь, молодое, не то старое лицо.

— Третій годъ, парень, не былъ дома, ужъ забыли и ждать... Наше дѣло какое, по работникамъ вѣкъ... Только што и пожилъ, какъ оженили, три годочка.

Онисимъ совсѣмъ поворачиваетъ ко мнѣ отъ худобы все въ складкахъ, точно кто-то нарочно собиралъ кожу, лицо, подернутое дымкой непроходящей усталости, какъ у безсмѣнно работающихъ людей. Лошади пошли шагомъ.

— Три годочка, а тамъ въ солдаты. Ну изъ солдатъ пришелъ—дѣти, семейство, ѣсть надо, а хозяйство все въ раззоръ, лошади нѣтути, сѣмянъ нѣтути, вотъ и пошелъ по работникамъ, да двадцать лѣтъ и хожу.

Я всматриваюсь. Ему можно дать и тридцать и шестьдесятъ лѣтъ.

— Часто дома бываешь?

— Да года въ три, въ четыре бываю разъ.

„И, какъ ему... тебѣ не пришлось
наткнуться на вопросъ,
Чѣмъ былъ бы хуже твой удѣлъ,
Когда бъ ты менѣе терпѣлъ“...

Я стараюсь припомнить точно первую строфу и не могу: слова и буквы мелькаютъ черными очертаніями, не сливаясь въ цѣлое, и это меня мучаетъ.

Солнце невыносимо жжетъ затылокъ. Вдали, темнѣя, показываются скирды хлѣба.

— Тяжело.

— А то ни чижало што ль. Веселости тутъ никакой нѣту.

Легкая полуулыбка шевелитъ его объѣденные усы, улыбка покорности, улыбка сознанія, что ничего не перемѣнишь, что такъ до гроба.

— Живемъ вотъ, какъ въ этой степѣ: ничего не видишь, ничего не слыхать. Семья, дѣти ростутъ, не видишь, выростаютъ, уходятъ, неизвѣстно для ча и ростутъ... баба ужъ старуха, почитай, што и не жилъ съ ней, а тоже вѣдь люди... тутъ-то на чужой сторонѣ за все плати, и за бабу плати, а тамъ своя да не видишь, а деньги, какія выколотишь, заразъ шлешь въ деревню, и толку нѣту, какъ въ прорву...

„Наткнуться на вопросъ... ему... тебѣ не пришлось... нѣтъ... ахъ, Боже мой!“...

И я безпокойно, тревожно ищу словъ, какъ будто отъ этого зависитъ моя участь, какъ будто этимъ я могу что-то и кому-то облегчить.

— Своимъ-то домомъ вотъ хорошо жить!..—говоритъ, оборачиваясь, Описимъ, какъ будто эта мысль пришла ему въ голову въ первый разъ, пришла въ первый разъ за недосугомъ, за двадцать лѣтъ скитальческой жизни, и вывѣтрившіяся брови вопросительно, добродушно, съ удивленіемъ подшялись, казалось, чтобъ лучше было меня видѣть.

IV.

Пролетѣли грачи. Пронеслись скворцы, мѣняя полетъ то густой тучей, то растягиваясь рѣдкой, мелькающей черной сѣткой.

Въ сторонѣ отъ дороги по жнивью важно расхаживаютъ гуси, серьезно и внимательно поглядывая по сторонамъ, клохчетъ насѣдка, и за ней катятся сѣро-желтенькіе пушистые шарики. Птицы вызываютъ впечатлѣніе жилья, домовитости и вмѣстѣ заброшенности, одиночества среди пустой степи.

Желтѣя, широко разсѣвшись, подымаются гигантскія скирды хлѣба, и люди, копошащіеся у ихъ подножія, кажутся маленькими, и вѣтеръ носитъ надъ ними солому.

— Здорово почевали... помогай Богъ.

— Добраго здоровья... спасибо.

Огромный дѣтина гоняетъ потныхъ, отчаянно отбивающихся отъ мухъ, и хвостомъ, и ногами, и головой лошадей. Каменные катки прыгаютъ и крутятся за ними по разостланному хлѣбу.

Съ завязанными, не смотря на пекло, по самые глаза лицами бабы съ треплющимися юбками торопливо ворошатъ и перевертываютъ взбитую солому, которую взды-

маетъ, взъерошиваетъ, какъ нечесанные волосы, вѣтеръ, и тонкая золотистая пыль носится, засыпая глаза.

Люди работаютъ быстро, торопливо, не покладая рукъ, и потъ по ихъ почернѣлымъ сожженнымъ лицамъ ползетъ грязными струйками.

— Какъ бы водицы испить?

Лошади стоятъ, и отчетливѣе носится визгъ горячаго вѣтра.

— А во, въ бочкѣ... Ванятка, подай ковшикъ.

Я пью тепловатую, попахивающую жидкость, потомъ, перекрестившись, пьетъ Онисимъ, потомъ мы трогаемъ и скирды, постепенно уменьшаясь, отходятъ назадъ. Это— такія же скирды, мимо которыхъ Онисимъ двадцать лѣтъ ѣздитъ, и останавливается и проситъ напиться, и опять ѣдетъ дальше.

— Своимъ домкомъ люди живутъ, — говоритъ Онисимъ, оборачиваясь, и глаза его съ умиленіемъ, съ любовью смотрятъ на меня,—изъ хутора приволокли и гусей, и куръ, штобъ около зерна кормились.

Онъ вздыхаетъ и чмокаетъ губами:

— Ну-у, милан!.. вѣтеръ окаянный, и дуетъ, и дуетъ, а чего дуетъ? пользы никакой, акромя непріятностевъ...

Я сижу и думаю. Онисимъ разговариваетъ съ лошадьми, съ вѣтромъ. Потомъ опять оборачивается.

— Баринъ, а баринъ, сколько твоя машина стоитъ?

— Двѣсти пятьдесятъ рублей.

Я вижу, какъ глаза Онисима расширяются, лицо вытягивается, но сейчасъ же расплывается въ широчайшую улыбку.

— Смѣешься.

— Вѣрно, зачѣмъ же мнѣ обманывать.

Съ минуту бѣлобрысыя брови, собравшіяся надъ переносицей, выражаютъ недоумѣніе, лицо темнѣетъ, онъ отворачивается, и мы долго ѣдемъ молча.

— Двѣсти пятьдесятъ цалковыхъ!

Я слѣжу, какъ слѣпень настойчиво и упорно вьется подъ брюхомъ лошади, и та нервно, содрогаясь всѣми мускулами, на бѣгу съ ожесточеніемъ бьетъ себя заднимъ копытомъ, глухо стуча о пыльную дорогу. Хочется отогнать кнутомъ или вожжей, да лѣнь подыматься и встревать не въ свое дѣло.

— Двѣсти пятьдесятъ цалковыхъ!.. за дротъ, а?.. хоша бы, скажемъ, лошадь, али бричка, али желѣза много было, а то дротъ, ты его давий, онъ весь къ лѣшему... да ешшо самъ и верти ногами.

Онъ помолчалъ.

— Главнее самому вертѣть ногами!..

Опять долго ѣдемъ молча, и дребезжаніе брички царитъ надъ степью. Въ этомъ молчаніи чудится что-то странное и особенное, чего раньше не было.

Неловко сидѣть, давитъ подвернутую ногу, по которой бѣгутъ мурашки, гремитъ, нестерпимо дребезжа, расхлябавшееся желѣзо, уходитъ спаленное по сѣрой пахотѣ жнивье, темнѣютъ издали скирды на токахъ, палитъ стоящее надо всѣмъ солнце, и ослѣпительно сверкаютъ части велосипеда. И нѣтъ силы, нѣтъ воли поправиться, измѣнить положеніе, все также сидишь въ неудобной позѣ, все также касается при тряскѣ, обжигая, накаленное дерево брички, также прыгаетъ передъ глазами посконная рубаха, бѣлѣющія мыломъ шлеи.

— Двѣсти пятьдесятъ цалковыхъ!.. да это я хозяиномъ бы сталъ...

На секунду я вижу эту сожженную сложенную складками кожу, вывѣтрившіяся брови, потемнѣвшіе глянувшіе на меня глаза. Новое, незнакомое поражаетъ въ выраженіи его лица, въ звукѣ голоса.

Онъ приподымается и начинаетъ нещадно хлестать лошадей, которыя рвутся изъ постромокъ, и потрево-

жешныя мухи сѣрой безпокойной толпой, едва справляясь съ вѣтромъ, насилу поспѣваютъ. Бричка несется по дорогѣ, подскакиваетъ, прыгаетъ, размашисто качается, наполняя звономъ и дребезжаніемъ степь. Потомъ, почти совсѣмъ отвалившись назадъ, Описимъ злобно натягиваетъ, передергивая, вожжи, лошади крутятъ головами, роняя пѣну, и идутъ шагомъ, и тогда слышно мутное, какъ и эта даль, и небо, пѣніе вѣтра безъ словъ, безъ мелодіи, безъ человѣческаго выраженія, но съ своимъ собственнымъ выраженіемъ безсмысленности.

Я чувствую, что за этой качающейся отъ тряски спиной, за колтуномъ, за картузомъ, что тамъ идетъ работа, безпокойная и тревожная, и съ представленіемъ о нихъ у меня уже не вяжется, не смотря на всѣ усилія, представленіе загнанной клячи.

Я озираюсь и вижу кругомъ огромную безлюдную степь.

Мы—одни.

Не знаю почему, разсолодѣлость и разслабленность оставляютъ меня, я выпрастываю ногу, сажусь удобнѣе. Неощутимая невидимая нить иныхъ отношеній протягивается между этимъ человѣкомъ и мною.

Является потребность говорить съ моимъ спутникомъ, слышать его голосъ, нарушить это странное состояніе напряженія таинственной, скрытой работы мысли.

— Хозяиномъ, говоришь?

— Какъ же!.. — живо оборачивается онъ.

Лицо какъ будто расправилось, дубленыя складки разошлись, изъ-подъ вывѣтрившихся бровей горятъ расширившимися зрачками незнакомые почти черные глаза.

— Теперя клади: изба—сто цалковыхъ, клѣти, амбаришко — шестьдесятъ, лошаденка, скажемъ, — три

красненькихъ, коровенка, ну, пятнадцать, пара овчинокъ — пятерка, сѣмянъ, корму скотинѣ... полная чаша... вѣкъ хозяиномъ... занавозилъ, вспахалъ, посѣялъ... избу-то самъ бы срубилъ, я и топоромъ могу... а то въ работникахъ... все нутро, сила вся тутъ... двадцать годовъ... съ утра до ночи... по гробъ жисти... не оглянешься и помирать надо... вся-то. вся жисть... хоша бы продохнуть... вздохнуть бы...

Онъ говоритъ страстно съ сдерживаемой злобой къ кому-то, кто мѣшаетъ этому блаженству, и я его не узнаю, точно это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, а не тотъ, съ которымъ я встрѣтился нѣсколько часовъ назадъ.

Я опускаю глаза, какъ будто это именно я—виновникъ того, что человѣкъ двадцать лѣтъ ѣздитъ по горячей сухой безлюдной степи на чужихъ лошадяхъ, въ чужой бричкѣ, по чужимъ дѣламъ, двадцать лѣтъ не знаетъ семьи, не знаетъ дома, дѣтей, сладкой работы на себя. И эти тонко сверкающія спицы, эта бездѣлушка, стоющая цѣлой человѣческой жизни разбудили двадцать лѣтъ покорно дремавшее чувство горечи и обиды.

„Дамъ ему два рубля... дамъ пятерку!..“—рѣшаю я, и мнѣ становится легко и пріятно.

„Чѣмъ былъ бы хуже твой удѣлъ, когда бъ ты менѣе терпѣлъ?..“—тонко звенящей фразой стоитъ у меня въ ухѣ, и я вспоминаю помѣщика, „сигавшаго“ черезъ кобылу.

И опять качается и прыгаетъ спина, колтунъ, шлея, и нестерпимо звенитъ ведро, и подъ брюхомъ лошади носится слѣпень.

— Што, баринъ, кажный день, небось, мясо жрешь?

Странно, онъ ничего не сказалъ особеннаго. Онъ сказалъ, пожалуй, какъ разъ то, о чемъ я самъ себѣ

говорилъ, но опять шевельнулось странное, даже несознанное безпокойство, и это назойливое представленіе, что я одинъ среди безлюдной степи, надъ которой носится вѣтеръ. Я вдругъ почувствовалъ, чего прежде совсѣмъ не ощущалъ, какъ оттягивается правый карманъ съ „бульдогомъ“, въ барабанѣ котораго молча и выжидающе лежатъ пять пуль.

И я начинаю прислушиваться къ своему тревожному состоянію. Гдѣ-то около виска стучитъ мѣрно и больно. Когда разомъ открываю глаза, все съ секунду кажется кроваво-краснымъ.

„Эге-ге... да это солнечный ударъ можетъ хватить!..“

— Описмъ!..

— А?.. — хрипло вскидывается онъ, точно его укололи.

На меня глянули красные, налитые, должно быть, отъ палящаго зноя глаза.

Пугливо озираясь, онъ торопливо сворачиваетъ и ѣдетъ бездорожно, цѣлиной. Впдъ глубокихъ чернѣющихъ слѣдовъ, оставляемыхъ колесами по пахотѣ, впивается въ сердце уже яснымъ сознаннымъ безпокойнымъ предчувствіемъ, какъ будто именно въ этихъ колеяхъ было что-то угрожающее, роковое.

— Стой, да ты куда же?..

— Ничаво... ничаво... этта колодезь...

— Что ты врешь... никакого колодца... стой же, тебѣ говорятъ... я слѣзу...—приподымаюсь я.

— Ничаво... ничаво... все одно... ничаво... — говоритъ онъ хриплымъ срывающимся голосомъ, круто сворачиваетъ, почти опрокидывая бричку, и снова выѣзжаетъ на дорогу.

Опять дергаются локти, звенитъ ведро, несется изъподъ колесъ пыль.

Жадно, воспаленными глазами гляжу я въ мутную

горячую даль, откуда несется сухой, жгучій, пожирающій насъ вѣтеръ, къ которой бѣгутъ и никогда не добѣгутъ потныя взмыленныя лошади, катится и никогда не докатится бричка съ звенящимъ ведромъ.

Тяжелый расплавленный свинецъ медленно съ жестокой необходимостью стекаетъ на голову, переполняетъ тѣло сухимъ палящимъ жаромъ. Губы шуршатъ поднявшейся кожей. Теперь я уже отчетливо и хорошо знаю, что въ этой безлюдной степи, надъ которой все то же горячее мутное небо, народилось что-то значительное и угрожающее, но какая-то лѣнь, истома мѣшаютъ мнѣ опредѣлить къ нему свое отношеніе, и я отдаюсь надвигающемуся.

— Эхъ, баринъ!..

Описимъ быстрымъ движеніемъ становится, шатаясь отъ тряски, на колѣни, круто сворачиваетъ опять съ дороги и начинаетъ бѣшено гнать лошадей.

И лошади, храпя, съ прижатыми ушами въ ужасѣ несутся, кидая изъ стороны въ сторону гремящую на всю степь бричку.

„Отъ жары сошелъ съ ума!..“

Это заключеніе производитъ на меня удивительно успокаивающее дѣйствіе. Въ правомъ ухѣ сверлитъ нелѣпая тонко-звенящая, какъ комариное пѣніе, фраза: „наткнулся на вопросъ, спгая черезъ кобылу“...

— Да ты куда?.. дьяволъ... стой!..—кричу я чужимъ незнакомымъ мнѣ голосомъ.

Но бричка, гремя, несется, желтое жнивье мелькаетъ. Описимъ, также кидаемый въ бричкѣ, бросаетъ вожжи, поворачивается и я ужасаюсь его лицу.

V.

— Голубчикъ!.. подожди... постой... все сейчасъ... милый... ты не понимаешь...

Мой хрипльій крикъ сердито глотаютъ желѣзное дребезжаніе, грохотъ, стукъ прыгающей, какъ взбѣшенное животное, брички, визгъ и плачъ надрывающагося вѣтра.

— Аій-аій!.. сто-о...

Вырѣзываясь на небѣ, на секунду взлетаетъ тонкій къ рукамъ, утолщающійся къ концу дубовый колъ, лѣвая половина головы у меня съ тупымъ звукомъ, какъ кусокъ глины, точно отваливается, все на секунду меркнетъ, я отпатываюсь въ уголъ брички и широко раскрываю глаза. По лицу, щекоча, течетъ теплое и липкое, и я вижу только правымъ глазомъ все ту же равнодушную, не принимающую никакого участія въ томъ, что совершается, степь, дымящуюся въ сторонѣ дорогу, назойливо и нестерпимо ярко блистающій передъ самымъ глазомъ велосипедный руль.

Я судорожно хватаюсь за него, подымаю, тяну, за нимъ тянется рама, передняя вилка, колесо, и сквозь его тонкія блистающія спицы вижу помертвѣлое отъ злобы и отчаянія съ судорожно искривленными бровями лицо и человѣческіе, полные муки и ужаса глаза.

И снова съ безпощадной холодной жестокостью на мутномъ горячемъ небѣ поразительно отчетливо, поперекъ утолщаясь къ концу, вырисовывается тяжелый, какъ желѣзо, дубокъ.

— Постой... постой... родимый... голубчикъ!..—кричу я пронзительной тонкой фистулой, кричу не Онисиму, а тому, кто сильнѣе Онисима, сильнѣе меня, сильнѣе

жалости, разума, сильнѣе всего, что есть во мнѣ человѣческаго.

Я кричу съ безнадежностью отчаянія и, подтверждая эту безнадежность, раздается сухой, негромкій, но покрывающій всѣ звуки трескъ, мелькаетъ короткій чуждый дневному свѣту красный огонь и вспыхиваетъ, мягко расплываясь, сѣренькій клубочекъ дыма.

Мгновенно звонъ и грохотъ несущейся брички испуганно смолкаетъ, и степь, и небо, и горизонтъ стремительно валятся. На мгновеніе я вижу круто свернувшихъ лошадей, ихъ притянутыя съ разорванными губами морды, запутавшіяся въ высоко поднявшемся на воздухъ колесѣ вожжи. Въ тужке секунду сухая, горячая земля всей своей тяжестью грохаетъ меня и бричку, и мгновенно охватываетъ, точно залитая солнцемъ степь задергивается черной завѣсой, молчаливая тьма пустоты.

Когда открываю глазъ, надо мной разбитою грудой неподвижно высится бричка съ остро торчащимъ обломкомъ дышла. Лошадей нѣтъ. Что-то огромное и странное, непохожее ни на одинъ предметъ, который я знаю, заслоняетъ отъ меня и степь, и небо, и большую часть брички. Я со стономъ закрываю глазъ, потомъ опять смотрю.

Босыя, черныя отъ загара, потрескавшіяся ноги съ грязными, похожими на когти ногтями, торчмя, прислонившись къ кузову брички, глядятъ въ мутное небо. Животъ, бока, грудь уродливой тушей неестественно навалились на подвернувшуюся подъ нею голову.

Я лежу, прижикувъ щекой къ горячей, сухой, колючей землѣ, и, съ усиліемъ и болью ворочая и скашивая глазъ, безпокойно ищу чего-то, самаго важнаго и главнаго.

Вотъ оно.

Съ потной черной отъ грязи пестрядинной рубахи капаютъ въ одномъ мѣстѣ ровныя одинаковыя, какъ кораллы, капли, и земля жадно ихъ пьетъ.

Тогда я гляжу въ глазъ. Онъ—голубой, и смотритъ на меня, стеклѣя, съ безконечной усталостью и, какъ бы засыпая, тихонько затягивается желтымъ, какъ воскъ, вѣкомъ.

И я жалѣю, что онъ закроется, и я не смогу больше въ него глядѣть, и знаю, что мнѣ нельзя шевелиться.

Въ углу полуспущеннаго вѣка держится прозрачная капелька, дивясь необозримому желтѣющему простору, опрокинутой среди него телѣгѣ, близко лежащимъ другъ возлѣ друга двумъ людямъ и равнодушно глядящему съ высоты жаркому солнцу, потомъ, извилисто растягиваясь, собираясь, тихонько пробирается между складками, которыя принимаютъ видъ и цвѣтъ плохо дубленой кожи овчиннаго тулупа, расплывается, и солнце блеститъ въ соленой влагѣ.

И мы неподвижно лежимъ съ нимъ, и неподвижно остановившееся время, неподвижна степь, небо, только носится мутное пѣніе вѣтра безъ словъ, безъ мелодіи, безъ человѣческаго выраженія, но съ мертвымъ выраженіемъ безсмысленности.

Н. ТЕЛЕШОВЪ.

МЕЖДУ ДВУХЪ БЕРЕГОВЪ.

I.

Одиноко кричитъ гдѣ-то пароходъ... Голосъ его разносится далеко окрестъ по пустымъ берегамъ, по широкому лону рѣки. Непонятно, для чего онъ кричитъ, когда вокругъ не видно ни жилья, ни хижины, ни человѣка. Непонятно и то, куда торопится такъ Иртышъ, стремительно гоня по простору свои быстрыя бурыя воды. Крутыми холмами извилисто тянется на тысячи верстъ правый берегъ, весь обросшій березами и тальникомъ, гдѣ въ тѣни плодятся рыжики да на пригекѣ—морошка, а лѣвый берегъ раскидывается до горизонта зеленымъ ковромъ отъ самой воды до самаго неба. И ни жилья вокругъ не видно, ни хижины, ни человѣка. Иногда лишь среди тишины всплескивается большая рыба и какъ камень идетъ ко дну, въ илистыя глубины, оставляя на поверхности широкій струйчатый кругъ—на минуту; иногда поперекъ, черезъ рѣку, дикія утки перелетаютъ, вытянувъ шею и носъ въ одну линію; рѣдко-рѣдко на крутомъ берегу встрѣтится татарскій поселокъ съ длиннымъ досчатымъ минаретомъ, сѣрымъ отъ непогодъ, или русская деревушка съ плетнями, съ горшками на кольяхъ и съ тряпками на веревкахъ. И опять пустота, безлюдіе, песчаные откосы и зелень — на много верстъ, на много часовъ.

Одиноко кричитъ пароходъ... Нѣтъ ему ни встрѣчнаго, ни попутчика, но онъ кричитъ уже часъ—на-

стойчиво, протяжно и громко, точно воетъ, жалуясь на непосильное бремя.

Называется онъ „Соколъ“. Самъ онъ маленькій, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ, съ большой черной трубою. Напрягаясь изо всѣхъ силъ, онъ старательно тащитъ на длинномъ канатѣ за собою огромную баржу съ тяжелымъ грузомъ и кричитъ только разъ въ сутки, задолго оповѣщая окрестныя села о своемъ приближеніи. Въ сутки разъ онъ кричитъ и въ сутки разъ останавливается: брать дрова и провизію.

На пароходѣ была кухня и былъ поваръ Иванъ Михайловичъ, сухощавый, благообразный старичокъ, ходившій въ бѣломъ халатѣ и бѣломъ колпакѣ: человѣкъ онъ былъ крайне угрюмый и признавалъ только одинъ обязанности.

— Я-съ обязанъ накормить команду,—строго говорилъ онъ пассажиру, пытавшемуся получить у него обѣдъ,—а вы обязаны о себѣ сами заботиться. Пожалуйте провизію,—я долженъ ее изготовить, а запасаться провіантомъ—это уже ваша-съ личная обязанность.

— Да гдѣ жъ я ее возьму, провизію?—вскипалъ голодный пассажиръ.

— Будетъ остановка—и берите-съ.

— Да когда жъ она будетъ? Ѣдемъ, ѣдемъ, точно по океану. Когда она будетъ?

— Завтрашній день.

— Да я съ голоду подохну! Что за безобразіе!

На это Иванъ Михайловичъ спокойно пожималъ плечами.

— Что жъ дѣлать: граманжа пуста,—указывалъ онъ на запертой чулапъ съ лаконической вывѣской „Граманжа“.—Обязаны сами о себѣ заботиться. Кипятку, извольте-съ, дамъ,—говорилъ онъ въ утѣшеніе.

Проморивъ пассажировъ за первыя сутки, онъ до-

стигъ того, что всѣ начали ежедневно вступать съ нимъ въ ласковые переговоры и вѣжливо просить о себѣ позаботиться.

— Ужъ пожалуйста, Иванъ Михайловичъ, на завтра мнѣ сущу оставьте... немного... тарелочку... Потомъ еще чего-нибудь на мою долю купите... что найдете... все равно... Я все люблю...

Тоскливо и медленно проходили дни и вечера. Изъ плывшихъ на пароходѣ въ большинствѣ были крестьяне, старухи, женщины съ дѣтьми и рабочіе, ютившіеся на деревянныхъ нарахъ возлѣ машины, гдѣ имъ было тепло и тѣсно. Пассажировъ второго класса было немного, но и тѣ прятались по отдѣльнымъ каютамъ, такъ что „Соколъ“ могъ показаться безлюднымъ. Иногда лишь на палубу выбѣгалъ офицеръ съ всклокоченной бородой и, ежась отъ холоднаго вѣтра и потирая руки, рѣшительными быстрыми шагами проходилъ взадъ и впередъ по палубѣ и снова скрывался. Иногда являлся капитанъ, высокій молодой человѣкъ, почти юноша, въ кожаной куртке, валеныхъ сапогахъ и въ оленьей шапкѣ; онъ молча подходилъ къ стекляной вышкѣ, гдѣ лоцманы вертятъ рулевое колесо, молча и тоскливо глядѣлъ впередъ нѣсколько минутъ и, посинѣвши отъ холода, уходилъ обратно къ себѣ. Нерѣдко появлялся на палубѣ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ ватное пальто и широкополую шляпу, съ рѣдкой русой бородкой, въ очкахъ и теплыхъ перчаткахъ; накинувъ на шею пледъ, онъ долго простаивалъ на одномъ мѣстѣ и глядѣлъ на безконечную линію берега, на смѣняющіеся холмы и откосы.

— Вы не докторъ?—неожиданно спросилъ его офицеръ, выбѣжавъ изъ своего подполья.

— Нѣтъ, я учитель.

— А въ карты вы не играете?

— Нѣтъ.

— Ну, до свиданія!

Офицеръ побѣжалъ обратно внизъ по лѣстницѣ, и когда осталась видна только его голова, онъ крикнулъ учителю:

— Не прозѣвайте: сейчасъ остановка!

Дѣйствительно, „Соколъ“ вскорѣ остановился. Часа два стоялъ онъ у бревенчатаго помоста. По перекинутымъ сходнямъ все время ходили взадъ и впередъ матросы съ посылками, сыпая въ люкъ дрова, сыпая съ грохотомъ и прибаутками.

Не напрасно однако кричалъ „Соколъ“ такъ задолго до своего прихода: окружные жители успѣли принести сюда кто что могъ: остяки-рыболовы привезли въ челнокахъ стерляжей и пельмы, бабы захватили хлѣба, ватрушекъ и молока, мальчишки притащили утокъ и огурцовъ, дѣвочки—ягодъ, а старики—домашней браги въ берестовыхъ бураках.

Пассажиры повеселѣли. Только поваръ, Иванъ Михайловичъ, былъ недоволенъ чѣмъ-то и, заложивъ руки въ карманы, угрюмо пробиралъ двухъ мужиковъ, а тѣ молча и виновато чесали затылки и глядѣли вкось, оба въ разныя стороны.

Послѣ долгаго ненастья, къ вечеру погода перемѣнилась, и когда „Соколъ“ тронулся въ путь, вѣтеръ уже затихъ, стало тепло и ясно, и пассажиры вышли на палубу. Ихъ было всего четверо: молодой семинаристъ, ѣхавшій въ Москву въ университетъ, старый чиновникъ съ кокардой, учитель и туристъ-иностранецъ, говорившій свободно по-русски. Къ нимъ подошелъ капитанъ, сталъ разсказывать туристу объ Иртышѣ, объ инородцахъ — и разговоръ вскорѣ сдѣлался общимъ.

— Не желаете ли, можетъ, сегодня на палубѣ поужинать?—ласково спросилъ Иванъ Михайловичъ, под-

ходя къ капитану. — Ишь, Господь какую благодать посылаетъ, — добавилъ онъ, указывая на берега и на небо и нюхая чистый рѣчной воздухъ. — Очень хорошую нельму пріобрѣлъ по вашему порученію, и сливокъ хорошихъ... Могу бламанже предложить.

Капитанъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время изъ низу на палубу вбѣжалъ офицеръ: видъ у него былъ возбужденный, глаза растерянные.

— Иванъ Михайловичъ!—обратился онъ прямо къ повару. — Голубчикъ! Случилось несчастіе!

— Что такое-съ?—забезпокоился тотъ.

— Водка вся вышла!

Они глядѣли молча другъ другу въ глаза, какъ бы желая проникнуть одинъ другому въ самую душу. Затѣмъ Иванъ Михайловичъ пожалъ плечами и проговорилъ обычнымъ угрюмымъ тономъ, сразу утративъ свое недавнее добродушіе.

— Не обязанъ объ этомъ безпокоиться.

— Знаю, милый. Но нѣтъ ли бутылочки?

— Спиртного не держу, и держать не имѣю въ виду-съ. Бламанже могу предложить.

— Ну, дорогой мой... Иванъ Михайловичъ! — продолжалъ умолять офицеръ.—Вмѣсто блянъ-манже дайте мнѣ блянъ-буаръ!

Но Иванъ Михайловичъ, пристально поглядѣвъ на взлохмаченную голову офицера, на его просительно протянутыя руки, отвѣтилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Самъ не пью-съ, и вамъ не посовѣтую.

И съ этими словами, искоса поклонившись, онъ ушелъ внизъ.

Офицеръ развелъ руками и не то про себя, не то обращаясь къ компаніи, проговорилъ:

— Вотъ чортовъ характеръ!.. Кабы мнѣ такой, я бы навилъ веревокъ изъ жизни!

— Хотите браги? -предложилъ капитанъ.—Я себѣ цѣлый тузъ купилъ.

— И я купилъ браги -хотите?— предложилъ учитель.

Офицеръ поклонился учителю и капитану, какъ бы благодаря, но отказываясь отъ предложенія, и уловивъ на себѣ пристальный взглядъ иностранца, поспѣшилъ ему объяснить:

— Брага, видите ли, въ родѣ пива, только похуже, и въ родѣ, пожалуй, кваса, но получше его, а въ общемъ— бурда! Кто желаетъ разводить въ желудкѣ лягушекъ, пускай пьетъ эту самую брагу. А я на счетъ водочки: о-де-ви, какъ говорятъ французы, то есть „вода жизни". И дѣйствительно, это такъ.

Всѣ улыбнулись.

— Плохо жить намъ безъ вина: жизнь печалями полна. А у насъ Иванъ Михайловичъ самаго-то главнаго и не держитъ... Охъ, эти мнѣ нравственные люди!— вздохнулъ офицеръ и вдругъ обернулся въ сторону.

— Ты чего на меня радуешься, Душковъ?— спросилъ онъ, увидя передъ собою рослаго солдата въ бѣлой рубахѣ, въ накинутой на плечи шинели.

Солдатъ, только что подошедшій, стоялъ передъ офицеромъ, улыбаясь, сверкая весело глазами и зубами, и приложивъ къ виску руку.

Ты чему-то радъ?

— Такъ точно, ваше высокородіе: подозрѣлъ!—отвѣтилъ Душковъ.

Въ его тонѣ и въ голосѣ слышалась фамильярность, пріятельская нота.

— Что подозрѣлъ?

— Водки полонъ тузъ!

— Гдѣ?!

— Старичишка у машины грѣется... Самосидку везетъ.

— Самосидку?.. Арестовать!

— Наложилъ арестъ, ваше высокородіе. Въ каюту поставилъ.

Офицеръ потеръ руки.

— Мой адъютантъ,—рекомендовалъ онъ Душкова.—фельдфебель, ближайшій сотрудникъ мой и секретарь. Способнѣйшій человѣкъ!.. Господа,—обратился онъ къ попутчикамъ:—водочку, слава Богу, достали; вотъ теперь, значитъ, побесѣдуемъ!

— А что это такое самосидка, я не понимаю?—заинтересовался иностранецъ.

— Самосидка,—объяснилъ офицеръ,—это самая скверпѣйшая водка въ мірѣ! Ее гонятъ здѣшнія бабы... деревенскія женщины... пейзанки... Гонятъ въ лѣсу, въ хлѣву... контрабандой... безъ акциза... Изъ пуда муки выходитъ цѣлая четверть, да за работу двугривенный... Дешево и сердито! Можете судить, что это за нектаръ выходитъ. Сама она крѣпчайшая, цвѣтомъ зеленая, на вкусъ противная... Пьешь — точно гвозди глотаешь. Ну-съ,—обратился онъ снова къ Душкову:—гдѣ жъ старичишка?

— Обмеръ, ваше высокородіе. Очень перепугался,—отвѣчалъ солдатъ прежнимъ веселымъ тономъ.

Оба они, видимо, ликовали. Оба улыбались, глядя другъ на друга, но несмотря на улыбки, видъ у нихъ былъ какой-то сумрачный. Воротники у нихъ и околыши на фуражкахъ были черные, канты на шинеляхъ и на погонахъ тоже черные, и оба они производили впечатлѣніе чего-то мрачнаго и траурнаго.

— Что за полкъ?—спросилъ иностранецъ, наклоняясь къ капитану и разглядывая мрачные мундиры.

— Тюремная команда,—шепнулъ въ отвѣтъ капитанъ и громко обратился къ офицеру.—Водки не дурно

бы выпить... Только ужъ вы старика-то не трогайте. Богъ съ нимъ!

— Зачѣмъ трогать! мы съ нимъ по-пріятельски войдемъ въ соглашеніе. Я заплачу ему хорошо... Честью клянусь, хорошо заплачу, да еще спасибо скажу. Эй, Душковъ! айда! Веди къ старику.

Они ушли, а на палубѣ начали накрывать для капитана обѣденный столъ.

II.

Когда свечерѣло, на мачтѣ у „Сокола" и на задней баржѣ подняли по фонарю; они висѣли высоко надъ рѣкою среди сумерекъ и простора ясными точками, какъ двѣ новыя планеты. Изъ-за холмовъ поднималась луна огромнымъ блѣдно-розовымъ шаромъ, легкимъ и золотистымъ, почти прозрачнымъ. Пароходныя колеса монотонно шумѣли и будоражили воду, и далеко за „Соколомъ" тянулся по Иртышу волнистый слѣдъ. Дальній огонекъ баржи и луна отражались въ рѣкѣ, и сѣрая зыбь и темныя стремнины сверкали, черифли и дробились на бѣгу золотыми брызгами.

На палубѣ вокругъ стола сидѣли съ капитаномъ прежніе пассажиры. Передъ ними былъ чай въ стаканахъ, передъ нѣкоторыми брага, а передъ офицеромъ въ чайникѣ стояла водка, которую онъ иногда разливалъ по рюмкамъ и, выпивая, закусывалъ огурцомъ. Рядомъ съ офицеромъ сидѣлъ владѣлецъ водки, кудрявый старикъ, крѣпкій и низкорослый, въ теплой поддевкѣ татарскаго покроя.

— Для меня вы очень интересный человѣкъ,—сказалъ, обращаясь къ нему, иностранецъ.—Все, что вы говорили о себѣ, такъ для меня неожиданно... Какъ ваше имя, чтобы я могъ называть васъ?

Старикъ крякнулъ, покосился на офицера и на учителя, потомъ взглянулъ на чиновника и, привставши, отрекомендовался:

— Прежде былъ переяславльскій мѣщанинъ Николай Саввичъ Щеголихинъ, а теперь, какъ уже доложилъ, являюсь ссыльнымъ Россійской имперіи... ограниченъ въ правахъ и могу присутствовать только на этой вотъ сторонѣ рѣки, а вонъ на той—не могу. Ѣду хотя по серединѣ того и другого, между двухъ береговъ, но контрабандой... И вотъ господинъ офицеръ меня давеча въ дрожь вогнали: думалъ, сейчасъ меня схватятъ за мою самосидку и—конецъ моему безаконному путешествію. Оказалось же, господинъ офицеръ, вы пріятный человѣкъ и зла мнѣ нисколько не желаете. Давайте поэтому— еще по рюмочкѣ!

Офицеръ, видимо, захмелѣвшій, взялъ чайникъ, налилъ двѣ рюмки, потомъ поднялъ высоко надъ головою руку и, погрозивъ въ воздухѣ пальцемъ, сказалъ Щеголихину:

— Не болтайте пустого. Вы ничего не говорили, я ничего не слыхалъ. Пьемъ—и никакихъ разговоровъ!

Оба выпили. Офицеръ потрясъ головой и, обмакнувъ огурецъ въ солонку, откусилъ половину, а Щеголихинъ осторожно, почти нѣжно отломилъ отъ чернаго хлѣба кусокъ корки, поднесъ его къ одной ноздрѣ, потомъ къ другой, понюхалъ и положилъ обратно.

— А васъ, позвольте узнать, какъ величаютъ?—спросилъ Щеголихинъ, глядя на иностранца ласковыми глазами.

— Меня зовутъ Хельсенъ... Маркъ Хельсенъ. Родина моя Норвегія, моя спеціальность—химія. Я давно знаю Россію, люблю ея языкъ, люблю русскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые сами называютъ себя „истинно русскими". Извиняюсь, я, можетъ быть, говорю рѣзко, но

отъ этихъ словъ вѣетъ чѣмъ-то затхлымъ, недоброжелательнымъ и я не люблю ихъ.

— Русскій языкъ—прекрасный языкъ,—похвалилъ Щеголихинъ, разсматривая на свѣтъ пустую рюмку и подвигая ее къ офицеру.—Особенно, знаете, ежели сердце излить, то ни на какомъ языкѣ такъ не объяснишься. Впрочемъ, я никакого языка и не знаю, кромѣ русскаго.

— Напримѣръ, нѣкоторыя слова у васъ удивительно красивы въ звуковомъ отношеніи, — продолжалъ Хельснъ,—возьмемъ хоть слово „заподозрѣнный“. Какъ звучитъ!.

— Заподозрѣнный... Да: хорошо,—согласился учитель.—Никогда не обращалъ вниманія на это слово. А хорошо.

Щеголихинъ перебилъ его.

— Вотъ тоже... прекрасныя есть слова... Напримѣръ: угрызеніе. Или напримѣръ: подстрекательство.

— Есть и такія слова,—добавилъ чиновникъ,—какъ „переформированный“, гдѣ самъ чортъ ногу сломаетъ, или не ногу, а языкъ.

На пустынномъ берегу вдалекѣ пылали костры. Увидѣвъ ихъ, всѣ замолчали и стали глядѣть.

Учитель поднялся вдругъ со стула, прошелся возлѣ компаніи взадъ и впередъ быстрыми шагами, нервно потирая руки и опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Потомъ опять вскочилъ и, ни къ кому не обращаясь, проговорилъ почти нараспѣвъ:

— И подстрекательство, и заподозрѣнный, и переформированный — все это слова, и только слова!.. И совѣсть, и доблесть, идея и люди—все это тоже слова! И только одни слова. И разумъ, и вѣра—слова и слова!

— Даже самое слово „слово“—есть тоже только слово!—добавилъ офицеръ.

Всѣ подняли головы.

— Вы правду сказали,—внезапно остановился учитель возлѣ Хельсна, не обращая вниманія на офицера.—Правду сказали, что у насъ, у русскихъ, много хорошихъ словъ. О, къ сожалѣнію, слишкомъ много хорошихъ словъ! Но слова такъ словами и остаются! А есть слова... хорошія! драгоцѣнныя!.. А чорта ли изъ того?..

Всѣ удивленно глядѣли на учителя и молчали. Только чиновникъ, предчувствуя что-то неладное, вслухъ пробормоталъ:

— Вотъ такъ исторія!

— Хуже географіи!—добавилъ опять офицеръ и вопросительно поглядѣлъ на компанію.

Учитель не былъ расположенъ шутить и, пользуясь репликой, отвѣтилъ презрительно:

— Дѣло не въ географіи.

И вдругъ загорячился, возвышая голосъ почти до крика:

— А хоть бы и въ географіи!.. Я вашу сибирскую географію-то четыре года изучалъ. Четыре лучшихъ года изъ жизни. Тоже вотъ какъ и онъ—указалъ онъ на Щеголихина—находился между двухъ береговъ. Не знаю, какъ онъ, а я никому зла не сдѣлалъ. Можетъ быть, онъ виноватъ передъ обществомъ... можетъ быть на его душѣ есть грѣхъ...

Учитель невольно остановился на полусловѣ: Щеголихинъ измѣнился въ лицѣ и медленно вставалъ, опираясь обѣими руками о столъ.

— Простите, простите!—горячо крикнулъ учитель. — Я не хотѣлъ васъ обидѣть. Я не то сказалъ, что хотѣлъ.

Но Щеголихинъ уже началъ говорить. Онъ говорилъ тихо, почти шопотомъ, съ разстановкою и внятно, хотя волнуясь:

— Видите ли... нужда бываетъ на свѣтѣ... Нужда!.. Что же мнѣ дѣлать было: дочь свою что ли... родную дочь продать? Вотъ и сдѣлалъ я дѣло... Скверное одно дѣльце сдѣлалъ. И сдѣлалъ я его, а дочь свою... не продалъ! Утвердился во мнѣніи—и не продалъ!

Онъ опять сѣлъ. Руки у него дрожали, взглядъ растерянно блуждалъ по столу. Увидавъ чайникъ, Щеголихинъ налилъ себѣ въ рюмку, молча выпилъ и, понюхавъ обѣими ноздрями корку, положилъ ее обратно.

— А что вы изволили сказать „грѣхъ передъ обществомъ“,—добавилъ онъ,—такъ это все пустяки. Въ своемъ позорѣ ничего я особеннаго не вижу... Стѣсненіе для себя вижу, неудобство вижу, но чтобы душой скорбѣть—этого во мнѣ нѣтъ. Потому что я, извините, это самое общество-то... не уважаю!

Послѣднее слово онъ какъ-то выкрикнулъ, точно оно не сходило у него съ языка, какъ другія слова. Выкрикнулъ—и замолчалъ.

— Сказано смѣло,—улыбнулся чиновникъ.

Щеголихинъ поглядѣлъ на него и продолжалъ, но болѣе спокойно, болѣе увѣренно.

— Я человѣкъ неученый... За три фунта баранокъ меня учили... въ годъ за три фунта баранокъ. Но все же я кое-что зналъ въ свое время и любилъ кое-что. Людей выдающихся цѣнилъ и сейчасъ цѣню. А ваше общество, позвольте васъ спросить, какъ цѣнитъ своихъ лучшихъ людей?

— Памятники имъ строитъ.

— Памятники... Вонъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій вмѣсто памятника-то на каторгу угодилъ. Зимою, въ морозъ, въ рѣку лазилъ за топоромъ... падучую болѣзнь себѣ нажилъ... А ужъ то ли не человѣкъ былъ!

— Ну, это дѣло особое,—возразилъ чиновникъ.

— Пусть будетъ особое,—согласился Щеголихинъ.—

Ну, а вотъ Никитинъ Иванъ Саввичъ... по бѣдности, дворъ постоялый держалъ... это тоже дѣло особое? Щи варилъ да подавалъ всякимъ кулакамъ да извозчикамъ, водку откупоривалъ жуликамъ да всякимъ, можетъ, грабителямъ... горевалъ, страдалъ... А Суриковъ Иванъ Захарычъ? Желудокъ съ голоду въ комокъ у него ссыхался, старое желѣзо на морозѣ пудами ворочалъ. Кольцовъ Алексѣй Васильичъ—свиней пасъ! Кричалъ онъ намъ, бѣдняга: „тѣсенъ моій кругъ, грязенъ моій міръ, горько мнѣ жить". А мы вотъ все свое говоримъ: дѣло особое! Помяловскій—великій талантъ—спился съ тоски отъ вашего общественнаго мнѣнія, да такъ и погибъ ни за грошъ. Успенскій Николай—этотъ въ почлежныхъ домахъ пресмыкался, милостыню просилъ! дочь родную плясать заставлялъ подъ гармонью: на улицѣ бритвой горло себѣ перерѣзалъ... Э-эхъ!! А вѣдь головы-то какія были! Души-то! Сердца-то! Писатели были, поэты! печальники наши!

— Откуда вы все это знаете?—удивился учитель.

— Да это ни для кого не секретъ. Это въ книжкахъ написано. Откуда всѣ люди объ этомъ знаютъ, оттуда знаю и я. Вычиталъ изъ книжекъ,—вотъ и знаю.

Онъ, видимо, волновался и безцѣльно шарилъ по столу обѣими руками, точно нащупывая себѣ опору.

— Шевченко былъ тоже—Тарасъ Григорьевичъ—малорусскій пѣвецъ... геній! талантъ! А какое гоненіе видѣлъ? въ солдатахъ былъ не въ зачетъ, въ стени оренбургской да въ тамошнихъ крѣпостяхъ содержался, а ужъ про нужду его и говорить нечего! Какъ про него господинъ Некрасовъ великолѣпно выразился: „былъ оскорбляемъ онъ всякимъ невѣждою"... Вотъ они памятники-то ваши каковы!

Въ голосѣ его дрогнули слезы.

— Нравится вамъ людей хорошихъ травить, травить,

а затравивши, начать уважать: вотъ, молъ, какъ перестрадалъ человѣкъ! И хорошій былъ, и умный былъ, а—пострадалъ! Давайте, молъ, начнемъ его теперь почитать. А ужъ онъ-то, человѣкъ-то, давно умеръ, и ему на всѣ ваши почести, извините за выраженіе: тьфу! и больше ничего.

— Браво, браво, господинъ Щеголихинъ!—воскликнулъ Хельсенъ, вставая и протягивая старику руку.—Я васъ искренно уважаю за эти слова. Вы правы: ваше общество любитъ жертвы и требуетъ себѣ жертвъ. Я, пришлецъ, чужой для васъ человѣкъ, но я не хотѣлъ бы быть сыномъ вашей родины, которую я, повторяю, очень люблю. Я люблю ее, но вижу: вы не цѣните вашихъ лучшихъ людей, вы злорадствуете надъ ними, травите ихъ, любуетесь ихъ агоніей и величаете ихъ же, но уже умершихъ да заключенныхъ.

— Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры,—тихо и грустно добавилъ Щеголихинъ, перебивая рѣчь Хельсена,—къ вамъ посылаются мудрые и пророки, а вы ихъ убиваете, ихъ будете бить и гнать изъ города въ городъ... Да!—вздохнулъ онъ,—приходили и къ намъ хорошіе люди, приходили открыть намъ свѣтъ истины, а мы...

— А вамъ надобно жертвъ, лишеній, чужихъ страданій и мукъ,—вновь заговорилъ горячо Хельсенъ, обращаясь въ сторону чиновника,—для васъ это какое-то удовольствіе. Но я хотѣлъ бы васъ спросить: какъ смѣете вы требовать всего этого? Какъ смѣете вы насиловать чужую жизнь, чужую и лучшую? Надо шире дорогу вашимъ талантамъ, а не ужже! Легче имъ жизнь, а не тяжеле! А вы умиляетесь: какъ претерпѣлъ! И заморивъ однихъ, требуете и сейчасъ отъ другихъ, чтобъ и они претерпѣли ненужныя гоненія. Для чего? Вы требуете отъ вашихъ талантовъ, чтобъ они были

нищи, были въ ссылкѣ... Нѣтъ!.. Культурныя націи этого не желаютъ для своихъ лучшихъ гражданъ!

Щеголихинъ поправилъ его:

— У насъ, я вамъ скажу, очень много почетныхъ гражданъ. Особенно потомственныхъ почетныхъ, а настоящихъ-то гражданъ и нѣту. Нѣтъ ли у васъ взаймы, у варяговъ? Потому что земля наша велика и обильна, а гражданъ въ ней нѣтъ. Ужъ извините, ваше высокоблагородіе,—обратился онъ къ офицеру,—это говоритъ человѣкъ ссыльный...

— Для меня вы сейчасъ человѣкъ не ссыльный, а... а пьяный!—пробормоталъ въ отвѣтъ офицеръ.

— Покорнѣйше благодарю! — улыбнулся Щеголихинъ,—дѣйствительно, вы сказали сущую правду. Только, не въ обиду будь сказано: водка—великое дѣло! За водку любой остякъ довезетъ меня въ челнѣ—куда хочу, хоть до Петербурга. Вотъ и вы, господа: не будь у меня водки, вы бы меня, можетъ, схватили: не ѣзди, молъ, человѣкъ безправный! Теперь же я чувствую себя обезпеченнымъ... Вотъ она сила-то какая заключается въ водочкѣ-то на русской землѣ!

III.

Ночь становилась все краснѣе: рѣка играла и золотилась и звѣзды точно купались въ ея зыби; черной зубчатой стѣной тянулись по берегу холмы: ни звука не доносилось съ земли, не видѣлось нигдѣ огня, не чувствовалось близости человѣка; только внизу подъ бортами шумѣла вода, которую билъ неустанно крыльями „Соколъ“ и тяжело раздвигалъ своею грудью.

Отвернувшись отъ компаніи, офицеръ сидѣлъ безъ фуражки, съ разстегнутымъ воротомъ мундира и глядѣлъ на луну, на рѣчныя стремнины, на берега. Одной

рукой онъ приглаживалъ волосы, разлѣзавшіеся въ разныя стороны, а другой рукой придерживалъ холщевый мѣшокъ, только что принесенный ему Цунковымъ.

— Это гусли... простыя, дешевыя гусли,— проговорилъ онъ, развязывая мѣшокъ и вытаскивая нѣчто похожее на большую трехъугольную чиновничью шляпу.— Два съ полтиной на Волгѣ были заплачены. А какъ поютъ!..—Эй вы: гусли-мысли!— воскликнулъ онъ неожиданно и всѣмъ корпусомъ повернулся вновь къ компаніи. Онъ тронулъ струны ловкимъ и легкимъ движеніемъ пальцевъ и приложилъ ухо почти къ самымъ гуслямъ, любовно прислушиваясь къ ихъ голосу.

Засучивъ немного рукава мундира, онъ началъ что-то играть, что-то грустное, легкое, точно сказочное. Всѣ притихли.

Никто не ожидалъ, что этотъ офицеръ съ грубымъ лицомъ и грубымъ голосомъ, выпивши чайникъ водки, могъ извлекать изъ досчатаго ящика такіе звуки, полные тоски и вмѣстѣ нѣги. Даже лицо его преобразилось въ эти мгновенія: оно потеряло выраженіе грубости, власти и довольства, оно стало кроткимъ, задумчивымъ и яснымъ.

Всѣ съ удивленіемъ глядѣли на офицера, а онъ, не обращая ни на кого вниманія, игралъ и, видимо, наслаждался.

— Вотъ такъ такъ, ваше высокоблагородіе! -воскликнулъ Щеголихинъ, когда офицеръ положилъ ладони на замолкнувшія струны.—Вотъ такъ превращеніе случилось!

А что?—спросилъ офицеръ.

— Да какъ вы играете-то удивительно!

— Что жъ такое: вѣдь вы вонъ за три фунта бара-

нокъ училисъ, а про литераторовъ русскихъ того наговорили, что и мнѣ не все было извѣстно. А вѣдь я корпусъ кончилъ, юнкерское кончилъ... въ академію собирался... А теперь вонъ — конвойнымъ служу... каторжниковъ съ мѣста на мѣсто переправляю... Мало ль чего въ жизни не случается!

Онъ протеръ глаза, точно послѣ долгаго глубокаго сна и добавилъ:

— А я, собственно говоря... композиторъ... въ душѣ. Музыка — моя жизнь. Только заниматься ею не приходится... И ноты, бывало, писалъ, и пѣсни сочинялъ... А теперь арестантовъ вожу... Отъ тюрьмы до тюрьмы — вся моя дорога... Дайте-ка еще самосадочки: она, проклятая, помогаетъ.

Хельсинъ, долго вглядывавшійся въ офицера, всталъ и заговорилъ, прерывая молчаніе, овладѣвшее всѣми.

— Удивляюсь... Понять не могу... Очевидно, русскіе — не хозяева жизни. Всѣ вы какіе-то несчастные, безвольные... Точно у васъ у всѣхъ есть въ запасѣ еще нѣсколько жизней: не удалась одна — не бѣда: будетъ другая, и третья, и пятая... А вѣдь жизнь — только одна, и кромъ насъ самихъ никто ей не хозяинъ.

— Э, всѣ у насъ здѣсь таковы, — вздохнулъ капитанъ. — У всѣхъ на душѣ лежитъ какой-нибудь камень. Гдѣ у насъ счастливые? Нѣтъ ихъ. У всякаго изломана жизнь, у всякаго и на душѣ камень, и за пазухой камень. Всѣ мы плывемъ между двухъ береговъ: отъ одного берега отошли, а къ другому не подошли. Ну, и „плыветъ нашъ челнъ по волѣ волнъ“. Глупо, конечно. Но что жъ подѣлаешь!

Всѣ молчали: всѣ пріуныли. Всѣ задумались о жизни — о своей, о чужой и объ общей, о той жизни, которая связываетъ всѣхъ людей бывшихъ и будущихъ во что-то единое.

— Бывало, романсы писалъ... а теперь—тюремщикъ!.. — вздохнулъ офицеръ.— Бывало, въ Омскѣ у острога Достоевскаго плакалъ отъ чистаго сердца... а теперь...

— А я вамъ скажу,—перебилъ его Щеголихинъ,— я банямъ Коробейникова поклонялся въ Омскѣ!.. да! Банямъ, въ которыхъ Федоръ Михайловичъ бывалъ арестантомъ... да! Поклонялся имъ—банямъ! Вотъ какъ! А вы давеча про памятники говорили. Вотъ и весь у насъ памятникъ великому человѣку: бани! Да и тѣ не такія ужъ, какъ въ его были время.

— Странно мнѣ, господа, очень странно все это слышать,— сказалъ Хельсинъ съ искренней грустью.

— Да. Чуть не цѣлую ночь все сидимъ, да другъ другу на что-то жалуемся,— конечно, это странно,— согласился учитель.—Все жалуемся, да плачемся, точно евреи на рѣкахъ вавилонскихъ... Только нѣтъ у насъ, какъ у нихъ, одного общаго Іерусалима: у насъ у всякаго свой личный Сіонъ! Всѣ мы разрозненны и одиноки, потому мы такъ и безсильны. Нѣтъ у насъ одной общей вѣры, одного общаго дѣла, одного для всѣхъ Іерусалима... Жалкіе мы люди!

Онъ закрылъ рукою глаза и замолчалъ.

— Да. Продали мы чорту душу!—подтвердилъ офицеръ и началъ разсѣянно перебирать струны, потомъ откашлялся, выкрикнулъ снова:—Эй, вы: гусли-мысли! — и тихо запѣлъ густымъ, надтреснувшимъ басомъ:

„На рѣкахъ Вавилонскихъ
тамъ сидѣли мы и плакали,
когда вспоминали о Сіонѣ“...

Голосъ его былъ грубъ, и пѣлъ онъ плохо, но струны заливались своей особой пѣсней - печальной и нервной, и прекрасной.

„Тамъ плѣнившіе насъ требовали
отъ насъ словъ пѣсней и притѣснители
наши—веселья: пойте намъ изъ
пѣсней Сіонскихъ"...

Щеголихинъ слѣдилъ за мотивомъ съ напряженнымъ вниманіемъ и уловивъ моментъ, подтянулъ офицеру высокимъ теноромъ, съ дрожью въ голосѣ:

— Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чужделй!..

— Какъ намъ пѣть пѣсню Господню на землѣ чужой!—продолжалъ офицеръ, прислушиваясь къ Щеголихину.

И оба они—одинъ по-русски, другой по-славянски—продолжали псаломъ, то поджидая одинъ другого, то обгоняя. Выходило странно, но стройно.

Всѣ слушали. Но всякій о чемъ-то думалъ.

Всякому становилось больно за свою надломленную изъязвленную жизнь; всякому грезился свой Іерусалимъ, который онъ и оплакивалъ.

И всѣ мало-по-малу стали чувствовать другъ въ другѣ случайныхъ и чужихъ людей, у которыхъ не было до сихъ поръ и теперь еще нѣтъ общаго Сіона, нѣтъ общаго единаго горя, нѣтъ общаго Вавилона. И радость, и плѣнъ, и надежды—у всякаго свои.

Хельсинъ понялъ это и ему стало жаль ихъ. Онъ хотѣлъ встать и крикнуть имъ:

— Проснитесь!

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать, чиновникъ громко зѣвнулъ и проговорилъ лѣнивo:

— Пойдемте... спать!

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	СТРАН.
Л. Андреевъ. Жизнь Василія Ѳивейскаго	1
Ив. Бунинъ. Стихотворенія	99
Ив. Бунинъ. Черноземъ.	111
В. Вересаевъ. Передъ завѣсой	133
Н. Гаринъ. Деревенская драма	143
М. Горькій. Человѣкъ.	209
С. Гусевъ. Въ приходѣ.	221
А. Серафимовичъ. Въ пути.	283
Н. Телешовъ. Между двухъ береговъ.	305

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ НАСТОЯЩАГО СБОРНИКА:

А. Купринъ. Мирное житіе.

Скиталецъ. Стихотворенія.

А. Чеховъ. Вишневый садъ.

Е. Чириковъ. На порукахъ.

С. Юшкевичъ. Евреи.

Цѣна 1 рубль.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное изданіе.

Вышелъ **ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** *Содержаніе:*

1. Лирика: 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ».
4. Демонъ міра. Поэма.
5. Аласторъ. Поэма.

Геліогравюра Дюжардена, изображающая Шелли.

Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ **ТОМЪ ВТОРОЙ.** *Содержаніе:*

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.
5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.

Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Печатается **ТОМЪ ТРЕТІЙ.** *Содержаніе:*

1. Маскарадъ анархіи. Поэма.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.
3. Волшебница Атласа. Поэма.
4. Эпипсихидіонъ. Поэма.
5. Адонаисъ. Элегія.
6. Эллада. Лирическая драма.
7. Отрывки неоконченной драмы.
8. Карлъ Первый. Драматическіе отрывки.
9. Торжество жизни. Поэма.
10. Повѣствовательные отрывки.
11. Статьи.

Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Очеркъ жизни Шелли.

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 92.

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

1. Эсхилъ. **СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.** . . . . . — р. 30 к.
2. Софоклъ. **ЭДИПЪ-ЦАРЬ** . . . . . — » 40 »
3. Софоклъ. **ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ** . . . . . — » 40 »
4. Софоклъ. **АНТИГОНА** . . . . . — » 40 »
5. Эврипидъ. **МЕДЕЯ** . . . . . — » 40 »
6. Эврипидъ. **ИППОЛИТЪ** . . . . . — » 40 »

Примѣчаніе: Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.

7. Платонъ. **ПИРЪ** . . . . . — » 60 »

Философская поэма. *Иллюстраціи:* снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха.

8. Байронъ. **МАНФРЕДЪ** . . . . . — » 40 »
9. Шелли. **ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** . . . . . — » 50 »
10. Шелли. **ЧЕНЧИ** . . . . . — » 50 »
11. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . . 2 » — »

Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. *Роскошно-иллюстрированное* изданіе: около **400** рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и **22** большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.

12. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . . — » 80 »

Дешёвое изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же **400** рис. въ текстѣ, 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.

13. Красинскій. **ИРИДІОНЪ** . . . . . — » 60 »
14. Бьёрнсонъ. **ПЕРЧАТКА** . . . . . — » 40 »
15. Гауптманъ. **РОЗА БЕРНДЪ** . . . . . — » 50 »
16. Золя. **УГЛЕКОПЫ** . . . . . 1 — »
17. Гёте. **ФАУСТЪ.** Обѣ части. Переводъ въ прозѣ П. И. Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика. . . 2 » — »

---

*Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться **исключительно** по адресу Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 92.*

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

Роскошно иллюстрированное изданіе. Переводъ въ стихахъ И. А. Бунина. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около **400** иллюстрацій въ текстѣ; **22** большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна **2** рубля.

Дешевое изданіе. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис. на отдѣльныхъ табл. Тотъ же переводъ, тѣ же иллюстраціи, какъ въ роскошномъ изданіи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна **80** коп.

Отзывы печати о переводѣ ***Ив. А. Бунина*:**

...„Во всемірной литературѣ не много есть эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы «Пѣснь о Гайаватѣ»... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ». (*Русск. Вѣдомости*).

«Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашего вѣка не только по своему исключительному поэтическому дарованію, но и по широкимъ интересамъ и высоко гуманному настроенію... Въ Великобританіи онъ занимаетъ мѣсто въ ряду величайшихъ поэтовъ... Лучшая поэма его—«Пѣснь о Гайаватѣ». Переводчикъ вполнѣ успѣшно справился со своей нелегкой задачей, сумѣвъ сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабивъ его могучей образности, что очень рѣдко случается съ нашими стихотвореніями»... (*Міръ Божій*).

«Пѣснь о Гайаватѣ»—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Благородный и величественный образъ Гайаваты, постоянно борющагося со зломъ и глубоко страдающаго за людей, производитъ необыкновенно облагораживающее, возвышающее впечатлѣніе... Незаурядный переводъ г. Бунина сдѣланъ по подлиннику съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно и какъ нельзя лучше передаетъ то величественное впечатлѣніе, какое и должна производить «Пѣснь о Гайаватѣ»... (*Сынъ Отечества*).

«Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большой своей части и прямо образцоваго перевода, принадлежащаго перу нашего молодого беллетриста Ив. Бунина»... (*Жизнь*, 1900 г.)

«Пѣснь о Гайаватѣ» принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ міровой поэзіи... Переводъ И. А. Бунина положительно превосходенъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполнѣ духъ подлинника и вообще очень близокъ къ нему»... (*Діонео, Од. Листокъ*).

«Пѣснь о Гайаватѣ»—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хорошій переводъ, онъ далъ произведеніе, отличающееся всей прелестью оригинала»... (*Вѣстникъ Воспитанія*).

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

Никольскій. ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

Разсказъ о путешествіяхъ: 1) въ Туркестанѣ; 2) на Ледовитомъ океанѣ; 3) въ Сѣверной Персіи; 4) На Сахалинѣ —Въ книгѣ **155** рис. Кромѣ того, **24** картины на отд. табл. Цѣна **2** р.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга ***рекомендована*** *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга ***одобрена*** *для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для* ***безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.***

Тиндаль. ЗВУКЪ.

Съ англійскаго.—Переводъ *М. А. Антоновича.*—**Второе** русское изданіе, свѣренное съ послѣднимъ англійскимъ изданіемъ и съ нѣмецкимъ переводомъ А. Гельмгольцъ и К. Дюбуа-Реймонъ, дополненное по англійскому изданію.

Двѣсти четыре иллюстраціи въ текстѣ.—Цѣна **1** р. **50** к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. настоящее изд. перевода **Антоновича** ***одобрено*** *для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ* ***въ награду,*** *а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для безплатныхъ* ***народныхъ читаленъ.***

Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ А. А. Кроғіуса. Цѣна **1** р. **50** к.

Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева.

Съ приложеніемъ указателя сочиненій по **психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психопатологіи,** составленнаго проф. Спб. Университета А. И. Введенскимъ, приватъ-доцентомъ И. И. Лапшинымъ и А. А. Кроғіусомъ.

«Психопатологія можетъ дать много цѣннаго для психологіи. Чтобы выяснить разные вопросы психологіи, мы должны выбрать изъ области патологіи такіе случаи, которые представляли бы, въ извѣстномъ смыслѣ, эксперименты, произведенные природой. Это именно и сдѣлалъ авторъ въ предлагаемомъ сочиненіи...» (*Изъ предисловія автора къ русскому изданію*).

«Современные психологи все чаще и чаще обращаются къ психопатологіи за разъясненіемъ многихъ спорныхъ вопросовъ. Являлась настоятельная потребность представить въ единомъ цѣльномъ изложеніи всѣ данныя патологической психологіи. Этой насущной потребности и отвѣчаетъ книга проф. Штёррингa...» (*Изъ предисловія академика Бехтерева*).

Дозв. ценз. Спб., 22 Августа 1903 г. Типографія **Н. Н. Клобукова** Лиговская, 34.

П М У
№ 13 13

Oy. 65 K.

Oy. - 64 K